

18+

Серик Асылбекулы

На чужом пиру

Сборник избранных произведений

Серик Асылбекулы На чужом пиру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345999

ISBN 9785449886484

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В эту книгу известного казахского писателя, драматурга, лауреата премии Союза писателей Казахстана им. Б. Майлина и международного литературного конкурса «Рух» С. Асылбекулы вошли избранные художественные произведения. Некоторые из них (пьесы «Осенний романс», «Ночь прозрения», «Отвести душу... по-казахски») в разные времена завоевали Гран-при республиканских театральных фестивалей и литературных конкурсов.

Содержание

Содержание	5
Рассказы	5
Повести	6
Пьесы	7
Прощальный бал	8
Рыжик	34
Свадьба в ноябре	45
Потомок Ходжи Насреддина	62
Свидание	81
Акиин	94
Есеке	117
День учителя	126
Семя	139
Отчая земля	165
На чужом пиру	187
Конец ознакомительного фрагмента.	203

На чужом пиру

Серик Асылбекулы

© Серик Асылбекулы, 2020

ISBN 978-5-4498-8648-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Рассказы

Прощальный бал. Перевод Р. Джангужина

Рыжик. Перевод Г. Шангитбаевой

Свадьба в ноябре. Перевод Г. Шангитбаевой

Потомок Ходжи Насреддина. Перевод О. Слободчикова

Свидание. Перевод О. Слободчикова

Акиин. Перевод О. Слободчикова

Есеке. Перевод О. Слободчикова

День учителя. Перевод О. Слободчикова

Семя. Перевод Р. Токбергенова

Отчая земля. Перевод Р. Джангужина

На чужом пиру. Перевод А. Утегенова

Гость. Перевод Е. Кузьминой

Зимние каникулы. Перевод Б. Какенова

Куст полыни на вершине Коныртау. Перевод Б. Какенова

Разлука. Перевод Г. Шангитбаевой

«Эх, Россия!...». Перевод А. Утегенова

Раздели мою печаль. Перевод А. Утегенова

Повести

Медная сайга. Перевод С. Сокпакбаевой

Калкаш. Перевод С. Сокпакбаевой

Рабига. Перевод С. Слободчикова

Под синим небом, над зеленой лужайкой. Перевод А.

Жаксылыкова.

Пьесы

Осенний романс. Перевод А. Утегенова

Ночь прозрения. Перевод А. Утегенова

Отвести душу... по-казахски. Перевод А. Жаксылыкова

Прощальный бал

Нураш стоял во дворе большого и красивого дома. Двор был чисто выметен и полит от силы часа два-три назад, и он, любуясь чистотой и порядком, все никак не мог наглядеться. Да, здесь не было той духоты, что царила в квартире. Не было того шума и суеты, что сопутствуют всякой вечеринке, которая проедает уши и изматывает до изнеможения. Стояла умиротворенная тишина. Лишь белоногие тополя, окружившие двор, тихо шелестели темно-зеленой листвой, не нарушая тишину. Вечерний ветерок доносил из палисадника аромат созревшего сена и серебристого тростника. Сверкающее мириадами звезд бездонное небо так же молчаливо и чисто, как этот ласковый июньский вечер. Изредка стрекочут кузнечики, слышится чем-то встревоженный, неугомонный галдеж лягушек у арыка.

Нураш с наслаждением потянулся. Новенький, специально сшитый к выпускному вечеру костюм слегка давил в груди, и он, сняв пиджак, аккуратно повесил его на веточку тополя.

Сегодня здесь праздник. Вечер выпускников школы. Прощальный бал... Музыка плавно льется из открытых окон дома. Какой-то юноша поет задушевную лирическую песню. Временами доносятся всплески хохота, которым дружно разражаются участники праздничного застолья.

Затем кто-то подошел к радиоле и оборвал песню на полуслове. Как будто по чьей-то указке шум и галдеж вдруг разом прекратились.

«Видно, кто-то собрался держать реч...». Нураш вслушался. Кто-то с шумом поднялся с места, громыхнув стулом. Наверное, кто-то из взрослых.

«Хмм...» – произнес, прочищая голос, собравшийся держать тост.

«Товарищй!.. Хмм...».

«А-а! Так ведь это же отец Саламата. Ох, и забавные люди эти взрослые. Что же они, никогда тостов не произносили, что ли?..».

– Да, товарищи!.. – «Теперь, похоже, наконец-то заговорит – голос обрел уверенность...».

– Думаю, что всем вам известен повод, благодаря которому все мы собрались сегодня здесь...

Нураш хмыкнул: «Дальше можно и не слушать. И впрямь забавные люди. А еще говорят про нас, казахов, что мы, якобы, красноречивы, умеем ценить слово. Так где же наше умение говорить. И не один отец Саламата таков. Даже и директор наш. Каждый раз, когда открывает собрание, вот также мнетя, сияясь отыскать слово...».

Из дома раздался дружный, веселый смех, который все никак не мог уgomониться. Нураш теперь уже отказался от недавнего своего суждения. «Нет, все же силен говоривший. Ведь не зря же все рассмеялись. Конечно же, не зря.

Жаль, что не расслышал, что было сказано. Может, это и есть красоречие...».

А между тем в доме вновь зашумели. Лишь звон рюмок доносится до слуха. В это время дверь с резким скрипом распахнулась и из дома вышел кто-то, в строгом костюме и белоснежной рубашке.

– Ты кого здесь караулишь?.. – спросил он, с наслаждением вдыхая свежий воздух и оглядываясь вокруг. – Ох, и хорошо здесь на свежем воздухе!..

– Кто сейчас говорил, твой отец? – спросил он, с наслаждением вдыхая свежий воздух и оглядываясь вокруг. – Ох, и хорошо здесь на свежем воздухе!..

– Кто сейчас говорил, твой отец? – спросил, улыбнувшись, Нураш вместо ответа.

– Да.

– Видно, сказал что-то интересное. Народ аж со смеху покатывается...

– Какое там интересное?! – поморщился Саламат.

– Нет, ты, наверное, не понял. Сказал-то он действительно что-то интересное...

Саламат не стал спорить.

– Не знаю, может быть, и впрямь что-то интересное... Слушай, Нураш, – продолжил он, спустя некоторое время, и резко обернулся к товарищу, словно собрался говорить нечто чрезвычайно важное и неожиданное. – Ты заметил, и взрослые, оказывается, порядком выпивают. Даже учи-

тельницы наши беленьким балуются. А помнишь, как поучали нас – все уши прожужжали: «Ой, не пейте, ох не берите ни капли в рот», – смешно передразнил он.

– Но ведь на то и праздник? Когда же еще пить?

– Да я и не собираюсь никого винить. Веришь, сейчас я их всех люблю, как никогда. Какие прекрасные люди, оказывается.

– Так уж я тебе и поверил, что все. Неужто и про Алпысбаева так думаешь? – съязвил Нураш, намекая на то, что Алпысбаев не раз заваливал Саламата по физике.

– А что! И Алпысбаев неплохой человек, – ответил Саламат, не обращая внимания на иронию товарища. – Скажу даже – отличный! Говорю же, все они прекрасные люди.

Дверь дома снова со скрипом отворилась.

– Тсс!.. – прошептал Нураш, прикладывая палец к губам. Оба вмиг затихли и подобрались к двери, прислушиваясь – кто же еще вышел во двор?

– Ой, да же это Алмагуль... – разочарованно протянул Саламат.

Девушка, на ходу натягивая туфли, направилась к друзьям, которые стояли теперь опершись о железную ограду палисадника. Подол ее плотно облегающего тело платья развевался на ветру.

Саламат сразу же стал задираться к ней.

– Гляди-ка, уже успела наклюкаться, – ноги не держат...

– А что?! И выпила! – с вызовом ответила девушка, ни-

сколько не смутившись. Глаза ее смотрели дерзко и игриво.

– Ну давай, давай... надирайся до чертиков, – произнес Саламат, не найдя что сказать. – И что ж там интересного происходит?

– А ничего интересного. Все напиваются, словно только этого и ждали.

– А взрослые, те и не собираются уходить? По-моему, детское время уже на исходе.

– Не знаю, директор было заикнулся на этот счет, но кто-то из родителей воспротивился, кажется.

– Ну и что же... – заключил Саламат.

...Звезд становилось все больше и больше. В бездонном, иссиня-черном небе разомлевшего летнего вечера появилась робкая луна. Вокруг разлилась тишина, так что слышно было журчание бегущей по уличным арыкам воды и дыхание ветра, нежно притрагивающегося к листве тополей. Но вот репродуктор, установленный на телеграфном столбе у клуба, внезапно прохрипев, стал гулко отбивать полночь по московскому времени. И, как бы дожидаясь боя часов, дом, в котором шел той, вначале утих, потом вновь слышались голоса. Громкие споры.

– Возвращаются... – отметил Саламат, который все это время прислушивался к шуму.

Алмагуль с облегчением вздохнула, словно сбросила с себя какую-то тяжесть.

– Слава богу...

На улицу, вместе со взрослыми, гурьбой высыпали и сами виновники сегодняшнего торжества – выпускники школы. Все они были нарядно одеты. Особенно выделялись девушки, порхающие в темноте ночи словно белые майские бабочки. Казалось, если бы пристроить к их спинам крылья, они бы тут же воспарили в небо.

– Глянь-ка, какие у нас девушки! – восхищенно воскликнул Нураш.

– Да, точно ангелы, спустившиеся с небес, – поддержал его Саламат.

– А-а! Вот как вы запели, – рисуясь, рассмеялась Алмагуль.

Шум у дверей не стихал. Взрослые топтались на дворе – им было трудно оставить эту расцветшую юность. – любимых своих мальчишек и девчонок, своих учеников. Расходиться ли им по домам, или остаться, хотя бы недолго, рядом с этой открыленной радостью молодежи, чистой и свежей, как эта июньская ночь, что нежится под звездным небосводом. Этого, пожалуй, они и сами сейчас не знали, оттого и стояли в нерешительности, оттягивая приближающееся завершение праздника. Первой приняла решение Майя Дмитриевна – учительница русского языка и литературы. Лаского оглядывая ребят, она вышла на середину двора.

– А ну-ка, молодежь! Станцуйте-ка еще разок на наших глазах, – задорно попросила она. Девичья половина зашумела, подхватив призыв учительницы.

– Выносите радиолу, ребята! – звонко приказала одна из девочек.

Двое юношей бросились в дом за радиолой. И вновь музыка заполнила ночную тишину. И вновь тот же юноша с девичьим голосом запел, томно страдая.

Стайка девушек, окружив Майю Дмитриевну, спорили между собой за право потанцевать с нею последний танец. Наконец наиболее бойкая из них вывела на середину круга раскрасневшуюся, веселую и безмерно счастливую учительницу. И начался общий танец. Кроме неутомимой молодежи пустились в пляс и взрослые, чьи ноги еще не утратили легкости.

– Взгляните-ка!.. – громко хмыкнула Алмагуль. – Рахат Жагыпарович тоже никак не угомонится.

– Ну и что ж тут такого? – с неприязнью спросил Нураш. Но замечание это, похоже, не возымело никакого действия на девушку, которая нисколько не смутилась.

– Вы на его ноги посмотрите, на ноги, – давилась она от смеха.

Рахат Жагыпарович прихрамывал слегка на одну ногу, и до Нураша только теперь дошло, что так рассмешило Алмагуль.

– А-а!.. – невольно улыбнулся он.

– А что! Совсем даже неплохо получается, – заметила девушка, продолжая с интересом следить за движениями танцующего учителя.

– И вправду, сразу же и не отличишь от других, – согласился Нураш с одобрением.

– Да, когда он танцует, будто бы и пропадает его хромота. Вскоре танец закончился.

– Ну вот. А теперь можно и по домам. Пусть молодежь повеселится без нас, —сказал кто-то из взрослых, повысив голос, чтобы привлечь к себе внимание.

Поначалу казалось, что остальные не очень-то согласны с ним. Но, пошутив, поговорив о том о сем, взрослые, поочередно благодаря хозяина, который по широте душевной выделил свой дом для этой вечеринки, один за другим, стали медленно расходиться. Вслед за остальными, заметно прихрамывая, пошел и Рахат Жагыпарович.

Подходя к воротам, он заметил троих ребят, которые стояли особняком от других, прислонившись к железной ограде палисадника.

– А вы что здесь делаете, – нарочито грозно прогремел он густым басом.

– Да так... – пролепетали юноши, смешавшись.

– Агай, мы просто дышим свежим воздухом, – ответила за всех. Алмагуль игривым тоном, больше подходившим для ровесниц Рахата Жагыпаровича, нежели для его недавней ученицы.

– А-а!.. Ну хорошо! Хорошо! И вправду, вечер сегодня выдался такой славный. – Не найдя повода для продолжения разговора, старый учитель двинулся дальше.

Алмагуль шепнула Нурашу: «Чем стоять так, давай лучше проводим его».

– Зачем? А, впрочем, как хочешь... – согласился Нураш неохотно.

Крепко взяв Нураша за руку, Алмагуль потянула его за собой, и они побежали догонять учителя.

– Агай! Можно, мы вас немного проводим? – переводя дыхание, спросила девушка, приближаясь к учителю.

Рахат Жагыпарович вздрогнул от неожиданности и вначале растерялся, не признав из сразу в темноте. Затем, совладав с собой, он благодарно улыбнулся.

– А, это вы?!

– Агай, кажется, не узнал нас, – прыснула Алмагуль и шаловливо рассмеялась.

– Признаться, не узнал поначалу, – улыбнулся учитель. – Вы все сегодня так-то сразу повзрослели. Эх, дети, дети!..

– Агай, вы же сами только что сказали, что мы повзрослели. Теперь мы уже не дети, в совершеннолетние, – лукаво произнесла Алмагуль.

– Смотрите-ка на нее! – учитель взгляделся в юное, счастливое лицо своей недавней ученицы, – для меня вы всегда будете детьми. Вот вы с Нурашем учились то ли в первом, то ли во втором классе, когда я приехал сюда учителем. И оба были босоногими пострелятами, не умеющими вытереть нос. Эх, оказывается, вот так нас жизнь делает стариками. А ведь кажется, что то время было только вчера.

– Скажете тоже, агай. Носы-то у нас всегда были чистыми, – звонко рассмеялась девушка.

– Может, у тебя и был чистым, ты ведь и в те времена была бойкой девочкой, – согласился Рахат Жагыпарович, – а вот Нураш, помнится, был стеснительным, избегал других.

Все трое дружно рассмеялись и некоторое время шли молча.

– Ну а теперь я и сам как-нибудь дойду, – сказал учитель, – спасибо вам, милые.

Алмагуль и Нураш долго стояли на месте, провожая взглядом удаляющийся силуэт прихрамывающего учителя. А тот, словно ощутив затылком устремленные на него взгляды, обернулся и с умилением произнес:

– Да не стойте вы так. Лучше поспешите ко всем. Ведь праздник ваш продолжается! – и, повернувшись, медленно удалился в темноту улицы.

– Пора возвращаться, – тихо обратился Нураш к внезапно сникшей девушке.

Была уже глубокая ночь, но аул не спал. Аул праздновал и ликовал. Аул устроил пир на весь мир. Со стороны реки, где расположились новостройки, доносились тянущие звуки гармони, изредка прерываемые взрывами веселого смеха молодых голосов. Воздух свеж и прозрачен, бодря как молодой кумыс.

– И на той стороне кто-то празднует, – произнесла Алмагуль, обернувшись на звуки далекой музыки и веселых воз-

гласов.

– Еще бы! Ведь там свадьба, – ответил Нураш. – Брат Сарсенбека женится.

– Да что ты говоришь? Это который? Неужто нашего Муратова Сарсенбека брат?!

– А что же в этом удивительного?..

– Странно! Да ведь он совсем недавно вернулся из армии. И учился он, помнится, всего-то на три класса выше нас...

– Так что ж в этом странного?! К примеру, ты тоже невеста гоовая. Глядишь, через годика два и на твоей свадьбе погуляем!

– Иди-ка ты, – притворно рассердилась Алмагуль, представив на мгновенье себя в роли счастливой невесты, и не удержалась от мечтательной улыбки.

В это время со стороны новостроек раздался молодой мужской голос, затянувший песню. Поначалу неуверенный, он постепенно набирал широту и силу:

Образ величавого Алатау

Стоит передо мной...

– Сдается мне, – усмехнулась чему-то своему Алмагуль, – голос Бахыта.

Она надолго замолчала, словно исчерпав все темы для разговора. Луна ярко освещала путь, и все же в одном месте, обходя чей-то сарайчик, Алмагуль споткнулась о кол для привязи коровы и едва не упала. Если бы не идущий рядом Нураш, она, наверняка бы, не удержалась на ногах. Острие

кола слегка покорябало ногу и она, постанывая от боли, шла до центральной улицы, опершись о плечо Нураша.

– Нураш, – неуверенно произнесла девушка, когда они вышли к середине улицы. Намереваясь что-то спросить, она остановилась и, еще больше смутившись, неуверенно повторила:

– Нураш?..

– Ты что-то хотела спросить?

– А правда, что ты ухаживаешь за Бибижан? – выдавила из себя Алмагуль.

– Кто тебе это сказал?

– Все девочки об этом только и говорят.

– Вот и спроси у девочек своих! – оборвал ее Нураш.

– Мне кажется, что вы в последнее время не ладите между собой, – сказала девушка, не обращая внимания на его тон. – Да и сегодня ты что-то не в себе.

Нураш сделал вид, что не расслышал последних слов девушки, и шел молча. Видя это, Алмагуль не стала допытываться.

– Ты только не обижайся, – извиняющимся голосом сказала она. – У-у-уф! Ну и замерзла же я что-то...

В небе появились длинные пушистые облака, и задул легкий ветерок. Тополя враз беспокойно зашелестели листьями.

– Иди ко мне, согрею, – улыбнулся Нураш, обернувшись к девушке. И, не дожидаясь ответа, притянул ее к себе. Не очень сопротивляясь ему, Алмагуль лишь грустно вздох-

нула чему-то и молча пошла с ним рядом. Несмотря на то, что она только что сетовала на холод, тело ее было горячо, как огонь, и обжигало Нураша.

– Погоди-ка,.. – произнес он сорвавшимся вдруг голосом, не понимая, зачем он это говорит. Девушка с удивлением взглянула ему в глаза и от смущения заметно покраснела.

– Нураш...

Не слушая, Нураш резко привлек девушку к себе и торопливо поцеловал ее в дрожащие губы.

– Нураш, – прошептала она, задыхаясь, но не оттолкнула его, а, наоборот, прижалась к нему еще крепче.

Нураш еще раз поцеловал ее. На этот раз поцелуй был продолжительным и пьянящим. Вдруг Алмагуль резко отпрянула от него.

От неожиданности Нураш покачнулся.

– Бибижан!.. – шепнула Алмагуль осекшимся голосом.

Нураш резко обернулся и замер от растерянности: шагах в десяти от себя он увидел двух девушек, которые, оказавшись нечаянно рядом с ними, испуганно бросились в сторону. В одной из них он узнал Бибижан.

– Ну и пусть! Пусть! – прошептал он с досадой и снова притянул к себе Алмагуль. Но на этот раз девушка резко оттолкнула его от себя...

Праздничное веселье входило в разгар. Молодежь, полностью завладев домом после ухода старших, шумела как разбуженный улей. Староста 10-го «А», Айдар, взявший на се-

бя роль тамады, о чем-то важно говорил, словно открывая официальное собрание.

— Подождем здесь до окончания тоста, — предложила Алмагуль после того, как они вошли в коридор и в нерешительности остановились, опасаясь появиться вдвоем на виду у всех.

Нураш безучастно согласился.

Айдар уверенно произносил речь. Этот не из тех, кто смущается говорить при других, спотыкаясь на каждом слове. Бархатный его голос, ровный и уверенный, словно у диктора, поневоле заставляет прислушаться.

— Ты только послушай его! А ведь Айдар у нас оратор! — улыбнулась Алмагуль, повернувшись к Нурашу.

— Ну, прямо, готовый начальник — хоть сейчас сажай в кресло директора совхоза, — не унималась Алмагуль.

— Почему совхоза? — спросил Нураш, раздражаясь. — А почему не директором какого-нибудь крупного завода? Скажем, Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения.

— Да что ты заводишься?! Ну какая разница? Лишь бы быть директором.

— Есть разница.

— Ну а ты, ты-то сможешь стать директором? — спросила она, резко обернувшись к нему.

От неожиданности Нураш не нашелся, что ответить.

— Не сможешь! — категорично ответила за него девушка.

— Это почему же? — спросил задетый ее тоном Нураш.

– Человек, который хочет стать директором, должен обладать одним очень важным качеством – он должен внушать страх. А ты робок и нерешителен, – отчеканила она, а замет, опережая его возражения, поднесла палец к губам: «Тс-с» – и прислушалась к тому, о чем говорил тамада.

– ...Товарищи! – заключил свой длинный тост Айдар. – Итак, с сегодняшнего дня мы вступаем в новую жизнь. Отныне мы взрослые люди! Повторяю, взрослые! Так давайте же поднимем за это наши бокалы!

Молодежь одобрительно загудела.

– Ура! Теперь мы взрослые! Взрослые! – раздавались ликующие голоса.

– Слышишь? Оказывается, мы стали сегодня взрослыми, – прошептала Алмагуль, ласково прижимаясь к юноше.

Нураш продолжал угрюмо стоять, не поддавшись настроению окружающих.

– Ну что ты? Неужто обиделся на мои слова, – ласково упрекнула его Алмагуль. – Да пошутила я. Как будто бы сам не знаешь, что ты у нас обязательно станешь большим человеком.

От смущения Нураш залился краской.

– А ну тебя...

– Говорю же, что ты чересчур стеснителен, – поддразнила девушка.

В это время все повскачили со своих мест и потащили стулья по углам.

– Товарищи! – громко командовал Айдар. – Объявляю массовые танцы. Приказываю всем танцевать!.. Первым объявляется дамский танец!..

– Это почему же дамский танец первый?! Вначале полагается офицерский вальс! – возразила одна из девочек, давая понять этим о своей большей осведомленности в области бального церемониала.

Несколько ребят, во главе с Саламатом, выскочили гурьбой в коридор.

– А ты все еще здесь прохлаждаешься? – нарочито удивился Саламат, столкнувшись с Алмагуль.

Ребята чинно вытащили из карманов сигареты и закурили. Саламат протянул раскрытую пачку Нурашу.

– На, покури хоть...

– Ты ведь, помнится, не курил раньше? – спросил Нураш, зачем-то беря сигарету.

– Ну, старик, теперь времена другие настали, – растянулся в улыбке Саламат. – Теперь мы взрослые.

– Вижу, что взрослые: на ногах едва стоите, – раздражаясь чему-то, бросил Нураш.

– Еще бы! Рюмок по пять-шесть пропустили, – не замечая раздражения Нураша, прихвостнул Саламат. – Хочешь, выпьем еще?

– Там, что ли?

– А где ж еще?

– Неудобно как-то, – неожиданно для себя заколебался

Нураш.

– Вот дает... Даже в свой праздник чего-то праздник чего-то боится, – с чувством превосходства произнес Саламат. – Ладно уж, я сейчас...

Не вынимая изо рта дымящейся сигареты, слегка пошатываясь, Саламат прошел в комнату и вскоре вернулся с початой бутылкой водки в руках.

– Ничего, кроме «русской», не осталось, – разлился он в широкой пьяной улыбке, наполняя водкой граненый стакан.

– Что ж ты до краев набухал, – упрекнул его Нураш, боязливо поглядывая на протянутый ему стакан.

– Ничего с тобой не случится. Пей – мужчина!

Нураш впервые в жизни держал в руках стакан водки. Ее острый, бьющий в ноздри запах заставил его сморщиться, как только он поднес стакан ко рту.

– Ну что ты тянешь! Выпей залпом! – подбодрил его один из стоявших рядом ребят.

– Пить, так пить! И нечего морщить нос, как невинная девочка, – бросил другой. – Да не бойся ты! Так только хуже себе сделаешь.

Нураш зажмурился и начал пить крупными глотками, невероятными усилиями скрывая свои страдания...

Спустя некоторое время они пошли в комнату, где разгорались танцы. Нураш присел на один из стульев, отставленных в сторону, ощущая, что в висках начали гулко отдавать

удары сердца.

Комнату заполнила музыка. Все та же песня, исполняемая тонкоголосым юношей, под которую кружились пары танцующих. Нураш поискал глазами Бибижан.

В последнее время между ними что-то произошло. Кажется, он ни в чем перед ней не виноват, а девушка упорно его избегает. Хоть бы сказала...

Неожиданно Нураш вспомнил недавнее происшествие на улице.

– Теперь все... все кончилось... Ну и пусть, пусть! – прошептал он громко и оглянулся по сторонам в испуге, что кто-то услышал его.

Несколько девочек и ребят у окна о чем-то горячо спорили. Среди них была и Бибижан. Музыка заглушала голоса, и расслышать их было невозможно. Видно только было, что спор их всерьез затянулся. Особо горячились ребята, среди которых выделялся Айдар. В привычной своей манере говорить, размахивая руками, он что-то доказывал. Иногда он обращался к Бибижан, но девушку, похоже, не увлекал спор, и она безучастно кивала головой.

– Эх, Бибижан, Бибижан... – всегда, когда он думал о ней, сердце его переполнялось смирением и тихим восторгом. А она не понимает этого. Сейчас, наверняка, она ненавидит его. Конечно же, он виноват. И откуда только она взялась в тот момент. Словно выслеживала.

– Ну и пусть, пусть! – снова прошептал он, озлобляясь.

В эту минуту ему показалось, что он ни в чем не виноват перед ней. Скорее, она...

Нураш продолжал сидеть, пристально вглядываясь в девушку. Но она даже краем глаза не посмотрела в его сторону.

Танец закончился, и все стали расходиться парами. Кто-то поставил еще одну пластинку. Нет, не новую! Все то же сладкоголосый юноша в который раз затянул свою надоевшую песню. Нураш скривился, словно от зубной боли: «Неужели ничего путного не нашли?!»

– Потанцуем, Рахимжанов?! – чья-то мягкая рука легла на его плечо.

Нураш поднял голову и, увидев Алмагуль, подался за ней.

– Рахимжанов, ты что-то совсем скис, – испытывающе оглядев его, сказала Алмагуль.

Нураш взглянул на нее слегка помутневшими глазами. Она и не думала стесняться. Открыто глядела на него, словно не она вовсе, а какая-то другая девушка целовалась с ним недавно.

Нураш невольно отвел взгляд.

– Да так. Голова что-то...

В это время кто-то снял с диска пластинку.

– Вот это правильно! Молодец!... – неожиданно повеселев, произнес Нураш.

– Что правильно?

– То, что пластинку сменили, наконец.

– А-а, это...

Зазвучал вальс «Амурские волны», без которого не обошелся ни один из школьных вечеров. Мелодия вальса и в самом деле была прекрасна – с первыми аккордами, эта нежная, влекущая музыка, словно чистый родник, выплескивалась из глубины, и невозможно было устоять перед ее чарующими звуками.

Танцуя, Нураш искоса поглядывал на свою партнершу. Она действительно была очень хороша. Прямой нос, стройная, большие карие глаза, у которых лишь один изъян, что смотрят черезчур открыто.

– Алмагуль, а ты, оказывается, ужасно красивая, – шепнул девушке Нураш.

– Неужели?! – ответила она с откровенной усмешкой. – С чего это ты взял?!

– Да ты настоящая красавица!.. И где это раньше мои глаза были!

– А ведь и сейчас не слишком поздно, — рассмеялась Алмагуль звонко, — да только...

– Что только?

– Ладно уж, брось выпытывать. Вон Бибижан смотрит, постыдился бы.

Нураш невольно оглянулся. Бибижан и в самом деле следила за ними из угла комнаты. Неожиданно встретившись взглядом с Нурашем, она, словно застигнутая на месте преступления, густо покраснела и отвернула сь. В это мгновение юноша почувствовал какую-то томящую жалость к ней

и к себе.

– Нураш, а у тебя усы, я гляжу, пробиваются, – попыталась изменить его настроение Алмагуль.

– Значит, пора... – буркнул нехотя Нураш.

– Интересно все же, – продолжала девушка, не придав значения его тону. – Как сказал Рахат-ага, кажется, что только вчера мы были детьми. В школе я все спешила скорее закончить учебу и освободиться от опеки старших и учителей. Десять лет казались для меня вечностью. А сейчас смотришь и удивляешься, что все промелькнуло за какие-то мгновения.

Нураш промолчал. Действительно, детство и школьные годы промчались так быстро, словно не годы это были, а мгновения.

– Нураш...

– Ау...

– Говорят, ты едешь учиться?

– Да.

– В Алма-Ату, конечно?

– Нет.

– А куда же еще?

– В Ленинград.

– В Ленинград?! Ну даешь! Теперь, небось, и носа не покажешь к нам.

Нураш поневоле рассмеялся.

– Об этом будешь говорить после того, как я поступлю.

– Ты-то поступишь, конечно... – сказала девушка, не скрывая сожаления.

Нураш не стал возражать. Да и как возразишь против такого варианта. Впрочем, мысли его занимало в это время совсем другое.

– А когда отправляешься? – спросила Алмагуль через некоторое время.

– Послезавтра.

– Но ведь до экзаменов еще уйма времени.

– Отец так решил, – ответил Нураш. – Говорит, чем без толку шататься по аулу, лучше уж езжай пораньше да подготовься к экзаменам.

– Может, так действительно лучше. Если уж ехать, то пораньше.

– Ну а ты? – спросил Нураш больше из вежливости.

– Мы? Мы если и уедем, то не дальше областного центра. В какой-нибудь из тамошних техникумов или училищ поступимся. Попытаем счастья, так сказать.

– Это почему же?

– А потому, что сами виноваты. Куда нам соваться в институты с нашими троечками в аттестате? Для нас сгодятся те самые техникумы и училища, о которых вы и думать не думаете.

Нураш рассмеялся.

– Чему то смеешься? – обиделась Алмагуль.

– Да так... Тому, что ты искренняя девушка.

– Не знаю... Не уверена... —повела плечами Алмагуль.

Вальс закончился. Амурские волны с плеском бившиеся о берега, оборвали свое волнующее кипение. Все снова разошлись по своим местам. Возбуждение и шум пошли на убыль, некоторые даже невольно позевывали.

– А теперь сделаем небольшой привал. Что-то в горле пересохло, – предложил один из ребят.

– Да вам бы только выпить, – ворчливо ответила стоявшая рядом с ним невысокая смугленькая девушка.

Большинство же безучастно стояли, ожидая слова тамады.

– Присядем, так присядем. И правду, в горле пересохло, – вяло пошутил Айдар. Затем, взглянув на настенные часы, удивленно произнес:

– Ребята, ведь уже шестой час!..

Все стали рассаживаться за стол, хотя прежнего энтузиазма ни у кого уже не было.

– Нураш, иди сюда, – позвала к себе стоявшего поодаль спутника Алмагуль. Нураш безразлично повиновался.

В это время в комнату с шумом вбежало несколько девочек. Они насквозь промокли под дождем.

– Товарищи! А на улице дождь!.. – с восторгом закричали они.

Все радостно зашумели, словно до этого только и делали, что с нетерпением ждали дождя. Постепенно шум стих и за окном отчетливо слышались звуки падающих капель. В наступившей тишине вдруг прогремели разрываю-

щие небо грозовые раскаты, и по стене метнулись всполохи молнии. Вслед за ними вниз обрушились потоки ливня.

***

К утру начали постепенно расходиться. Среди тех, кто собрался уходить первыми, была и Бибижан. Теперь уже Нураш во что бы то ни стало решил встретиться с ней наедине. Выждав момент, когда сидящие рядом с ним увлеклись разговором, он пулей выскочил из-за стола. В передней Бибижан и ее подружка Сара разыскивали свою обувь среди одинаковых белых туфелек, выстроившихся в ряд, словно стая белых лебедей.

– Бибиш!.. – прознес он сбившимся голосом.

Бибижан оглянулась на знакомый голос. Нураш даже отпрянул от неожиданно резкого взгляда. Полные слез глаза девушки глядели на него со злостью и презрением.

– Бибижан!.. – произнес он дрожащим голосом, приближаясь к ней.

Девушка отвернулась от него, суетливо надевая туфли. Пальцы не слушались ее, и она все никак не могла застегнуть петельки на туфлях.

Так и не сумев справиться с петельками, она опрометью выскочила на улицу. Поначалу замерев от растерянности, Нураш бросился вслед за ней.

За это время подружки удалились на порядочное расстояние. Нураш припустил за ними, оглушая затихшую улицу гулким топотом. У клуба девушки разминулись. Нураш бро-

сился вслед за Бибижан, которая свернула к улице, расположенной с восточной стороны аула. Заметив, что ее преследуют, девушка ускорила шаги. Намереваясь настигнуть ее, Нураш побежал наперерез, и они одновременно достигли знакомой зеленой калитки.

– Бибижан! – произнес запыхавшийся Нураш. – Подожди немного... «Я ведь послезавтра уезжаю в Ленинград», – хотелось прокричать ему.

Но поняв, что в нынешнем положении его слова оказались бы верхом бестактности, прикусил язык.

– Бибижан!.. – повторил он в отчаянии.

Девучка обожгла его взглядом и, перескочив через невысокую ограду, оказалась во дворе...

Ошеломленный Нураш остался один. Какая-то щемящая горечь охватила его. Может быть, только сейчас начинал он осознавать, что сегодня в начинающейся жизни произошла самая первая и непоправимая ошибка. Может, это и не было вовсе ошибкой, а только началом череды утрат, которые предстоит еще испытать ему в жизни. В эти минуты он не способен был думать об этом и лишь смутно ощущал, что прощается не только с Бибижан, но и с беспокойным, хотя и очень дорогим для него чувством, которое, подобно короткому весеннему ливню, обрушилось на него и также внезапно оборвалось, оставив зарубку в памяти.

В эти минуты он прощался с робким и невинным детством, которое уже больше никогда не повторится в нем и спустя

многие годы будет заставлять его, уже зрелого и степенного человека, со сладостной болью и нежностью возвращаться в него памятью, кропотливо перебирая мельчайшие подробности минувшего, такого дорогого и такого недостижимого...

С востока величаво и торжественно возгоралась заря. Дождь все еще продолжал моросить. А молодые люди, вчера еще бывшие одноклассники, расходились по домам, прощаясь друг с другом, как прежде, словно до завтра.

РЫЖИК

Майра заметила их издали и помахала рукой. На ней были джинсы и модная темная маечка. Оперевшись на ствол березки, не успевшей еще осыпать на землю свои желтые листья, Майра молча поджидала их в небольшом саду рядом с железнодорожным вокзалом. Дорожный саквояж и две туго набитые сумки громоздились подле девушки. Утреннее солнце поднялось над высоким мостом, и его лучи играли бликами на металлических застежках саквояжа. Вся эта картина красноречиво свидетельствовала о том, что Майра на полном серьезе собралась в дальний путь.

Один из двух парней, пришедших проводить ее, фыркнул: – Вот дуреха!.. – И произнес он это без лишних колебаний, видно, нисколько не сомневался в верности своих суждений, впрочем, это присуще юным – ведь Токшылыку Бекниязову едва исполнилось двадцать лет. Однако другой провожатый промолчал. Пожалуй, именно так он и должен был поступить – во всяком случае, если судить по кроткому выражению его глаз, по тонкой линии бледных губ, свойственной натурам сентиментальным и мягким. К тому же, если бы человечество состояло из одних лидеров, разве была бы наша жизнь так сложна, противоречива, а в конечном счете так интересна и значительна?

Широкий перрон выглядел так же сиротливо, как и этот

заброшенный осенний сад. Голые деревянные скамейки уныло тянулись вдоль тротуаров. Безлюдно, только на другой стороне улицы неуклюже гонял ручных голубей пухлый карапуз лет пяти-шести. И трудно было понять, живет ли он где-то поблизости, и если нет, то где его родители – присутствие здесь этого маленького сорванца было такой же необъяснимой загадкой, как и вызвавшее всеобщее недоумение Майры уехать насовсем.

Вид у стоявшей в одиночестве девушки был довольно невеселый, но, увидев, приближающихся джигитов, она похоже, обрадовалась.

– Эй, цыплятки! Ну же, ну, двигайтесь поживее!.. – прокричала она им издали. – А то плететесь, как беременные бабы с коромыслами.

– Ох и дурная!.. – снова проворчал Токшылык, качая головой. – Ну, привет тебе, невеста!.. Как дела!

Майра в ответ с готовностью – о, она умела подхватить шуточный тон! – изобразила изящный реверанс и, склонившись, так и застыла, вскинув на парней свои лучистые бархатные глаза с нарочитым вызовом.

– А чем, спрашивается, я не гожусь в невесты?! Ну-ка, господин Кожаниязов, приглядитесь получше!

– Ладно, годишься в невесты, – сдаваясь, пробурчал себе под нос Токшылык.

– Вот такие у меня дела, – Майра выпрямилась и развела руками с видом человека, у которого нет никакого выбора: –

Внезапные исторические события вынуждают меня шагнуть в неведомую новую жизнь... У самих-то все в порядке, надеюсь? Никак со второй пары смылись, негодники?

– О, ваш прозорливый ум совершенно точно определил сложившуюся на настоящий момент общественно-политическую ситуацию, – с иронией отпарировал Токшылык.

Тут Майра обратила свой чарующий взгляд на того самого джигита с мягким выражением лица и влажными глазами – а природа, надо отметить, щедро одарила ее не только быстрым умом, острым язычком и стройными ногами, но и в полной мере наделила ее женственностью.

– Нурлан, а ты что молчишь?

Нурлан считался в их студенческой среде достопочтенным гражданином, уже успевшим с честью исполнить свой воинский долг перед Отчизной. Однако всякий раз, когда оказывался перед этой веселой шалуньей, Нурлан начал ощущать себя беззащитным глупым ребенком. В связи с этим немало обид он таил на всевышнего. Нет, он не просил у матушки-природы ни великого ума, ни красоты, ни силы; ему бы только не быть в немилости у хрупкой половины человечества – вот и все, о большем счастье этот робкий мечтательный юноша и не мечтал. Вот и теперь – увы! – он так и онемел перед Майрой, мучительно покраснев и опустив глаза.

– Да не приставай ты к нему, – заступился за приятеля Токшылык. – По моим наблюдением, в его несчастном организ-

ме, как и в твоём, со вчерашнего дня проявились симптомы этой инфекции под названием «любовь».

– Ну и трепач! – обиженно нахмурилась Майра. – Сколько, однако, развелось на свете острословов. Кстати, а почему Намиля не пришла?

Намиля училась в одной группе с ними и приходилась самой близкой подругой Майре. Это была маленькая подвижная девушка с собранными на макушке в пучок волосами. Если кто-либо ей нравился, она только вскидывала снизу вверх глаза и в полном недрумении молча взирала на человека.

– По всей вероятности, эта гражданка уже не явится, – со вздохом сообщил Токшылык. – Во всяком случае, когда мы уходили, она и не шелохнулась.

Майра заметно опечалилась.

– Ой, вот Намиля как раз-то и должна была прийти, – огорченно заметила она. И, став вдруг серьёзной, призналась: – Видишь ли, Тока, это ведь у меня не обычные девчачьи штучки. В моей жизни, на самом деле, скоро произойдут огромные перемены, я не придумываю. Без него мне нет жизни. Понимаете, оказывается, я все еще люблю его!

Джигиты изумленно переглянулись. Удивляться-то, в общем, было нечему: человек приходит на этот свет, влюбляется, страдает, обзаводится семьёй и в конце концов со всем этим навечно расстается. Таков закон жизни. Однако наши распрекрасные герои, как и вся нынешняя молодежь, пола-

гали, что зазорно вот так простодушно изливать перед другими свои сердечные муки. И Майра тоже относилась к жизни с легким пренебрежением, она была одной из тех девушек, кто предпочитает платью брюки и не выпускает сигарету из рук. И вот вдруг перед джигитами совершенно другой человек.

Они снова растерянно переглянулись. На лице Токшылыка, который привык критиковать все вокруг, проступила ирония:

– Этому парню, видно, нет равных во всем мире, коли ты так рвешься к нему, – натянуто улыбнулся он.

– Увы, в самом деле так и есть, – вздохнула Майра. – Кое-что я вам уже рассказывала о нем. В ауле он с ранних лет прославился своим дерзким характером. Никому спуску не давал. Потому и частенько получал от мальчишек постарше. После восьмого, когда перешел в девятый, он вдруг заметно похорошел и стал так красив, что глаз было не отвести. Впрочем, он и сам это понимал, ходил гордый и никого не замечал, особенно нас, подростков школьниц. Но все равно все мы тянулись к нему. Из одного нашего класса разом трое девчонок влюбились в него. Мысли о нем преследовали меня и днем и ночью...

Токшылык усмехнулся:

– Все вы, девчонки, такие. Вам бы только чтоб физиономия посмазливее была, чтобы волосы раскудрявые до плеч, да чтоб понахааннее... Разве, кроме этого, вам что-нибудь

еще нужно?

– Это еще как сказать... – задумчиво проинесла Майра. – Возможно, ты и прав. Мы ведь и впрямь только и делали, что ловили каждый его взгляд. Ну а ему приглянулась совсем другая. Прослышали, что он дружит с одной девушкой – Ал-маш ее звали, училась классом старше нас. О, это была очень гордая девушка, и она всегда высоко держала свою красивую голову. В душе я жестоко страдала. Учебу забросила. А ведь неплохо успевала. Да и теперь, в институте, сами знаете, в хвосте не плетусь. А тогда... чуть рассудка не лишилась. Наша классная руководительница – женщина же, как-никак – догадалась, что со мной творится. И давай что ни день маму в школу вызывать. Мама-то одна растила нас, братишка мой младший в ту пору совсем еще маленький был. Я – вон что вытворяла. Терпела она, терпела, и в один прекрасный день не выдержала да отлупила меня хорошенько. А потом вдруг расплакалась, да так горько... До того самого момента я как-то и не задумывалась о том, что мать моя одинока, что она вдова. И тут мне ее, бедную, так жалко стало, что она вдова. И тут мне ее, бедную, так жалко стало, что я решила: «Да пропади она пропадом, эта моя любовь, да не нужно мне во-все все это!». Слезы сдавили мне горло, и я разрыдалась: «Мама, мамочка моя!..» – а ведь минутку назад, хоть и больно было, ни слезинки не проронила, из одного упрямства. Так мы и проплакали с нею. Тогда-то я и поклялась маме выбросить из головы все глупости. Слово свое

сдержала. Налегла на учебу. Вот так и повзрослела, в один день. Только изредка стала молча вздыхать. Да тайком покуривать начала...

Словно совсем другая, незнакомая девушка стояла сейчас перед джигитами – не та веселая, беззаботная Майра, с лица которой не сходила улыбка и которую сокурсники ласково прозвали Рыжиком. Никому из них и в голову бы не пришло, что на сердце у нее таится такая печаль. Кто же научил ее так стойко переносить свои дешевные страдания?

Короткую паузу нарушил Токшылык – спросил все тем же ехидным тоном:

– Надо полагать, тот красавчик и не глянул в твою сторону?

– Ты прав. Хотя он, должно быть, догадывался, что я сохну по нему. Потому что здоровался он со мной чуточку приветливее, чем с другими.

– Ну-ну. Тебе это, конечно, очень льстило.

– Да не то, чтобы очень. Но что оставалось... – Майра пожала плечами.

Из еедальнейшего рассказа выяснилось, что джигит тот долгое время находился под следствием, что в конце концов его осудили на три года с выслением на «химию». И вот, отбывая свой срок на открытых угольных шахтах Казахстана, он написал Майре письмо о том, что виноват, перед нею, так как знал о ее чувствах, но не сумел их оценить, что просит простить его и, если согласна, стать навеки его спутни-

цей жизни.

Токшылык, вмиг сменив насмешливый тон, заговорил с озабоченным видом:

– Рыжик, ты ведь не глупая. По сравнению с нами так вообще умница. Вдумайся только: ты, девушка, зачем-то едешь в тюрьму к какому-то преступнику. И из-за этого бросить столицу, да что там столицу, потерять тобой же избранный институт, будущую профессию. Не знаю, лично я не в состоянии понять такой геройский поступок, если его вообще можно назвать геройским.

– Но ведь он не преступник.

– Ну ладно, допустим, не преступник, однако все равно... хулиган. В тюрьму так просто не сажают.

– Об этом ничего не могу сказать... – Она молча отвела глаза в сторону, давая понять своим видом, что не хочет продолжать спор.

Тем временем – они и не заметили – началась посадка на поезд, которым должна была уехать Майра. Перрон, недавно только пустынный, вмиг изменился до неузнаваемости – вокруг засновали люди: отъезжающие, прибывающие, встречающие... Чудной это народ, пассажиры. Все чего-то носятся, суетятся, будто им невтерпеж скорее распрощаться с этими краями, и ведь не угомонятся до тех самых пор, пока не заберутся в свои вагоны. Ну а стоит ли так спешить покинуть этот город? Кто знает, а может, оно здесь осталось, твое счастье? И, может быть, лучше бы было уехать не сего-

дня, а завтра? А вдруг это путешествие не принесет ничего, кроме сожаления? Так нет же, разве станет путник морочить себе голову всем этим? У него только одно на уме: в путь, скорее в путь! Сегодня же, прямо сейчас! У каждого – свой поезд, и не важно, везет ли он тебя к счастью или к беде, важно только одно – успеть на него. Ведь завтрашний поезд – для других...

– Вот и мой вагон... – негромко произнесла Майра, хотя ее спутники не нуждались в этом пояснении.

В ту же минуту Нурлан, молчавший все это время, принялся торопливо расстегивать свой большой желтый портфель, с которым он никогда не расставался. О, что только не носил в себе этот портфель – в него умещались учебник по сопромату и булка, логарифмические линейки и электронные калькуляторы, ну а на этот раз из легендарного портфеля, прозванного в шутку старым меринком – хозяин извлек три чудесные розы. Розы, купленные им рано утром на базаре за последнюю мятууперемятую трешку, розы, которые он прятал от ребят из своей комнаты, боясь их насмешек... Нурлан бережно вынул цветы и все так же молча протянул их Майре.

– Ого, когда ты успел их купить? – конечно же, Токшылык и тут не смог удержаться от иронии.

– Утром... Пока ты спал, – пробормотал Нурлан, хмуро глянув на приятеля. Ему уже надоела язвительность Токшылыка.

Майра, чуть-чуть покраснев, приняла цветы. Ей вдруг вспомнилось, что у Нурлана нет никого, кроме старенькой матери, и что жил он на одну стипендию, с трудом сводя концы с концами. И еще пронеслось в ее голове, как она была немного удивлена, когда увидела, что вместе с Токшылыком проводить ее пришел этот стеснительный, немного неловкий парень, с которым все три года учебы она разве что только здоровалась, и больше ничего.

– Спасибо, Нурлан!.. – поблагодарила она, и голос ее слегка дрогнул. – Зачем ты это...

– Ну что ты!.. – ответил тот, как-то стиснув зубы.

– Ребята, вы уж меня простите... – Майра снова погрузилась. – Тяжело расставаться с вами, с институтом. Честно, я бы даже осталась. Но хоть вы-то поймите меня... Вот и Намиля обиделась, не пришла. А что будет с моей бедной мамой – один Бог знает...

В это время громкий голос вокзального диспетчера объявил отправку поезда. Люди засуетились пуще прежнего. Поезд, закрипев колесами, плавно тронулся с места.

Майра торопливо обняла своих провожатых.

– Ну, ребята, прощайте!.. – выдохнула она и коснулась горячими губами щек застывших в растерянности парней. – Намиле... девчонком передайте привет.

– До встречи, Рыжик! – коротко бросил Токшылык.

Майра легко вспрыгнула на подножку уже тронувшегося поезда и ловко поднялась наверх. У молчуна Нурлана боль-

но защемило сердце. И никто не знал, что в груди его, словно шторм в море, бушует смятение, что не один рассвет встречал он, ночь напролет думая об этой девушке, и что жестоко проклинал он сейчас себя за свою извечную робость перед женщинами.

Да, не раз еще придется ему встречать рассветы после бессонных ночей, и даже когда обзаведется уже семьей, все еще будет временами болеть эта душевная рана, терзая его сердце той далекой неразделенной любовью, не раз он еще проснется среди ночи от воспоминания о прикосновении горячих губ Рыжика, ее нежного дыхания...

Свадьба в ноябре

Жаныл долго раздумывала, прежде чем решилась наконец пойти на ту свадьбу. Торопливо, будто кто за ней гнался, собралась, наказала соседке – старой Улжан – приглядеть за сынишкой и вышла из дому.

Окутанный сумерками аул тонул в глубокой тишине. Прозглый ноябрьский ветер, приутихший к вечеру, время от времени порывами налетал со степи и обжигал, пробирая до самых костей. Был тот самый час, когда люди, покончив с дневными заботами, разошлись по домам, когда из казанов уже вынимали исходящее паром сваренное мясо, в самовары вскипели к чаю, – в такую пору на улицах не услышать даже случайного лая собак. Только без умолку гудели стройные тополя да могучие карагачи – гулявший в их кронах ветер с воем уносился куда-то вдаль. То тут, то там сирливо мерцали тусклые лампочки, покачивались из стороны в сторону, подобно пьянице, не держащемуся на ногах. Отжившие свое листья осыпались на землю, шелестели под ногами.

Жаныл зябко запахнулась в плащ. Продолжая думать о своем, горько усмехнулась: «Видать, жаркие объятия у дочери Абди. То-то сверкала глазищами. Ну и пусть...».

Еще летом по аулу пробежал слухок: дескать, отец Кур-маша ходил к хромому Абди сватать дочь для своего сына. Говорили, поначалу Абди отказал ему – мол, не доросла еще

дочка, придет срок – там посмотрим. Да вроде как девчонка сама передала через женге просьбу родителю: «Пусть благословит меня отец, уговор у нас с Курмашем». Вот и пришлось Абди согласиться. Прознав о том, аульные кумушки принялись судачить на все лады. «Ах, негодница, и как со стыда не сгорела – такое! – отцу заявить!». Ну да нашлись и такие, что рассудили по-другому: «Так что ж в том дуоного-то? Мало ли нынче девиц, что, не спросясь родителей, с первым встречным сбегают. А эта не такая – благословенья отцовского просит, выходит, не вертихвостка пустоголовая». «Как же, как же... – с осуждением качали головами трети. – С нее и не то еще станется. Ишь, как в джигита вцепилась – волчьей хваткой!».

Все эти кривотолки дошли и до Жаныл. Она не стала ни осуждать, ни возмущаться поведением дочки Абди – напротив, неприятную для себя новость приняла спокойно и ровно, как если б заранее предвидела такой оборот дела. Жизнь рано приучила ее безропотно относиться к горестям и радостям.

Когда на строптивного скакуна, привыкшего вольно носиться по бескрайним просторам, впервые набрасывают седло, тот рвется и мечется, брыкается, взвизгивает на дыбы; но мало-помалу, уразумев, что ему не вырваться из сдавившей шею петли аркана, не высвободиться из-под стискивающих бока железных шенкелей джигита-табунщика, жеребец смиряется со своей участью. Проходят недели, месяцы,

и прежняя вольная жизнь становится далеким воспоминанием, а некогда непокорный конь незаметно превращается в покладистого чабанского мерина. Вот так и Жаныл под жестокими ударами своей горькой судьбы приучалась быть смиренной и покорной.

Три года прошло, как черная весть о страшной беде сразила Жаныл – ее Ермурат погиб, провалившись с трактором под треснувший лед на реке. Убитая горем, она и сама не знала, сколько дней провалялась в беспмятстве, не в силах подняться с постели. Жестоким было ее разочарование в жизни. «Что же путного ждет меня теперь?» – отчаивалась молодая вдова. – «Что удерживает меня здесь? Не лучше ли лечь вместе с ним в могилу?».

И сердце ее не сжималось от страха при этих мыслях.

Однако время шло, и оно заставило ее смириться со своей участью. Сменялись дни, и океан горя, поначалу казавшийся неизбывным, мелел и отступал в прошлое. Крохотный сын, лишившийся отца двух месяцев от роду, делал свои первые шаги навстречу жизни... Он-то и вдохнул силы в молодую мать, отогрел ее окаменевшую от страдания душу.

Мало-помалу Жаныл отправилась, начала приходить в себя. Незаметно радости жизни снова стали волновать ее. Теперь в свободную минутку она заглядывала к соседям, невольно ловила дыхание жизни, проходящий мимо нее. И постепенно в ней зарождалось неосознанное желание находиться в гуще этой жизни, вместе с людьми гореть на ее

костре и мерзнуть на ее морозе. Оно, это желание, и вернуло ее на великое ристалище, именуемое жизнью, ее, ту, что недавно готова была уйти навечно.

В ту пору и возникла их близость с Курмашем...

«Ну, и пусть, – мысленно повтарила Жаныл. – Хоть не придется теперь выслушивать все эти сплетни о себе. Рано или поздно такое должно было случиться».

В памяти возникло лицо дочери Абди – смуглой, с живыми глазами и с длинными вьющимися волосами. «А ведь вчера еще ребенком была. Неужто и она уже выросла, невестой стала? Вот уже не думала не гадала, что девчушка эта станет когда-нибудь соперницей мне. Школу-то, поди, только в прошлом году окончила. Самое большее, ей лет восемнадцать-девятнадцать».

И, продолжая, волноваться, Жаныл с замиранием сердца отворила калитку дома, в котором справляли свадьбу.

***

Голоса, доносившиеся из глубины дома, гудели, как пчелиный рой. При мысли, что окажется сейчас на все-общем обозрении. Жаныл замерла в передней, не решаясь войти. Сердце ее затрепетало, гулко заколотилось, мелкая дрожь охватила тело – ах, как давно не доводилось ей бывать на подобных шумных сборищах.

Вдруг дверь отворилась, и один из джигитов – вышел перекурить – обнаружил запоздавшую гостью. Не дав ей опомниться, он с ходу зашумел:

– О, вот и наша красавица женеше явилась! Проходите, Жаке, проходите же в дом! – И с этими словами он чуть ли не силком втащил ее в комнату.

Смущенно поздоровавшись со всеми, Жаныл хотела было присесть с краешку празднично накрытого стола, но парень – тамада тотчас горячо запротестовал:

– Нет-нет, так не пойдет! Ваше место не там, а вот здесь.

И он увлек ее за собой. Пробираясь в дальний конец бесконечно длинного «П» -образного стола, вдоль которого, напоминая воробьев, облепивших телеграфные провода, сидели гости, Жаныл то и дело запинаясь о чьи-то ноги, задевала чьи-то затылки. Наконец, сконфуженная, ана села на указанное тамадой место.

В ту же минуту – как это обычно водится – за столом объявился один из дальних родтсвенников, который счел своим долгом потребовать во всеуслышание:

– Моей женеше – «штрафную», «шравную» налейте! Впредь не будет опаздывать!

– Верно, верно! – подхватили остальные. – Штраф ей, штраф полагается!

Щеки Жаныл запылали. «О господи, и угораздило же опоздать... Так мне и надо», – понеслось у нее в голове. Растерянная, она метнула взгляд на соседа сбоку от себя – и вдруг узнала в нем своего бывшего одноклассника, Бахыта.

– Ой, это ты?! – обрадовалась Жаныл.

Тот, прыснув, рассмеялся.

– А ты что ж, не узнала? – И, повернувшись к настаивавшим на штрафе джигитам, пробасил: – Ну хватит вам, хватит! Ишь, расшумелись, как голодные волки. Жаныл и без вас выпьет.

Жаныл с бесконечной благодарностью посмотрела на своего спасителя. Не сводя с него своих огромных глаз, она молча закивала ему. Судя по всему, Бахыт, некогда гроза аула, державший в страхе всех своих сверстников, и теперь благодаря своим пудовым кулакам и суровому нраву, был в почете среди молодежи – после его властного окрика все «родственники» Жаныл разом умолкли.

– Спасибо, Бахыт!.. – только и шепнула ему на ухо Жаныл.

– Да ну, не стоит благодарности! – Бахыт искусно опрокинул в себя содержимое граненого стакана и потянулся за соленым огурцом.

– Что-то давно тебя не видать, – заметила Жаныл, успешная уже оправиться о смущения.

– Да живу по-прежнему, все там же работаю...

– Похоже, ты осунулся похудел.

– Верно подметила. Все лето напролет вкалывали, только и слышали: «Сенозаготовка!». А теперь вот опять покоя нет – новые заботы навалились. Порой, знаешь, поразмыслишь над всем этим, и хочется махнуть на все рукой да дать деру в город. Там-то люди хоть отдыхают, когда положено, живут по – человеческий.

Жаныл, до сих пор понятливо кивавшая, соглашаясь

с каждым словом Бахыта, возразила с упреком:

– Гляди-ка, как в город его потянуло!

– Правду говорю. Возьми хотя бы нашего Ерлана. Вот джигит так джигит!.. Вчера отца его видел. Ереке-то наш, оказывается, не где-нибудь – в Йемене! Советское посольство пригласило туда в качестве переводчиков двух парней из Алма-Аты. Вот это я понимаю, молодец! Увидишь еще, лет через пять-шесть он знаменитым дипломатом станет. – Захмелевший раньше других Бахыт тряхнул кудрями и повторил с чувством: – Нет, ты представь только: дипломат!.. Ну а мы так и будем жить, шагу не ступив дальше своего аула.

Жаныл не нашлась что ответить и только слабо улыбнулась.

– А давай-ка, Жаныл, выпьем за таких мужчин! – неожиданно предложил Бахыт и потянулся к своему стакану: – Они – наша гордость. Кое-кто завидует им, бурчат себе под нос. Ненавижу таких. Несчастные!..

– Бахыт, не стоит больше пить, – мягко попыталась урезонить одноклассника Жаныл. – Вон и глаза у тебя покраснели.

Благо тот не стал противиться ее просьбе. Вдруг спросил:

– Слушай, а сколько лет уже, как мы окончили школу?

– Седьмой год минул.

– Да ну?! – опешил он и принялся считать, загибая пальцы на своей огромной ручище: – Шестьдесят восьмой, шестьдесят девятый, семидесятый... семдесят четвертый! Точно, оказывается, семь лет!..

И этот добродушный парень, до сих пор сидевший с беспечным видом, без умолку болтая то об одном, то о другом, внезапно приуныл, запечалился. Единственное, что люди признают без возражений, так это собственное бессилие перед властью времени. Должно быть, в эту минуту и он, такой большой, сильный джигит – тракторист, спасовал перед всемогуществом неудержимо уходящего времени.

Жаныл украдкой глянула на сидевших в самом центре длинного «П» -образного стола жениха с невестой. Вид у смуглой дочери Абди не был смущенно-скромным, как это приличествует невесте. Напротив, она как ни в чем не бывало смеялась, перебрасываясь шутками с сидевшими рядом подружками, и глаза ее сияли от счастья. Курмаш же ни с кем не говорил, только изредка натянуто улыбался гостям.

«До чего же ты жалкий» – зло подумала Жаныл. Но сколько бы ни злилась она на него, в глубине души с горечью понимала, что не сможет возненавидеть этого немного стеснительного доброго стройного парня с нежным лицом, как у семнадцатилетнего юноши, хотя исполнилось ему уже двадцать пять. «Он совсем как ребенок, – подумала Жаныл и добавила: – мой бывший любимый». Но тотчас возразила сама себе: «Нет, он никогда не был моим. Он с самого начала принадлежал смуглой дочери Абди. А я обманывала себя. Да-да, обманывала! „Счастье выпадает человеку только раз“, – так ведь, кажется, пишут в книгах?...».

В этот миг Бахыт, уронивший было голову, вдруг вски-

нул ее:

– Жаныл!..

– Что...

– Давай выпьем с тобой за покойного Ермурата. Хрошим он был парнем.

У Жаныл внутри все оборвалось. На миг зазвенело в ушах, тело стало ватным.

– Жаныл, ты слышишь?..

– Слышу... – выговорила она глухо, словно со дна пропасти.

Чокнулись, выпили.

– Ну а теперь я выйду, перекурю. – Бахыт поднялся со своего места.

– Как хочешь... – молвила она, голос прозвучал хрипло.

После ухода Бахыта Жаныл продолжала сидеть отрешенно, словно оглушенная рыба. Немного времени спустя гости, устав есть и пить, затянули песню. Поначалу голоса их – у кого низкие, у кого высокие – звучали нестроино, вразнобой, но вскоре слились в удивительно красивый единый хор, и по комнате поплыла песня.

– «О жизнь, жизнь... у нее свои законы...».

Зачарованно вслушиваясь в слова этой песни, Жаныл незаметно для себя перешла к думам об оставшейся за плечами своей короткой жизни.

...Когда-то все они – Курмаш, Бахыт, тот же Ерлан — учились вместе в школе. Жаныл, рано лишившаяся родителей,

росла в многодетной семье своей старшей сестры – болезненной женщины с постоянно грустными глазами. Муж сестры работал строителем в совхозе. Всякий раз в день получки он возвращался домой мертвецки пьяным. Но даже в такие дни домочадцев своих не донимал. Жаныл нисколько не осуждала этого доброго, безалаберного человека, которого мало волновало собственное домашнее хозяйство и который толком даже не знал, кто из его детей в каком классе учится. Однако он сумел заменить ей отца. В меха и шелка не наряжал, но и не обидел ни разу.

Высокая, стройная Жаныл выросла интересной девушкой, но в учебе, чего уж скрывать особо не преуспела. А потому, окончив десятилетку со средними отметками, она, в то время, как многие ее одноклассники разъехались поступать в институты, – она осталась в ауле, решив не обременять лишними расходами своего отнюдь не богатого жезде, единственным достоянием которого были больная жена да малые ребятишки. К тому же, Жаныл относилась к числу тех людей, кто будто изначально рожден для того, чтобы прирасти пуповиной к родной земле и никогда не отрываться от нее. Даже в мяслях не могла вообразить она себя вне своего маленького, неприметного аула, примостившегося не зеленой равнине, одной из многих вдоль побережья великой Сырдарьи.

А через два года Жаныл вышла замуж за Ермурата. Она и сама только не ведала, чем пленил ее сердце этот светло-

лицый юноша с литыми мускулами, с вечно выбивающейся из-под шапки копной непокорных волос, беспечный балагур по своей натуре.

Пожалуй, о них нельзя было сказать, что они сторали от любви друг к другу, однако жизнью своей Жаныл была вполне довольна. Да и прожили-то вместе всего-навсего полтора года...

В своих раздумьях Жаныл частенько приходила к мысли, что человеческому разуму не под силу постичь законы жизни, ее таинственные механизмы. Иначе чем было объяснить, что, проучившись с Курмашем бок о десять лет, она не заметила, что он влюблен в нее? Когда он признался ей в этом, поначалу не верила ни единому его слову. Но в конце концов Курмаш, заставил ее поверить в искренность его чувства. Однако запоздало расцветшей любви молодой вдовы не хватило духу, чтобы подобно весеннему половодью смети со своего пути все преграды, мешавшие ее недолгому, но яркому счастью.

И Курмаша ей не в чем было винить. Он готов был увезти ее в город, туда, где, по его словам, никто ничего не знал бы о них. Не согласилась. Как ни терзалась, не могла избавиться от ощущения, что крадет чужое счастье. Как ни дороги ей были ночи, прведенные с Курмашем, их мечтания и долгие, зедушевные беседы, Жаныл так и не смогла решиться во второй раз шагнуть навстречу своему счастью...

– «О жизнь, жизнь, у нее свои законы...».

Песен-то как много, оказывается. Так и льются одна за другой. Одни из них веселые, задорные, другие – печальные, как протяжная мелодия одинокого сыбызгы в голой степи. Они-то, эти печальные, и нравились. И еще ей почему-то больше нравилось слушать, как поют другие, чем петь самой.

Бахыт, вышедший покурить, до сих пор не вернулся. Свадьба была в самом разгаре. Тамада, решив возобновить тосты, прервал пение. Девушки запротестовали было: «Устали сидеть, пора перерыв объявить!» но захмелевший тамада не соглашался ни в какую: – «Без моего позволения никто отсюда и шагу не ступит». И вдруг, выждав паузу, торжественно огласил:

– Слово для поздравления предоставляется нашей ослепительно прекрасной, как вершины Алатау, женеше Жаныл!

Раздались редкие хлопки. Жаныл, готовясь произнести тост, не спеша поднялась с места. Вокруг стоял гул голосов: кто-то с кем-то переговаривался, откуда-то доносились звонкие переливы девичьего смеха, кто-то то и дело требовал от молодых: «Горько!».

Жаныл ждала, пока шум стихнет. Однако, прежде чем разгоряченная молодежь утомилась, тамаде пришлось несколько раз прокричать: «Друзья! Послушаем же Жаныл. А ну, Жаке, выдай нам речь!».

Жаныл повернулась к молодым, прокашлялась, и тут ее взгляд наткнулся на взгляд невесты. Смуглая красавица под белоснежной фатой буквально пожирала ее глазами,

ехидная усмешка блуждала на ее губах. Поистине, то была надменная усмешка победителя, с презрением взирающего на поверженного врага.

Жаныл задохнулась, как если б на нее опрокинули ушат ледяной воды. На сердце заскребли кошки. Слова, заготовленные заранее, вмиг вылетели из головы.

– Я...я пью... – сбивчиво выдавила она и, с усилием совадав с собой, скомканно завершила: – за здоровье молодых.

Рюмка на тонкой ножке заходила ходуном в ее руке. К счастью, никто, похоже, не обратил внимания на ее замешательство. Да и тамада, спасибо ему, тотчас подхватил:

– Вот оно, искреннее пожелание, от всего сердца!

Жаныл, едва пригубив из рюмки, рухнула на место. Только счастливица невеста, заполучившая свое, знала, почему Жаныл растерялась, почему, как подрубленная, бессильно опустилась на стул.

«Ах, змея, выходит, обо всем знает!.. – Жаныл чувствовала себя оскорбленной. – А взгляд какой пронзительной у проклятой! Прямо как иглу вонзила в меня. Ишь, как осадила. Понять дала: дескать, тебе-то что нужно, несчастная! Отплатила за все разом. По-подлому отплатила. Занать бы мне паперед, разве отдала ей Курмаша. Я-то пожалела ее, устипила: мол, да ладно уж, не буду мешать чужому счастью, я-то побывала замужем... А она ничегошеньки не поняла».

Нестерпимое желание уйти с этой шумнгой свадьбы овла-

дело Жаныл. Как только все вышли на перерыв, она торопливо отыскала среди вороха обуви в прихожей свои туфли, наспех сунула в них ноги и выскочила из дома.

На улице была кромешная темень. Ноги сами несли Жаныл прочь от этой свадьбы, боль и обида сжигали ее изнутри, и ей так не терпелось добраться до дома, слезами погасить это пламя. «О создатель, за что ты меня так?.. – воздев глаза к звездному небу, взмолилась она. – За что ты сделал меня вдовой в мои двадцать пять?! Разве причинила я кому-нибудь хоть каплю зла? Ответь же!.. Сколько отъявленных негодяев и подлецов безнаказанно бродит по белу свету, не ведая горя. Так почему ты не видишь их? Где же глаза твои, где?!». И если правдой было, что бог есть на самом деле, Жаныл в ту минуту готова была схватиться с ним самим...

***

Только под утро стихло свадебное гулянье. Курмаш с ногобрачной вышли за ворота проводить гостей. И парни, и девушки, ночь напролет веселившиеся на свадебном пиру, и сами молодожены – все остались сполна довольны тем, как провели вечер. И хоть лица после бессонной ночи заметно побледнели, а вид был уставший, как у загнанных лошадей, тем не менее глаза их, полухмельные – все еще возбужденно блестели. Разгоряченные, веселые, гости продолжали шуметь и все никак не могли распрощаться с хозяевами – то и дело возвращались к ним, целовали, обнимали, подолгу

трясли руки, снова и снова желая им счастья.

Наконец разошлись. Возле Курмаша остался один только Бахыт. Он едва держался на ногах. Однако, несмотря на это, подшучивал над другом:

– Проводил бы ты меня домой! Или, думаешь, обзавелся женой – так теперь я тебе и не нужен стал?

Курмаш хмыкнул с улыбкой:

– Ох, ехидина, ладно уж, провожу!

Только теперь он заметил, что и сам порядком захмелел. Не хотелось отказом друзей обижать, вот и дал лишку. А теперь еле-еле тащил за собой грузного, шатающегося из стороны в сторону Бахыта.

Бахыт не умолкал всю дорогу, твердил одно и то же:

– Эх, побольше б таких парнейг как ты.

Или:

– Ты самый добрый из нас, значит, и счастливым должен быть.

Потом, внезапно сменив тему, вдруг заявил:

– А дочка-то Абди – огонь-девчонка. Слушай, как тебе удалось окрутить ее? Знаешь, я ведь когда-то влюблен был в нее. Нравятся мне такие девушки. – И добавил, то и дело икая: – Только ты не вздумай обижаться. Я ведь это так... просто.

Курмаш-то и в самом деле не вникал в пьяную болтовню друга, смеялся, да о только. Он в эту минуту чувствовал себя счастливым. А счастливому человеку, как известно, де-

ла нет до других.

Курмаш завел Бахыта в дом, а сам повернул обратно. Шел медленно, не спеша. Да и к чему было спешить – бешеный ветер, беспрестанно дувший до сих пор, наконец улегся, утренний воздух был свеж и чист. Холодный, бодрящий, он вселял жизнь во все окружающее. Этот голубой утренний свет, звезды, гаснущие на черном бархате небосвода, казались Курмашу романтическими, возвышенно-прекрасными. «Вот это и есть, наверное, утро нашего дня», – просветленно подумал он. И тотчас вздрогнул от неожиданных звуков. Прямо над ним, со свистом рассекая крыльями воздух, летели журавли. Курмаш запрокинул голову, глядя в небо. Птичий караван – ровный, словно по нитке вытянутый – повис низко над землей. Курмаш отчетливо, ясно видел журавлей. «О господи, – невольно забеспокоился он, – что ж они раньше не улетели, как бы не замерзли в пути». А потом подумал: «Мне теперь все равно не уснуть, лучше прогуляюсь немного».

Он долго провожал глазами журавлиный караван. Так и стоял посреди улицы, наконец двинулся дальше.

Шагая, удивлялся сам себе: «И чего это я брожу? Люди-то, небось, десятый сон видят. Мог бы и я вздремнуть часок-другой. Хотя, впрочем, какой сон сегодня. Теперь уж не до сна».

В какой-то момент он поднял голову и осмотрелся по сторонам. Все вокруг было такое знакомое. До боли родная ка-

литка в синих воротах. Глянул на окно – свет в нем еще горел. Это был дом Жаныл.

Безрассудство охватило Курмаша. Он отворил калитку и вошел во двор. Затем, крадучись ступая, приблизился к окну. Между занавесками светилась щелка – оперевшись на ставню, заглянул в нее. Поискал глазами кровать Жаныл. Увидел ее на прежнем месте. Однако постель не была разостлана. И в тот же момент он увидел Жаныл – она сидела за письменным столом, спрятав лицо в руках.

Дрожь пробежала по телу Курмаша. Глядя на Жаныл, именно на такую, он понял, как невыразимо близка и дорога она его сердцу.

Потомок Ходжи Насреддина

Куда ни кинь – всюду клин. Что за доля выпала Алданышу? Уже сорок девять ему, к другим в этом возрасте нет-нет да и обратятся: аксакал – «почтенный» а его старики до сих пор зовут, как ласково называла мать в детстве – Алдошем. Не везет ему в жизни, а почему, сам черт не разберет. Взять хотя бы последний случай. Вернулся с работы в лучшем расположении духа, сытно поел, запил ужин разогретой сурпой, вышел из избенки на чистый воздух и с чувством дельно прожитого дня ковырнул спичкой в щербатых зубах... Вдруг, ни с того, ни с сего, как гром среди ясного неба, разразился скандал.

Не иначе как шайтан тянул за хвост бурого вола, тот чудом пробрался во двор управляющего фермой и невозмутимо жевал чужое сено. Этот высокий дом под шиферной крышей был как раз напротив. И когда за оградой раздались сатанинские вопли, сердце Алданыша екнуло, почуяв неладное. А когда из ворот управляющего выскочил бурый вол – он и вовсе растерялся.

Этот пронзительный, как рев пилорамы, голос был знаком всему аулу. Он принадлежал жене управляющего: длинной, сухой, вечно злющей бабенке Бихташе. Размахивая вилами, женщина выскочила следом за соседской скотиной.

– Чтоб ты сдох, проклятый... Сибирская язва тебя разра-

зи... Чтоб твои кишки полопались от обжорства...

Вол побежал по улице тяжелой рысью, но скандальная бабенка не отставала.

«Ну что за женщина?!» – поморщился Алданыш. Почему муж ее не воспитывает?»

В то время упрямый вол, не давая завернуть себя к хозяйскому дому, повернул в обратную сторону. Бихташа от обиды и бессилия швырнула вилы прямо в круп бурого. Алданыш даже зажмурился, представив, что может сейчас произойти. Но, к счастью, вилы попали не острием, а черенком, хотя и этот удар был так силен, что бурый прогнул спину от боли.

– Собачье отродие! Шляется где попало... Куда хозяева смотрят, порази их сибирка, – выпустила Бихташа новый заряд ругательств.

Алданыш понял, что она сказала так для него, увидев хозяина бурого. Теперь не ответить ей было бы бесчестьем.

– Эй, баба, придержи язык! – сказал он вскипая. Плавающие гневом глаза соседки сверкнули как молнии.

– Ты, доходяга, кому это указываешь? – высокомерно взглянула она на Алданыша, напоминая, что перед ним не просто баба, а жена управляющего.

– Тебе! – гневно отрезал он. – Что из себя выходишь? Обеднела? Так мы тебе заплатим за охапку сена... Скотину бы пожалела.

На мгновение Бихташа потеряла дар речи, так возмутили

ее слова соседа, но в следующий миг она выпустила сразу несколько обойм ругательств. Алданыш тоже не смог сдержаться и отвечал женщине короткими злыми очередями.

Слова – не камни, но, честно говоря, Алданышу стало немного не по себе, когда он подумал, что эта молодуха все передаст мужу в преувеличенном виде – на то она и женщина. А Шардарбек – мужик хитрый: не то что мыслей по лицу не поймешь, собака внутри сдохнет – не учуешь.

Так случилось: на другой день управляющий не подал Алданышу ни намека, что знает о случившемся. Разве что приветствие принял чуть холодней, чем от других. Но ведь могло и показаться. Чуюло сердце беду, но Алданыш надеялся, если тот и обиделся слегка, то это пройдет, не станет же мужчина судить по словам глупой женщины. Другого, может, и не стал бы, – подсказывало сердце, а вот ему не стоило спорить с женой управляющего.

С малых лет Алданыш остался сиротой. Вырос у двобродного брата. Грамотешки у него маловато – всего три класса, поэтому и на курсы трактористов не попал как все нормальные люди – работал прицепщиком, угождая каждому механизатору, сам овладел профессией и когда впервые сел за руль «Беларуси», будто в небо взлетел, будто душа его отца Баракбая помогла с того света стать человеком. А теперь что? Даже воскресни его отец – не сможет помочь получить корочки тракториста, а без них ты человек, пока нет замены... Как чувствовал: не прошло и месяца – пришлось рас-

статься со своим трактором.

Был понедельник. Не спеша почаявав утром, Алданыш отправился в гараж. Не успел обойти вокруг трактора – увидел механика, сына покойного Еркебая. Тот шевельнул указательным пальцем, подзывая к себе тракториста. Ну, что ж? Алданыш вырос сиротой, привык подчиняться начальству, поэтому покорно подошел, первым протянул руку молодому механику.

– Как поживаешь, дорогой?

Но механик, словно подражая Шардарбеку, нехотя шевельнул губами в ответ. И вдруг приказал:

– А ну, дыхните на меня.

Алданышу и в голову не пришло, какой подвох стоит за этим. Набрал воздуха полную грудь да и дыхнул со всей силы.

– Выпивали... Видно! – сказал механик, посуровев лицом.

– Айналайн! Вчера у соседки сын вернулся из армии. Как же не выпить малость, я же его с пеленок знаю, как сын, – залепетал, оправдываясь, Алданыш.

– На сегодня свободны! – не дрогнув, заявил механик.

– Как это свободен? – удивился Алданыш. До него, как всегда, смысл сказанного доходил с опозданием.

– А так! Мы не можем доверять технику пьяному...

– Ойбай-ау! Так ведь это ж ночью было!

– Ночью – не ночью... Ничего не знаю, – отмахнулся сын

косого Еркебая.

Потрясенный услышанным, еще не веря своим ушам, Алданыш заглянул ему в лицо: ведь он двадцать лет гонял трактор и никогда его не заставляли вот так «дыхнуть». В армии Алданыш не был – с детства прихрамывал, дальше райцентра не выезжал, слышал, что в городах так проверяют летчиков и шоферов, но чтоб в ауле трактористу утром «дыщать» на механика – такого никогда не было.

– Дорогой, ты что же это, серьезно говоришь? – снова спросил Алданыш, начиная сердиться.

– Конечно... Какие шутки в рабочее время?!

Дальше терпеть унижения не было сил:

– Итит твоего косоглазого отца, – вскипел Алданыш, – поблагодарили, что эта старая развалина все еще на ходу...

– Аксакал, не хорошо оскорблять человека, – мрачно сказал механик.

– Это ты-то человек? Итит твоего косого отца, породил на свет сопляка!

Невольная вспышка усугубила дело; за то, что пришел на работу в нетрезвом состоянии и оскорбил должностное лицо, пришлось расстаться с самым дорогим, что было в его жизни после семьи и родственников – с трактором. Конечно же, он понимал, что мальчишка-механик в этом деле пешка: все затеял Шардарбек, ох и коварен, злодей. Где это видано, чтобы, живя по соседству, люди ни разу не повздорили. Но чтобы за это мстить да придирааться – это уже слишком.

Говорят, только шайтан живет без надежд. Недели две Алданыш все ждал – позовут. Думал, захотели припугнуть, выместили зло и забудут. А ауле ведь все свои, вроде родственников: позлятся-позлятся, да и отойдут – куда друг от друга денешься?!

Но нет! В один из таких дней вынужденного безделья прибежал из школы сын-второклассник и будто оглушил:

– Отец на твоём тракторе Макибай ездит!

Алданыш так и застыл на месте, дара речи лишился. Правду говорят, в первый миг одинаково обмираешь, что от радости, что от горя и страха.

– Молчи, накаркаешь еще! – вытаращил он глаза на сына, не смея верить услышанному. Дернулся гладкий безволосый подбородок, засопела картофелина носа.

– Правду говорю, не веришь – сходи к роднику... Он воду в радиатор заливает, – вытаращил мальчонка точь-в-точь такие же как у отца глаза. «Вылитый я, – с горечью подумал Алданыш. – И такой же упрямый, как вся несчастная порода Баракбая. А чем это упрямство кончается – посмотри на отца: теперь на него все пальцем указывают».

– Совсем, что ли, отдали? – спросил он младшего, уже не от судьбы, а от него с надеждой ожидая последнего слова.

– Ну что пристал к ребенку: совсем – не совсем, неожиданно всплыла жена Уркия, теребившая шерсть возле печки, – сходи сам да узнай – не отвалятся ноги.

Раньше бы он поствил ее на место: за печкой немытая по-

суда, а она на мужа голос повышет, но за эти две недели все перевернулось с ног на голову: Алданыш и сам не заметил, как оделся и шагнул к двери, ни словом не попрекнув жену. В сенях взгляд его упал на камчу, висевшую под потолком на одном из гвоздей. По-сиротски неприкаянно болталась она как дохлая змея и опять же напоминала о безалаберности хозяина.

Лет семь назад Уркия ездила проведать родителей и привезла от них подарок – невзрачного тонконогого жеребенка. Этот жеребенок вырос с статного скакуна, на котором не стыдно было появиться и на любых скачках и на кокпаре. Но и та радость как пришла и так ушла: как-то на вечеринке подвыпивший Алданыш подарил своего коня Турежану – бухгалтеру с центральной усадьбы «в знак дружбы». Турежан года два суетливо радовался каждой встрече с трактористом, заезжал в гости, но, убедившись, что скакун теперь действительно принадлежит ему, как в воду канул.

Кажется, и без того жизнь настучала по лбу Алданыша – больше некуда, а увидел камчу – стало еще горше – вспомнились былые раздумья о собственной глупости. Без умысла, просто чтобы не маячила перед глазами, сорвал он увесистую плеть и сунул за голенище вышорканных сбитых сапог.

С горькой решимостью ноги вынесли его к роднику. И точно, Макибай – демобилизованный сын хромой соседки, из-за которого и начались-то все несчастья, как ни в чем бывало садился в кабину голубой «Беларуси». «О, созда-

тель! – пробормотал Алданыш. – И даже он...»

Даже этот вчерашний солдатик, за здоровье которого пил Алданыш в тот злополучный вечер, унижал его. Не в силах перенести явную несправедливость, он обиженно спросил:

– Эй, что это значит?

Макибай удивленно обернулся с растерянной улыбкой и дрогнувшим голосом поздоровался:

– Ассалаумагалейкум, ага!

– Уважил, сосед?! Ничего не скажешь, – гневно повысил голос Алданыш, воодушевленный тем, что хоть этот молодой человек перед ним робеет.

– О чем вы?

– О тракторе, конечно... Почему ты сел на него без разрешения законного хозяина?

Макибай оправился от смущения и улыбнулся во весь рот:

– Станный вопрос, Алдеке. Трактор ведь государственный. Начальство приказало поработать на нем, вот я и сел.

Алданыш помолчал, скрипя зубами, не знал чем возразить на вежливый ответ юнца. Его взгляд упал на камчу за голенищем. Пока он шел, рукоять вылезла из сапога и бессильно волочилась по земле.

– Значит, моя беда тебе радостью обернулась? Поздравляю! – пробормотал Алданыш упавшим голосом, отвернулся и, потупившись, зашагал прочь. О чем еще говорить? Последняя надежда и та обманута.

Макибай помолчал, передернул плечами и захлопнул

дверцу кабины.

– Что? Правда отдали? – спросила Уркия, едва он переступил порог дома. Хотя и спрашивать не стоило – по лицу все видно.

– Отдали! – буркнул Алданыш.

– Правильно сделали, заворчала жена. – Уже пятьдесят лет, а все по вечеринкам шастаешь. Говорила ведь – не ходи.

Алданыш скинул сапоги, лег на лоскутное одеяло. «Лежачего добывать – на это бабы мастера», – подумал и опять не нашелся, что ответить. Перемолчал.

В общем-то Алданышу на жену обижаться грех. В молодости она была приветливой и покладистой, минуты без дела не сидела. Но ему все казалось – чево-то не хватает. Как-то пожаловался родственнице: мог бы взять и покрасивей, а то досталась толстушка да еще и рябая. Та набросилась на него: да ты на себя посмотри, красавец нашелся... Денег, как другие, лопатой не гребешь, в начальниках не ходишь... молился бы на такую жену: в доме порядок, сыт, ухожен, каждый год тебе сыновей рождает, что еще нужно?

От слов родственницы он готов был провалиться сквозь землю. Действительно, как сам не понял своего счастья? Сейчас, Слава Богу, у него семь сыновей и самая младшая – дочь. Стареть начал, наверно, раз жена девчонку родила. Ну, да, это и лучше. Младшенкую Алданыш любил больше всех. Не раз думал: времена поли чудные, сыновья вырастают и разлетаются по свету, не женятся, как в старые добрые

времена, а сходятся и расходятся. Раньше говорили – дочь не для себя растишь, а нынче часто именно дочь и есть опора в старости и внуки, которых никто не отнимет.

При мысли о дочери задеревеневшее сердце Алданыша потеплело. Выбросить бы из головы и трактор, и Шардарбека, и его сварливую бабенку. Да не выходило: о чем ни подумай, а в конце концов проклятые мыслишки возвращаются к тому же.

«Прошли те времена, когда рабочего за человека не считали: сейчас гласность, пересройка, демократия... – думал Алданыш и вздыхал. – Так-то оно так, да только когда еще все это придет в наш аул? Правильная власть далеко, аходимцы вроде Шардарбека – рядом.

Но ведь законы для всех одни?! – эта неожиданная мысль взбудрила и придала сил. Будто пути слетели, душа встрепенулась и свободно взмахнула крыльями: – Чего это я столько дней живу надеждой на милость начальства? Еще и слова в свою защиту не сказал, а управляющий со своей мымрой торжествуют победу. Погодите, еще узнаете, кто такой Алдеке!»

Алданыш резко вскочил на ноги, без портянок, на босу ногу напялил сапоги, хлопнув дверью, выскочил из дома и зашагал на другой конец аула.

Ибадильда, пока не вышел на пенсию, много лет проработал учетчиком, был одним из уважаемых людей а ауле и окрестностях. Написанные им на русском языке жалобы

доходили до руководства области и даже республики. И если была у кого в этом нужда, все в округе просили его помощи. Ибадильда за труды денег не брал, не тех, кому помог, держал в кулаке: кто сарай ремонтировал, кто убирал с бахчи арбузы и дыни. Алданыш до сего времени к бывшему учетчику не обращался, но и он, было дело, пару раз привозил сено в этот дом.

Слава Богу, хозяин оказался дома. «Значит, позет!» – суеверно поразился Алданыш и, ободренный этой мыслью, сбросил сапоги у дверей, суетливо приветствуя хозяина, кланяясь, прошел на почетное место.

– Ассалаумагалейкум, ага!

– Аликсалам, – ответил Ибадильда, приподнимая с подушек тяжелое свое тело. – Проходи, садись!

– Сядем, конечно, сядем! – Алданыш опустился на расстеленное одеяло, сел, свернув ноги калачиком, погладил по голове смуглого мальчонку, игравшего с дедом: – Совсем большой стал. Тьфу-тьфу, не сглазить...

– С чем пришел, дорогой? – спросил хозяин, разминая в пальцах папиросу. Алданыш ждал этого вопроса, разрешавшего изложить суть дела, и тут же напрямик выложил, каких унижений натерпелся от Шардарбека.

– И что же ты собираешься делать? – спросил Ибадильда, лишь на мгновение задумавшись.

– Ойбай-ау, аксакал, об этом и толкую: надо написать жалобу на Шардарбека, никому житься не дает, весь аул изму-

чал, – Алданыш с надеждой взглянул на бывшего учетчика, хотел понять, нашли ли его слова поддержку в душе хозяина: слышал, последнее время у него натянутые отношения с Шардарбеком, на это и рассчитывал.

– «Пакты» у тебя есть? – спросил Ибадильда, выпуская клубы дыма.

– Есть! – ответил Алданыш, радуясь, что разговор пошел на лад. – Недавно на тракторе Кеулимжай он отвез телку председателю аулсовета.

– Это не «пакт» – свою телку отвез.

Алданыш на миг растерялся.

– Еще есть! – воскликнул радостно: – В прошлом году после оенней стрижки он содрал с аула деньги за падеж ярок.

– И это будет ненадежный «пакт»: во-первых, он восстанавливал не собственное стадо, а совхозное, во-вторых, все мы отдали по паре ярок добровольно, никто нас не принуждал.

Алданыш напомнил Ибадильде еще несколько случаев, но и они не оказались «пактами». Повесив голову и опять потеряв надежду, он вернулся домой, решив: «Придется ехать в район, там большое начальство, а значит, проще найти управу на Шардарбека... Наверно, Ибадильда нашел с ним общий язык – все они одной веревочкой вязаны... Ворон ворону глаз не выклюет».

***

На следующий день единственным рейсовым автобусом

Алданыш отправился в райцентр. Приехал поздно. Покачиваясь от долгой тряски, спотыкаясь, долго плутал в темноте, но все же отыскал квартиру милиционера Бакбергена – среднего сына двоюродного брата, у которого жил после смерти родителей.

Дом оказался полон гостей. По аульным понятием вежливости Алданыш обошел всех, здороваясь за руку даже с детьми, присел на свободное место и только тут почувствовал, что изрядно устал с дороги.

Бакберген и его старший брат, уже аксакал с почтенной бородой, Уктембай, стали спрашивать о новостях аула и здоровье аулчан.

– Слава Богу! Все хорошо! Слава Богу! – отвечал польщенный вниманием сородичей Алданыш. А сам думал, что же это за торжество, если сам Уктембай здесь? Тот словно угадал его мысли:

– Старший сын Бакбергена, Жайдарбек, привез невесту из Кзыл-орды. Завтра свадьба. Очень кстати приехал, а то мы тут гадем, кого бы к тебе послать с весточкой: аул Акиин – не ближний свет, – сказал Уктембай, оглаживая бороду.

«Ведь почти ровесник, а уже стал аксакалом, – удивляясь почтенной внешности и достойным манерам Уктембая, подумал Алданыш и только тут заметил, что родственники посматривают на него выжидающе. – Какая чепуха только не лезет в мою дырявую голову, – спохватился он. – Какое мне дело до его почтенных седин?!»

– Это хорошо! Очень хорошо, – сказал он, поддерживая Уктембая. – Такому событию можно только радоваться.

На следующий день справляли свадьбу. А когда утихла суета и родственники сели за вечерний чай, Уктембай начал разговор о следующем важном деле.

– Хорошо сыграли свадьбу. Теперь по обычаю надо съездить к родителям невесты и попросить у них прощения за взятую из дома дочь. Думаю, надо ехать мне, Алдошу и Куреке.

У Алданыша екнуло сердце. Он заерзал на месте, стараясь отговориться:

– Утеке, но ведь я...

Но старший сын воспитавшего его брата оборвал на полуслове.

– Э-э, Алдош, разве у Бакбергена есть родственники ближе нас с тобой? – сказал, посмотрев на Алданыша с ласковым укором. – Кому же ехать если не нам?

Алданыш не нашел слов, чтобы отказаться, и покорно опустил глаза.

– Значит, решили, – отрезал Уктембай.

Конечно же, Алданыш мог вежливо отказаться, ссылаясь на дела, но его сердце растаяло от слов: «Кто Бакбергену ближе нас?». Вдруг до него дошло, что он действительно один из старших братьев Бакбергена. В таком случае никак нельзя уклоняться от поездки.

Так Алданыш с двумя аксакалами съездил в Кзыл-Орду

к сватам. Они оказались славными людьми, радушными хозяевами, на пять дней задержали у себя гостей. Впервые Алданыш выбрался так далеко от своего аула и впервые в жизни забыто было его детское прозвище Алдош – здесь все называли его уважительно, Алдеке. Однажды даже хозяева настояли, чтобы он первым взял в руки самую почетную часть угощения – баранью голову.

Почти каждый из смертных – раб того, кто его уважает. Алданыш пять дней подряд возил родственников на такси. На обратном пути Укембай и старший брат его жены Курман сошли с поезда у своего аула, и Алданыш один привез Бакбергену весть о том, как их встретили сваты.

Садилось солнце. Закончили ужин и пили чай. Невестка начала стелить постели. И только тут Алданыш вспомнил, зачем приехал в райцентр. Ощущение восторга, с которым он прожил целую неделю, тут же угасло, как залитый водой костер.

«Завтра все разойдутся по делам, а я опять останусь ни с чем», – подумал он с горечью и, отозвав Бакбергена в соседнюю комнату, рассказал ему о своих бедах.

– Вот как унижает твоего брата Шардарбек! – вздохнул, закончив рассказ. Но что удивительно, рассказ этот ничуть не возмутил родственника.

– Зачем тебе, ага, ввязываться в склоки и пересуды из-за таких мелочей?! Возраст у тебя, слава Богу... – сказал Бакберген не только не возмущаясь, но и укоряя самого Алда-

ныш. Он вскипел от негодования.

– Дорогой, какая же это мелочь, если твой брат остался без работы. Сам знаешь, куча детей малых, – сказал обиженно, подрагивающим голосом.

– Это уладится само по себе. Будет Шардарбек в райцентре, я с ним поговорю, конечно, – преспокойно зевнул Бакберген. – Но и ты не кичись своей гордыней... Можешь и извиниться, не убудет...

От такого разговора все радости последних дней разом забылись. «В кого я верил?!» – подумал Алданыш, свесив голову. Поднявшись до рассвета, не сказав ни слова брату, он ушел на автовокзал и взял билет на автобус до Акиина. Отправлялся автобус в полдень, и Алданыш отправился на базар, пересчитывая оставшиеся деньги: из ста пятидесяти было потрачено больше сотни. «И не приберет же Бог старого дурака, – выругался он про себя: Вместо головы тыква досталась».

Как бы там ни было, а возвращаться домой надо. Вечером, отряхиваясь от пыли, он шагал к своей приземистой избушке, притулившейся напротив высокого дома управляющего. «И угораздило меня построиться именно на этом месте?!» – сплюнул скрипевшую на зубах пыль Алданыш.

Уркия встретила мужа не очень-то приветливо: оно и понятно: уезжал на день-два, а вернулся через неделю. Когда же она услышала о поездке к сватам, на глаза навернулись слезы.

– Зачем накопил этой дряни? – швырнула к двери привезенные гостинцы. – Не для того деньги брал. В мае сын из армии вернется, чем встретим?.. Что за муж? В мирное время не может семью прокормить... Как людям в глаза смотреть?

Наконец-то стемнело. В доме начали укладываться спать. Стелить мужу Уркия не стала. И тот, молча получив свою долю упреков и ругательств, взял одеяло, хотел лечь рядом с женой у печки. Но она взбрыкнула, проворчав:

– Ложись подальше!

Никогда еще Алданыш не ронял авторитет в семье до такой степени. Так и застыл с одеялом в руках. Но подумал: «грех обижаться на разгневанную. Лучше сегодня с ней не связываться». И, волоча красное верблюжье одеяло, лег рядом с дочерью Кульшарой. Та обвила его шею ручонками, прижалась к отцовской щеке.

– Соскучилась, доченька? – прощептал ей на ушко Алданыш. В носу засвербило, сердце размякло. Он прижал ребенка к груди и уснул, думая о сыне в армии и еще о четверых, учившихся в интернате на центральной усадьбе совхоза.

Чувствуя вину перед женой, Алданыш поднялся первым: подбросил сена скотине, вычистил загон и, уже совсем не мужское дело, выгреб золу, растопил печь. Дальше этого не хватало воображения, чем еще можно угодить Уркие. А она, не зная как себя теперь вести с мужем, упорно не вставала.

Алданыш, потоптавшись возле печи, вышел во двор и сто-

ял возле дома покуриавая. По пустынной улице старик Калнияз гнал корову. Это был самый уважаемый аксакал в ауле. Его долго не было здесь, говорили, уезжал в город навестить детей и внуков. Алданыш, увидев старика, торопливо бросился ему навстречу, пожал руку.

– Ну, где ты пропадал? – спросил Калнияз.

– В райцентр ездил, ага, – пробормотал Алданыш.

– Добился чего-нибудь?

Алданыш смущенно пожал плечами, почесал затылок.

– Понятно, – кивнул старик. – Слышал я про твою беду...

Не отчаивайся, найдем и на Шардарбека управу. Сегодня же схожу к нему и скажу, чтобы вернул трактор.

Сказав так, старик не спеша пошел своей дорогой. А на глазах Алданыша выступили слезы. Все знали, что против Калнияза управляющий не пикнет. И не только Шардарбек, но и повыше его начальники побаивались этого старика. Он сам до пенсии работал на руководящих должностях, теперь его дети в городе имеют большую власть.

– Айналайын! – не отрывая глаз от удалявшегося Калнияза, пробормотал Алданыш. – Вот настоящий большевик... Ради такого человека не жаль себя самого принести в жертву... не жаль себя самого принести в жертву... Нету у меня мозгов, нету, – постучал себя кулаком по голове. – Нет бы сразу пойти к Калниязу и все рассказать, так нет, чуть до столицы не дошел, чуть не все деньги промотал, а ради чего? Свои обидят, свои и пожалеют!

Затуманившийся от умиления взгляд Алданыша упал на бурого вола, спозаранку отправившегося на сеновал Шардарбека. Спокойное нахальство скотины так возмутило хозяина, что он схватил вилы и бросился следом.

– Куда? Куда, пес?! Мало ты мне напакостил, итит твою... собака...

Поднималось солнце. Вол, задрав хвост, кинулся к сеновалу с другой стороны. Алданыш, споткнувшись, растянулся на земле. «Хотел ведь осенью забить этого шайтана на мясо – Уркия отговорила. Вот уж истина: выслушай женщину и сделай наоборот...».

Алданыша вдруг осенило: ведь ничего бы и не было, не пойди он на поводке у собственной жены. И все несчастья в его жизни оттого, что он, мужчина, слушается бабу.

Размахивая вилами, мчался по аулу Алданыш, которого в его почтенном возрасте до сих пор называют Алдошем, ругал на чем свет стоит своего бурого вола и как достойный потомок ходжи Насреддина ни на грамм не сомневался, что во всех его бедах виновата жена и только она.

Свидание

Куда ни глянь – бескрайняя равнина, чахлые пучки иссохших трав да песок. Посреди степей – зимовка с покосившейся крышей, дворик с камышитовой оградой. Укрывшись за стеной от промозглого осеннего ветра, стоит оседланная кобыла. Лошадь стара и на редкость худа, морщинистая губа отвисла, глаза закрыты. Она покорно ждет, когда закончится этот хмурый день с серым небом, с пронизывающим ветром.

Мрачно брошенное людьми жилище: изгородь истрепа-на ветрами, местами зияют проломы, двор зарос крапивой и другими сорными травами, растущими обычно на покинутых кочевьях – иссохшими верблюжьими колючками, лопухами. У входа сухой могильник цепляется за одежду и обувь, с треском осыпаются, лопаются, шуршат высохшие колокольчики.

Стены зимовки черны от сырости, квадрат единственного окна давно распахнут всем ветрам, на полу осколки битого стекла. Прислонившись плечом к стене, возле окна стоит смуглая девушка в новой телогрейке. Она здесь уже около часа; смотрит на чуть приметную ленту дороги. В больших карих глазах уже попыхивают дезские искорки – даже ее терпению приходит конец. Все чаще она посматривает на часы, ее возмущению нет предела. Она что-то бормочет, словно отчитывает кого-то. Каждую следующую минуту го-

това вскочить на свою клячу, но снова откладывает этот миг и опять смотрит на дорогу.

«Совесть у него есть, на самом-то деле? Где же носит этого красная? В прошлый раз назначил свидание и не пришел – правда, потом клялся, прощения просил, наговорил оправданий. И вот опять... Кажется, обманул. А для чего тогда надо было умолять и выпрашивать эту встречу? Не понятно. Не надо было соглашаться...».

Девушка опустила на карточки, прислонившись спиной к стене. Ее слух настороженно ждал звука идущей машины. Но только ветер подвывал, как больная собака в холодную ночь. К концу дня его порывы становились все сильнее, все продолжительней. Кончался день. Где-то за толщей свинцовых облаков уходило за горизонт солнце, а здесь, в степи, рваные края туч вспыхнули багровыми отблесками пожаров, наполнились тусклым светом. Заалел небосклон и угас, как догоревший фитиль керосиновой лампы.

Девушка снова взглянула на часы. Мутный воздух непогожего осеннего дня стал еще плотней. Сереющую ленту дороги почти не видно. Надвигались сумерки, а вокруг ни души. Она вздохнула с грустью, в глазах блеснули слезинки. Но вдруг встрепенулась: «Ругаю его, а вдруг он застрял где-нибудь в степи? Вдруг машина сломалась?!... Вряд ли! Машина у него новая. Но разве не ломаются новые машины? И не пустомеля он вовсе, как показалось сначала. Оказывается, в прошлый раз не пришел, потому что по пути при-

шлось подобрать беременную женщину, жену чабана, и отвезти ее в больницу... Сам рассказывал. Не может же он лгать о таких вещах. А я надулась, как гусыня, обиделась. Вспомнить стыдно...».

Девушка представила молодую беременную женщину в чабанской юрте, да так отчетливо, будто появились перед глазами сведенные судорогой руки, искаженное болью лицо, заострившийся нос, страх в широко раскрытых глазах, почувдился даже стон.

«Нет, он не обманывает!» – успокоила она себя. На душе посветлело, снова верила, снова надеялась, думала: – Странно это, но он почему-то не безразличен мне. А что в нем необычного? Красавцем не назовешь: смуглый, курносый... Когда-то в интернате его так и дразнили: «черный, курносый».

Вот и сумерки. Уже не видна степная дорога. А девушка все ждет, отгоняя мрачные мысли. «Нет, придет. Обязательно придет. Пусть только...».

***

Сахи выскочил из конторы в самом прекрасном расположении духа. «Золотой человек, – улыбаясь, думал о главном инженере. – Не стал выпрашивать зачем, да куда, разрешил взять машину до утра». Переминаясь с ноги на ногу, Сахи только начал было сочинять историю, из-за которой никак не мог оставить свой «зиллок» в гараже. А «главный» взглянул ему в глаза и улыбнулся, будто понял мысли.

Другой парень так бы напрямик и сказал: «К девушке, на свидание... В кого же я такой недотепа?!». Сахи по хозяйски погладил капот своей машины, хлопнув дверцей, сел в кабину, повернул ключ зажигания, и новенький «ЗИЛ-130» тихо заурчал мотором. За рулем на обветренном лице водителя появилось выражение спокойной уверенности. Машина тронулась и повернула на асфальтированную трассу, ведущую к рабочему поселку. В пятнадцати километрах от него отделение совхоза, а там рукой подать до старой зимовки. Уж сегодня-то опоздать никак нельзя. Сахи вспомнил последнюю встречу, и улыбка расплылась на его лице: «А девчонка-то не простая, капризная...».

Да, опоздать никак нельзя. На этот раз как ни крути, а он и в собственных глазах будет трепачом, если не явится вовремя. И что за судьба? Вечно с ним что-нибудь случается. Вот и в тот раз он так спешил, хотел приехать пораньше, гнал по наезжанной степной дороге, ничуть не сомневаясь, что будет на месте загодя. И вдруг, путаясь в полах шубы, на пригорок выскочил незнакомый человек, замахал руками, загоразивая собой путь. Сахи остановил машину в полуметре от этого чудика, высунувшись из кабины, выругался:

– Жить надоела, – куриная башка?!

Перед ним стоял парень его возраста, приземистый черный, с измученным лицом. Сбивчиво оправдывался:

– Извини, брат... тут такое дело... Я тебя увидел – про все забыл.

Сахи, только что ругавший назнакомца, немного поостыл и, с любопытством рассматривая загорелое до черноты лицо и неуклюжую как чучело фигуру, насмешливо спросил:

– Чего скачешь, как сайгак?

– Чабан я, с «Сарыбулака». Жена вдруг неожиданно... Того э-э-э... Схватки эти самые, – незнакомец махнул рукой в сторону видневшейся юрты. – Мучается страшно. В больницу надо.

– Подумаешь... Схватки – для бабы житейское дело. Родит и успокоится, – сказал Сахи, отворачиваясь от умоляющих глаз. – Заеду на крестины с подарком.

Он уже переключил скорость, но незнакомец вцепился в машину и не двинулся в сторону.

– Товарищ водитель, разве так можно... Ну, придумайте что-нибудь, – начал канючить.

– Пригласи пару соседских старух. Они в этом деле знают толк лучше любой больницы.

– Ойбай-ау, да откуда здесь взяться старухе, одна юрта на всю округу. Так и живем...

Сахи бросил взгляд на часы. До свидания еще полчаса.

– Да, плохо твое дело!

– Конечно, плохо! – чабан еще крепче вцепился в ручку дверцы, даже пальцы побелели. – Иначе не задерживал бы вас.

– А куда вести-то? В район, что ли?

– Да нет. На Гидроузел, к фельшару. Там что-нибудь при-

думают, – повеселел чабан.

– Ну, тогда садись. Побыстрее! – Сахи распахнул дверцу кабины. «Может, успею, – подумал, сворачивая с дороги. – Если и опоздаю, то минут на пятнадцать... А, была – не была...»

– Это первый у тебя? – спросил, не отрывая глаз от почвы перед колесами.

– Что? – рассеянно переспросил чабан.

– О жене твоей говорю. Она, что, первый раз рождает?

Видимо, чабан только и думал о жене, оставленной в юрте, одинокой, несчастной. Помолчал и, спохватившись улыбнулся:

– Да, первый...

– Надо быть поосторожней: как бы по дороге не того...

Чабан обернулся, улыбаясь:

А— Не беспокойся, теперь все должно быть хорошо.

Всю дорогу измученная женщина не находила себе места: сжималась в комок, металась, вскрикивая. Она была очень молода и хрупка. Муж, посадив ее на колени, только зубами скрипел от бессилия чем-нибудь помочь ей. Сахи, поглядывая на них, притормаживал, старался ехать как можно мягче.

Вскоре замаячила вдали башня Гидроузла. Шофер и пассажиры уже вздохнули с облегчением, и тут гулко прострелил баллон. Машину повело в сторону. Сахи выскочил из кабины – точно, переднее колесо по обод зарылось в песок. Пока водитель с чабаном его меняли, боли у женщины усили-

лись. В ее глазах были только страх и мука.

Они успели. Вдвоем, под руки ввели ее в медпункт пропахший мазями и лекарствами. Сахи не стал задерживаться ни на минуту, выскочил на улицу. Следом, путаясь в полах длинной шубы, выскочил молодой чабан. Скинул малахай, неторопливо вытер ладонью взмокший лоб, спросил усевшегося за баранку водителя:

– Как зовут тебя, брат?

– Сахи!

– Сахи?! Спасибо тебе! Родится сын – твоим именем назову.

Сахи, улыбаясь, махнул рукой. Уже темнело. После этого случая побывать на зимовке «Булкаира» удалось только через неделю. Да и то, какой ценой?! Он ходил по пятам за заведующим, чтобы дали рейс в ту сторону. Даже грузчиков не стал ждать: сам загрузил машину спозаранку отправился в путь.

Что бы там ни случилось, у него был теперь законный повод навестить подружку. И, какая удача! Ее отец был дома. Значит, она одна с отарой в степи.

Сахи, разгрузив мешки с комбикормом, сам же и стаскал их под навес. Отнекиваясь от угощения, заскочил в кабину и помчался по бездорожью в степь. Вскоре на одном из пригорков показалась отара. А вон и она – белеет платок на голове.

Сахи посигналил, но девушка, вместо того, чтобы дви-

нуться навстречу, пришпорила коня и поскакала в другую сторону. Сахи понял этот маневр, остановил машину и пошел пешком. «Ждала, – подумал, виновато улыбаясь. – Нарочно уходит от меня... – Капризная девчонка».

Вначале она и слушать его не хотела, к чему ей оправдания? Отворачиваясь, бледнея от обиды. Он же ходил за ней по пятам, как заблудившийся ягненок, лопотал извинения, уговаривал назначить встречу еще раз. Сердце девушки отмякло. Глаза повеселели. Нехотя, но она все же согласилась ждать его прежнем месте.

На миг Сахи представил эту брошенную зимовку, свою смуглянку, прислушивающуюся к рокоту машин в степи, и сердце его наполнилось теплом. «Где же это видано, чтобы девушка пасла скот?» – подумал о ней с состраданием. – Моя бы воля, увез бы ее хоть завтра. Только как быть с ее отцом?».

***

На развилке Сахи уже притормозил, чтобы свернуть к поселку, и вдруг, будто из-под земли, появился сержант-гаишник, жезлом указал на обочину. Только тут Сахи вспомнил, что его путевой лист не заполнен. «Что за напасть?! Пропади ты пропадом». «Зилок» пронесся мимо растерянного, все еще машущего жезлом сержанта. Тот проворно выскочил из накрывшего его облака пыли и погрозил вслед. Только тут Сахи понял, что переусердствовал: теперь изведут и наизнанку вывернут.

Не сбавляя скорости, он помчался к бетонному мосту в трех километрах от развилки. Перекрыв путь, впереди стояли три машины. Сахи заглушил мотор и не успел выйти из кабины, как к ней подошел пожилой лейтенант. Все еще надеясь на чудо, он медленно спустился на землю, озираясь, шагнул к лейтенанту, поздоровался.

– Езжай! – протянул милиционер документы почтенно согнутому, вертляво лебезившему шоферу, и хмуро спросил Сахи:

– Куда путь держим?

Сзади затарахтел мотоцикл, водитель оглянулся и обомлел: поставив вплотную к его «зилку» свой потрепанный «Урал», на него пристально смотрел сержант, тот самый, с развилки.

– Куда едешь? – переспросил лейтенант.

– В Булкаир! – проямлил Сахи бледнея.

– Где путевка?

– Товарищ лейтенант, есть путевка... То есть сейчас у меня нет... Забыл, товарищ...

Лейтенант посуровел лицом и принялся внимательно изучать водительские права.

– Чего ты несешь? Не пьян ли случаем?

– Пьян, собачий сын! — хрипло поддакнул подошедший сержант. – Чуть не сбил меня на развилке.

«Ну и влип!» – подумал Сахи, торопливо забормотал.

– Да вы что, товарищ сержант, я вас просто не заметил.

Там колдобина... Засмотрелся... Задумался.

– Ты у меня еще подумаешь, – прохрипел сержант. – Откуда такой пряткий?

«Влип!» – снова подумал Сахи. Ни лесть, ни глупая улыбка уже не могли помочь. Наглые наскоки сержанта раздражали.

– С Кызылту я! – ответил хмуро.

– Опять с Кызылту! За неделю третий ухарь с одной автобазы... Надо вздрючить их начальника, пусть воспитывает.

Пожилой лейтенант снял фуражку, разгладил ладонью морщины на лбу и равнодушно зевнул:

– И главного инженера тоже, – пробормотал: – В прошлом году школяра ра трактор посадил, а тот чуть не загремел с моста...

Сахи поял – как ни мал его последний шанс, но он последний: ни нахрапом, ни лестью этих не проймешь.

– Отец, – жалобно простонал, глядя в глаза лейтенанту: – Пожалейте хоть раз. Виноват, что уж там... Торопился очень, дело всей жизни решается.

– Посмотри на него, понял, что не отвертеться, и заскулил. Все они такие.

Лейтенант ухом не повел на слова сержанта, спросил, испытываяще глядя исподлобья:

– Что за дело, если не секрет? На шабашку поехал? Хоть бы одного за жизнь встретить, кто спешит по совхозным делам...

Возразить, мол, именно по делам совхоза, у Сахи язык не повернулся. Он так и стоял, тупо глядя на землю, переминаясь с ноги на ногу, почесывая затылок.

– Ну, если такой секрет, то сейчас подъедет начальник райавтоинспекции, может быть, ему расскажешь! – отрезал старый лейтенант и шагнул в сторону.

У Сахи что-то екнуло внутри:

– Товарищ милиционер, отпустите, – взмолился он. – Клянусь, больше ни разу не нарушу правил, путевой лист забывать не буду. Все расскажу, хотя, неудобно как-то, – засеменял он вслед удалявшемуся лейтенанту. Но тот, не оборачиваясь, продолжал свой путь. Молодой сержант захихикал, скаля острые мелкие зубы.

– Ты погляди, какой он сердобольный...

Сахи остановился, сплюнул от досады и пошел к своей машине.

***

Девушка уже совсем безнадежно бросила взгляд на часы. Договаривались встретиться в семь. Сейчас без четверти восемь. Она же пришла сюда в половине седьмого и сейчас ругала себя, что вообще притащилась в такую даль. «А этот... Тьфу, что за балаболка, ничего святого в душе... Стоишь тут, как дура, посреди степи, а он может быть, и забыл, какой сегодня день или... или катается с другой».

Темные, как сливы, глаза девушки затуманились от обиды. Стараясь сдержать слезы, она прикусила губу. «Ладно,

потерпим ровно до восьми. Не для него, конечно, а так... Когда приедет и будет оправдываться, чтобы поймать на лжи. Уж тогда она ему ответит, найдет слова для этого непутевого женишка...».

Из-за него пришлось взять грех на душу, обмануть стариков родителей. Она сказала, что пошла искать верблюда. Как бы он не оказался дома раньше ее возвращения. Мать вся изведется за вечер. А чем она оправдается? Опять придется лгать. «Бедная мама! Беспокойся. За единственную дочь готова жизнь отдать. Обидел ее аллах детьми. Только ради этого стоит выйти замуж и наградить ее пятью-шестью внуками... Ну, хоть двумя-тремя... Ого! Что за мысли? – одернула себя девушка. – Одни джигиты на уме. Потому-то и дрожишь здесь полтора часа. Так мне и надо. Сидела бы дома возле печки, рядом с мамой с папой и никаких забот...».

И степь, словно осерчав, почернела, покрылась серым холодным мраком. Пронизывающий ветер становился все злей, яростней, подвывал в проемах окна и двери, словно старый шаман бормотал заклинания. Разбитая калитка в полутьме щерилась как вольчья пасть, скрипела и стонала от порывов ветра.

Девушка рванулась с места, выбежала из дома, стала отвязывать повод застоявшейся на ветру кобылы.

Какой негодяй, оказывается. Так и не пришел.

Запрыгнув в седло, она стегнула старую клячу по худым бокам, будто животное в чем-то виновато. Из-под черных

ресниц на щеки сорвались слезинки. Кобыла, скрипя седлом и суставами, не хотела переходить в галоп и лениво рысила. С пригорка девушка оглянулась в последний раз, и вдруг вдали блеснул свет фар.

По бездорожью машина стремительно неслась к зимовке.

– Милый! – прошептала она. – Значит, что-то опять случилось. – Ну, ничего. Хорошо, что дождалась.

В лицо бил прохладный задиристый ветерок, играл черными как смоль локонами, выбившимися из-под платка.

АКИИН

Толеутай проснулся до рассвета от жажды. Пошевелил жестким языком. В голову будто свинца налили, тело горело. И в комнате странная духота, как при сильной утечке газа из конфорки – она совсем не подходит на застоялый воздух помещения, где ночует много людей.

«Где я?» – подумал Толеутай и в следующий миг понял: то, что он принял за газ, всего лишь сильный запах нафталина, которым аулчане пересыпают одеяла, кошмы, ковры и другие шерстяные вещи, чтобы не завелась моль. И сразу все стало на свои места: и дом, в котором он ночует, и боль в левом глазу, и вчерашний вечер.

– Проклятье! – пробормотал он. – Рвался а аул на встречу с друзьями и родственниками. И вот... Встретились.

В темноте сопели, храпели и скрежетали зубами. Сбросив одеяло, рядом посапывал сынишка, забормотала жена, и Толеутай резко поднял голову с подушки: показалось, она что-то сказала ему. Но нет. Свернулась калачиком и сердито выговаривает кого-то во сне.

«Небось меня ругаешь», – подумал Толеутай, мысленно оправдываясь перед обидчивой женой. Впрочем, и оправдываться нечем. Оттого ему стало еще муторней. Стоит завтра отъехать от аула и посыплются упреки.

Он потрогал лицо ладонью. Под глазом была опухоль.

Чуть коснулся – заныла, будто солью посыпали. «Тяжелая рука у собаки! – в душе закипала злость против ударившего. – Вроде и задел-то со скользом. Ударил подло, без предупреждения... Гостя». У Толеутая при этих воспоминаниях от обиды слезы навернулись на глазах. «Встретились... Ну, да ничего, встретимся и еще», – со злостью подумал он и сжал зубы. Но как ни успокаивал себя надеждами на торжество поправленной справедливости, не мог не понимать, что встреча эта произойдет не сегодня и не завтра, да и будет ли она вообще в этом меняющемся на глазах мире? А потому обида и злость не проходили.

Подташнивало. Горло совсем пересохло. Шершавые губы потрескались. Сейчас бы ковшик воды. Что может быть прекрасней студеной колодезной воды, которая ломит зубы, ознобом пробегает по всему телу? Но Толеутай помнил, что он лежит в самой дальней комнате в доме двоюродного брата Елемеса. И пока во тьме доберется до бочки с водой в сенях, разбудит многих гостей и домочадцев.

«Пороть меня некому», – вздохнул он. Ведь жена так не хотела ехать в аул. Умоляла: неужели два выходных дня нельзя по-человечески провести в городе? Так нет! Каждый месяц, нагрузившись как лошадь подарками, надо ехать на край света. И вот ведь, идиот, чуть не на коленях упросил ее съездит еще раз... Теперь все. Пропади он пропадом, если еще хоть шаг сделает в эту сторону. И почему умнеем мы так поздно?

Лежал Толеутай без сна, разглядывая темные стены комнаты. Ждал рассвета.

Даже Толеутай чувствовал себя вконец измотанным, когда по бесконечной ухабистой степной дороге автобус подходил к аулу Акиин. Подташнивало от тряски и выхлопного газа, где-то пробивавшегося в салон. Сагила, та и вовсе еле держалась на ногах. На каждом ухабе, на резком повороте она делала страдальческое лицо, закусывала губу, всем своим видом показывая, как страдает и как покорно переносит идиотские бредни мужа.

Только четырехлетнему сынишке все трудности были ни о чем. Широко раскрыв глаза, Ерлан с восторгом озирался вокруг, то и дело тормоша удрученную Сагилу:

– Мама! Мама! Смотри!

Лицо матери озарялось: господи, как мало надо для счастья в этом возрасте. Как хорошо быть ребенком!

Когда автобус остановился на краю аула с несколькими десятками домов, рассыпанных на белом такыре, Ерлан первым ринулся к выходу. Как обычно, жители аула высыпали из домов, с радостной благодарностью встречая единственный транспорт, связывающий их со всем миром.

Автобус ждали все: взрослые поглядывали на него из окон и дверей домов, а ребятишки во всю прыть мчались к остановке, едва он показывался на горизонте. И теперь толпились возле распахнувшейся двери салона, нетерпеливо заглядывали в окна, словно не верили, что так мало людей при-

было в их аул. Пассажиры высаживались неторопливо, держались отчужденно и важно, будто прибыли из самой Москвы.

– Ерлан! – радостно закричала длинноногая семиклассница, дочь Елемеса. Волчком подскочила к мальчонке, прижала его к груди, счастливая, оглянулась на своих подруг: «видите, к нам гости приехала». Затем, увидев усталое и беспаянное лицо тети Сагил, сутулящегося от тяжести сумок дюдю Толеутая, покраснела:

– Здравствуйте...

– Ну, как, Жанылган?.. Все нормально? Все живы-здоровы? – спросил Толеутай, потому что нужно было что-то сказать племяннице. – Сваты приехали?

– Приехали...

– Когда?

– Вчера приехали, – ответила Жанылган, потупившись, ковыряя землю носками бабушкиных калош, в которых выскочила на улицу.

– Ну, вот, и мы тоже заявили, – сказал Толеутай, желая закончить разговор шуткой. – Ну-ка, бегите домой!

И без того смущенная вниманием уважаемых гостей из города, длинноногая смуглянка кинулась к дому, чуть ли не силком волоча за собой Ерлана. С полдороги закричала матери, ставившей перед домом самовар:

– Апа, дядюшка приехал!

– Что-что? – мать, не поняв торопливого оклика, прило-

жила ладонь ко лбу, шурясь на неуклюже мчавшуюся дочь, на семенившего за ней мальчонку.

– Говорю же, дядюшка приехал, – снова закричала девочка, сердясь на спокойствие матери.

– Ойбай-ау, неужели деверь из города? Что же ты так сразу и не сказала? – женщина засуетилась. – Эй, дед, с тебя причитается за хорошую весть – твой младший брат с невесткой из города приехали. – И, бросив щипцы для угля, эта нестарая еще, но дочерна загорелая женщина кинулась навстречу гостям, будто они могли пройти мимо ее дома.

Усталое лицо Толеутая озарила радостная улыбка. В суетливых движениях снохи, в некрасивом, посеченном ветрами и солнцем лице, в потрескавшихся губах и даже в трепыхании длинного подола было какое-то родное тепло, заставившее защемить сердце: то самое тепло, которого так не хватало в городе. «Как не заскучать по всему этому? Оттого-то так тянет к себе аул».

– Ойбай-ау, Накажи меня Бог, не сразу узнала, – не зная как поздороваться, если деверь подошел первым, она растерянно взглянула на него и бросилась мимо, к чуть отставшей невестке, протянула руки, коснулась ее щеки сухими губами.

– Как вы там? Все ли живы-здоровы? Хорошо, что приехали, а то старик уже начал беспокоиться, ворчит: «что-то задерживаются...». Как здоровье родителей Сагилы? Все ли в ваших краях здоровы?

Хотя Толеутай не сразу понял, о ком спрашивают, все же

ответил:

– Здоровы-здоровы... Привет вам всем передают.

– Спасибо! Лишь бы здоровы были...

Из дома вышел высокий, сухощавый смуглый мужчина с топорщившимися кошачьими усами, двоюродный брат Толеутая Елемес.

***

Свадьбу справили вчера, а сегодня Елемес устраивал той специально для родственников со стороны невесты. Толеутай кое-кого знал из дальних своих родственников, а по важному виду незнакомых людей понял, что это и есть сваты. Он поздоровался, пожав каждому из гостей руку. Сваты, боясь уронить чувство собственного достоинства в чужом доме, держались надменно, как иноземные послы, на приветствия отвечали чуть заметным движением губ. Лишь солидный мужчина, пригладив длинные казачьи усы, соблюдая этикет, спросил:

– Хорошо ли добрались? Здоровы ли дети?

Толеутай не знал, как ответить солидному гостю, смутился, и, делая паузу после каждого слова, ответил:

– Слава Богу... Сами тоже, надеюсь, в полном здравии... Дети, скотина... Даст Бог, все в сохранности?!

Гости, удовлетворенные ответом джигита, повернули головы к хозяину, сидевшему на корточках возле двери с таким видом, будто собирался куда-то уйти, как бы спрашивая: «из какого рода-племени, из какого аула этот парень?».

– Мой дваюродный брат по отцу, – сказал Елемес, неторопливо выговаривая слова. – Как говорили встарь: было нас от одного отца пятеро, многие поумирали – шестеро осталось. Вот и он – единственный отпрыск нашего дяди Телемиса, погибшего на войне.

Гости удовлетворенно закивали, подобрев лицами, то ли довольные подробным ответом хозяина, то ли смягченные вестью, что Толеутай остался один от отца.

– Хорошо. Настоящим мужчиной стал.

– Говорят, одинокого Бог хранит.

– Лишь бы продолжение осталось.

Толеутай, тронутый вниманием и описанием родословной, вскоре оправился от смущения, стал беседовать с гостями и расположился за столом. Мигом появился кипящий самовар. Поскольку аулчан угощали вчера, сегодня из земляков присутствовали только самые уважаемые люди аула. И все равно всем не удалось разместиться в одном доме, у соседа Бухарбая тоже были накрыты столы для гостей.

Около семи часов по одному, по двое-трое, стали приходить приглашенные аулчане. По договоренности, заведущий фермой Шардарбек, вечно хмурый веттехник с выбритым до блеска черепом, молодой улыбчивый продавец Аутай, недавно закончивший институт, молодой стемнительный зоотехник и единственный в ауле учитель – седой старик Кукнай – были усажены за один стол со сватами.

Вначале аулчане и сваты отчужденно, в полном молча-

нии обмениваясь испытывающими взглядами, лишь изредка перебрасывались короткими, ничего не значащими фразами, и всем своим видом подчеркивали значимость собственных персон. Непринужденно разлегшийся на самом почетном месте «Тарас Бульба» с пышными усами даже не кивнул при входе почтенных людей аула, не выказывая им никакого уважения. Заметив это, заартачился и Шардарбек. По его мнению, этого усатого он на своей ферме не удостоил бы заведовать складом с ветошью. Бросив вызывающий взгляд на свата, он развалился напротив него, всем своим видом показывая «как ты, так и мы».

Такое начало не могло ни повлиять на все застолье. Уже и остальные молчали, поглядывая друг на друга. Толеутай попал в глупейшее положение: по праву родства с хозяином дома он оказался тамадой дастархана, за которым назревала распря. Делать нечего, он как мог старался смягчить, неприязнь сторон, уговаривал:

– Баке, Шаке! Что ж вы не пьете чай. Давайте-ка нальем по соточке... Вот жаркое, попробуйте, пожалуйста.

Однако все его старания, все уловки были напрасны: гости вели себя так, будто сели за стол сытыми – ковырнут то в одном, то в другом блюде и снова высокомерно поглядывают друг на друга.

«Чтоб вы полопались от своей гордыни! Нашли место задирать носы! Черт с вами, свалим всю еду в кучу и отдадим скотине – сожрет!» – стал он выходить из себя и тоже за-

молчал. А гости, почувствовав его настроение, поняли, что больше их уговаривать не будут, оживились и пришли к молчаливому согласию. Но Толеутай остыл не сразу. «Это что, свадьба или встреча врагов? Когда только аулчане избавятся от этих глупых манер? – бушевал он про себя. – Угораздило же соглаиться сесть за один стол с этими индюками. Сейчас сидел бы у Бухарбая с друзьями, с теми, кто попроще, поближе, веселился бы...».

В перерыв между мясом и чаем он выскользнул из дома. Над аулом висел густой туман. Мутно светил костер посреди двора. Молодые женщины чистили потроха забитых овец, смолили бараньи ножки и головы, весело переговаривались, сновали по двору. Много людей было и в соседнем дворе Бухарбая. И там пылал огонь. Сильно пахло горелой шерстью. Эта исконная для степняка картина шевельнула что-то глубинное в душе Толеутая. Как во сне, он вышел из тумана к костру, к женщине, подрасывавшей в огонь кизяк. Это была Катша – жена Елемеса.

– А где ага? – спросил он ее.

Жена брата поправила задравшийся подол платья, засуетилась, вытирая руки.

– Только что был здесь... Наверно, в сарай пошел... Эй, Жаньылган, позови отца. Пусть идет побыстрее, скажи, ага зовет.

– Ладно, не нужно, – остановил он на полпути побежавшую было длинноногую племянницу. – Если будет меня ис-

кать, скажите, пошел к Бухарбаю. Надо навестить его мать.

– Сходи, конечно. Я сама ему все передам. Теперь он быстро освободится и сам побудет с гостями, – сказала Катша.

Толеутай обрадовался, что так легко освободился от стола почетных гостей.

– Я не долго. Посижу и вернусь.

Не задерживаясь больше, он шагнул в соседний двор, со скрипом открыл ветхую дверь дома, в темени сеней споткнулся о грудку разбросанной обуви. Из комнаты слышался гул. Толеутай понял, что друзья уже всюду веселятся, и, улыбнувшись, торопливо сбросил ботинки.

– Добрый вечер!

Молоденькая жена хозяина, сидевшая у самовара, подскокила как на пружинах, постелила на торь сложенное вдвое одеяло.

– Здравствуйте, проходите!

Раскрасневшаяся у печки светлоликая старушка подумала, что зашел один из подвыпивших друзей Бухарбая, взглянула исподлобья на засуетившуюся невестку и кивнула в сторону комнаты.

– Здравствуй, мой свет. Бухарбай и гости в большой комнате...

Севшая на место невестка лукаво улыбнулась и фыркнула.

– Матушка, это же Толеутай!

– Неужели? Ойбай-ау, тот самый, наш Толеутай? Ну,

вот... Всегда я так! Здравствуй, мой светик, единственный верблюжонок Камилы, – старушка опустила поднесенную к губам пиалу, притянула к себе голову присевшего Толеутая и расцеловала его в щеки.

– Родной ты мой... Когда же приехал? Семью, дети, все ли живы-здоровы?

– Здоровы, здоровы, – счастливо улыбнулся Толеутай.

– И невестка приехала?... О, времена... Такое счастье, а Камила, бедняжка, давно в земле. Рано она нас оставила, – старушка зажмурилась, смахнула костлявыми пальцами слезинки с глаз. К горлу Толеутая подступил комок...

– Выпей с нами чайку?!

Но он понял, что усидеть здесь уже не сможет. Чтобы не принести несчастья дому, отказываясь от угощения, отщипнул кусочек хлеба, сказал с дорожью в голосе:

– Спасибо, аже! Я зашел только на минуту, поздороваться.

– Ах, жеребеночек мой! Будь здоров. Нам уже немного осталось скрипеть на этом свете. Но пока жива твоя бабулька, она с тобой... Ладно, иди к молодежи.

Первым заметил вошедшего Бухарбай:

– Вот так раз... Джигиты, смотрите кто пришел... Толеш! – он вскочил с места и первым потянулся навстречу другу: – Ну, давай, проходи. Давно не виделись.

Вольно рассевишиеся гости зашумели. На дастархане разбросаны карты. Толеутай, высвободившись из объятий Бухарбая, поздоровался, пожимая всем руки. Казалось, все со-

скупчились по уехавшему в город земляку. Те, что постарше, тяготея к ритуалу, радостно расспрашивали:

– Здоров ли ты, Толеш? Дома все в порядке, все здоровы?

Были здесь и сверстники, позволявшие себе острить в его адрес, не успев толком поздороваться, шутя, поддавали ту-маки, толкали.

– Наконец-то появился... Где пропадал до сих пор?

– Ишь, как он своих сватов любит! Неужели с ними веселей, чем с нами?

Толеутай тоже не отставал.

– Крикуны вы безмозглые! – смеялся. – Когда только помнеете. В старину шестидесятилетний старик первым шел поприветствовать шестилетнего малыша, если тот приезжал издалека. У вас же никакой сообразительности... Хорошо, что я такой легкомысленный, вот и пришел к вам первым... Не так ли, Абеке? – глянул он на старшего в компании сидевших, тракториста Абильду. И тот, вместе с большинством гостей поддержал его:

– Верно говорит...

– Прав Толеутай...

– Ну вот и договорились об этом! – он присел к одному из острословов.

– Чего это ты ко мне жмешься? Наверно, жена к себе не пускает, – захохотал тот, делая вид, что старается отодвинуться.

В двери появился Бухарбай с бутылкой:

– Ну-ка, джигиты, оставим карты, надо выпить за приезд Толеша. Дело важное, не заставляйте напоминать, что надо пить до дна.

Уговаривать гостей не пришлось, они без церемоний выпили налитое, и вскоре снова разгорелась игра в карты. Толеутай тоже сел в круг.

– Давненько не играл! – посмеивался он. Денег в карманах было достаточно для в такой компании. И сразу пошла карта. Не прошло и пятнадцати минут, перед ним выросла горка мятых рублей и трешек. Это неожиданно привалившее «богатство» не только не обрадовало, но и вызвало чувство неловкости перед старыми друзьями, и Толеш, стараясь избавиться от этих денег, бездумно бросал их на кон, поднимая ставки, не задумываясь, открывал карты и снова выигрывал... Ну, что за чертовщина?! – сердился он про себя.

Один раз все кроме Бухарбая сбросили карты, Толеутаю же со своими вообще играть не стоило. Но он поднял ставки до сотни, на этот раз рассчитывая наверняка проиграть. Бухарбай же расценил ситуацию по-своему и, подумав, бросил карты. Толеутай зевнул, сгреб больше двухсот рублей и раскрыл свои – все разной масти. Вокруг дастархана загудели:

– Отчаянно режется Толеш!

– У нас бы на такое никто не решился!

От обиды лицо Бухарбая покрылось красными пятнами. Толеутай же, подбадриваемый земляками, после этого и во-

все стал играть напропалую, веря, что он, действительно, отчаянный парень, повторяя:

– Да, такой, фарт бывает не часто... Надо ловить момент...

Всем, кто льстил и восхищался им, он, не считая, оживал выигранные деньги и вскоре стал кумиром и баловнем собравшихся: стоило обронить замечание, как его подхватывали, повторяли с восторгом и восхищением; стоило пошутить, и все «друзья» покатывались со смеху. Что ни взятка, твердят: отчаянный парень наш Токе, – кажется, счастливы уже тем, что это он, их земляк, такой смелый и удачливый, а не кто-нибудь другой.

Это стало раздражать подвыпившего Бухарбая. И вскоре он, улучив момент, сказал как бы в шутку:

– И чего вы перед ним лебезите?! Никогда не видели городских пройдох?

Но Толеутай внимания не обратил на его подколки, добродушный от природы, а от привалившего везения еще и великодушный, он даже рассмеялся:

– Подожди, городской пройдоха еще покажет себя!

Действительно, был в игре целый ряд удивительных совпадений: везло не только Толеутаю, но и хозяину дома Бухарбаю. То и дело они начинали торговаться из-за ставок. Карта шла и тому и другому, но если Бухарбай рассчитывал на свою сильную карту, она вдруг приходилась в масть Толеутаю. Если первому и второму шла карта не в масть, то

у Толеутая оказывался хотя бы туз. И так всю игру одному везло больше, чем второму.

Бухарбай заводился. Толеутай несколько раз пытался подыграть ему, но это только обозлило друга.

– Я тебе не партнер, – заявил он.

В конце концов, как и стоило ожидать, они повздорили.

– Ты подтасовываешь! – бросил Бухарбай карты на стол, едва взглянув на них.

Кровь бросилась в лицо Толеутая.

– Чего угодно ждал от тебя, собака, только не клеветы, – ответил он дрожащим от обиды голосом.

– Кто собака? – тяжелый как гиря кулак Бухарбая звезда-нул так, что искры замельтешили перед глазами. Несколько секунд Толеутай не мог прийти в себя, тупо мотая головой. Сердце заклокотало, вырываясь из груди, он бросился было на обидчика, но минуту назад преданные друзья, ловившие каждое его слово, скрутили за спиной руки.

***

Толеутай сбросил с себя широченное одеяло, под которым можно укрыться троим, перевернулся на бок. Закружилась голова, тошнота подползла к горлу. Эх, никогда еще не чувствовал он такой обиды: если бы кто другой оскорбил, а не Бухарбай, было бы легче... Но простить ближашему другу и соседу?! Или хотя бы забыть, не думать о случившемся... Нет, он не был способен на это.

В комнате стали проступать очертания вещей и предме-

тов. За узенькими оконцами Елемесова дома рассветало. Толеутай облизнул пересохшие губы, тихо оделся и, стараясь никого не разбудить, вышел из дома.

Утренняя свежесть и прохлада приятно ударили в лицо. Ежась в одном пиджачке, Толеутай направился к бархану, подступившему вплотную к аулу, забрался на вершину и долго стоял, вглядываясь в даль, еще не очистившуюся от сырого тумана. Там темнела обрывистая дуга берега Сырдарьи. Отсюда и название аула Акиин – Белая Излучина.

Вдруг оттуда, издалека, донесся грохот. Толеутай пристальней взгляделся в подернутое туманом русло и различил высокий ледяной затор в самом узком месте реки. Грохот шел оттуда. Льдины, задирая к небу свои бока, влезали друг на друга, образуя ледяные горы.

По телу горожанина прошла легкая дрожь. Он застыл, не отрывая глаз от далекого русла, тихо пробормотал:

– Вот так раз! Давненько не было такого ледохода на Сырдарье.

В последние годы он не раз слышал от стариков: «Уходит благодать от Акиина. Даже река перестала выходить из берегов».

Толеутай усмехнулся, вспомнив обычай стариков во всякой мелочи видеть признаки конца света. «Не забыла святая река своих традиций. О, Господи! Вот так затор – целые ледяные горы?!» – радовался он.

Перед его глазами появились картины далекого детства:

белые юрты на зеленом густотравье, дым кизяка из очагов, детишки, бегающие по мягкому песку побережья. А вон там стояла четырехстворчатая юрта черной старушки, которой попугивали Толеутая в детстве. Земля ей пухом... Как бежит время, как это время вырастило и изменило его. В детстве нет забот. Много позже он понял, каких трудов стоило матери-вдове поднять сына на ноги.

На глаза Толеутая навернулись слезы и встала перед ним прожитая жизнь, такая долгая, потому что прошлое можно вспоминать все оставшиеся годы, и короткая, потому что записать автобиографию можно было на листке ученической тетради.

В Акиине ему завязали пуповину, и здесь он безвыездно прожил, пока не ушел в армию. Его мать осталась вдовой в двадцать лет и всю оставшуюся жизнь прождала мужа, ушедшего на войну. Она претерпела тысячи мук, ожидая, когда вырастет и выбьется в люди единственный сын.

А он, закончив семилетку, так и не решился оставить ее одну. Без образования, без профессии выполнял на ферме черную работу: был конюхом и помощником чабана. Именно перед тем как уйти в армию, мать, ради которой он оставался в ауле, умерла, проболев два-три дня. Такой поворот судьбы Толеутаю не мог и присниться. Никогда прежде не приходило почему-то в голову, что мать может умереть. Тем более, что эта крохотная, рано постаревшая женщина, с безысходной печалью в глазах, никогда не прикрикнула, строгого сло-

ва не сказала не только взрослому, но и пятилетнему малышу. К тому же, она никогда не болела.

Смерть матери оставила глубокую рану на сердце. Раз за разом подкатывала тоска, напоминая, что он остался один. Впервые появилась в душе обида на несправедливость жизни. Хотелось уйти куда глаза глядят. Но осенью призвали в армию. Как ни медленно затягиваются душевные раны, но со временем вылечиваются и они. В конце концов Толеутай перестал чувствовать боль при каждом воспоминании детства.

Он вернулся на родину через три года. Грех жаловаться, аулчане приняли его радушно: тридцать домов – тридцать приглашений. Так и гостевал он целый месяц, переходя из дома в дом. При виде стройного подтянутого солдата многие женщины, знавшие его мать, не могли сдержать слез, напоминая о прошлом.

Вскоре родственники и земляки стали воспринимать присутствие Толеутая в ауле как должное. Его же родные места стали тяготить, было тесно здесь после увиденных просторов. Кончилось это тем, что он уехал в город. Месяца три проработал на стройке, потом поступил на курсы железнодорожных машинистов. Три года отработал помощником, потом и сам стал машинистом. Жил в общежитии с такими же парнями, съехавшимися со всех концов страны. Там и встретил Сагилу. Женился. Пару лет мотались по квартирам с ребенком. Но и это прошло, как дурной сон. Пришел и на их

улицу праздник – получили двухкомнатную квартиру в микрорайоне.

Рай, да и только. Особенно если вспомнить низкие и тесные домишки аула с их вечной сыростью и копотью. Чаще стали навещать близкие родственники, дальние – лучше помнили родство. Своя квартира давала Телеутаяу вес и уважение в их глазах. Как не радоваться, когда, оказавшись по делам в городе, они бродили по всему микрорайону с клочком бумаги, спрашивая, где дом и квартира Толеутая. Для него это был большой почет. И поначалу он так гордился вниманием родни, что тратил, бывало, и половину зарплаты, поприличней встречая гостей. Те тоже не оставались в долгу: поживут два-три дня, уладят дела и давай уговаривать навестить их в ответ, будто и приехали только для того, чтобы пригласить в гости. Повод же для приглашения в аул всегда найдется: один выдает замуж любимую дочь, выращенную на самых изысканных яствах, другой готовится к обрезанию сына, – попробуй откажись... Сразу обиды: «мы что, хуже тех, кого ты удостоил приездом?.. Чем мы провинились... И подарков никаких не надо. Приезжайте всей семьей, для нас это будет лучший подарок. Заодно и на могиле матери побываешь... Одна причина – повод, две причины – обязанность...».

После всех этих просьб и уговоров, после оказанного уважения Толеутай так и открывлялся. Улучив момент, когда у Сагилы хорошее настроение, начинал как бы размышлять

вслух: «Эх, покупаться бы в Белой Излучине, поваляться на песочке, сразу бы вся городская зараза отстала: инфекция-минфекция – там один только воздух лучше всякого лекарства, а какой радушный народ аулчане?!».

Так, намекая, умоляя, упрасивал он в конце концов жене потратить тридцать-сорок рублей сверх семейного бюджета и на пару свободных дней выезжал в родные места. Аргументы для поездки обычны: не обидеть бы родственников, – но в действительности «обида», «свадьба», «поминки» – только внешняя причина, в внутренняя, порой бессознательная, всегда одна – тоска по родным местам.

Мало ли аулчан перебирается в город и пускает в нем прочные корни, отрываясь от прежних мест?! В глубине души Толеутай понимал: все могло быть иначе: проще и легче, – будь жива мать, живи она в его благоустроенной квартире в покое и достатке.

Толеутай долго стоял на вершине бархана, мысленно возвращаясь то к вчерашнему вечеру, то к событиям давно минувших дней. Несколько раз чуть было не шагнул в сторону кладбища, но в последний миг так и не решился отправиться туда в столь неподходящее время, да еще таком виде. И когда понял, что сегодня уже не побывает там, вздохнул: «В следующий раз обязательно приду на кладбище, зарежу барашка и пригласу кого-нибудь из стариков почитать молитву над могилой. Не успел при жизни, хоть для души что-то сделаю...».

Туман, затягивавший горизонт, рассеялся. Грудь наполнил свежий весенний ветер с запахом дождя. Поник почерневший от сырости кустарник. Но вот вдаль показался краешек солнца, и аул стал просыпаться, неторопливо и томно, как старый сытый кот на печи: где-то замычала корова, залаяла собака, загремело упавшее ведро. Толеутай услышал за спиной раскатистый кашель заядлого курильщика, обернулся. Мимо ворот Елемеса проходил Бухарбай. Его крижистая фигура напоминала издали старый окаменевший пень. Топая кирзовыми сапогами на босу ногу, он гнал корову на выпас.

Толеутай обернулся, кровь бросилась в лицо, даже уши вспыхнули словно его застали на месте преступления. Затаив дыхание, на что-то еще надеясь, он потоптался на бархане со смущенным видом. Бухарбай же, попыхивая папироской, настырно делал вид, что не замечает его. «Вот собака!». Корова попыталась было свернуть к колодцу, он с маху вытянул ее хворостиной вдоль хребта.

– Куда, язва! Пошла!

Толеутай вздрогнул, будто удар этот предназначался ему. Чуть было не крикнул:

«Эй, пес!». Но прикусил язык, потому что именно в этот миг из дома вышла мать Бухарбая. С кумганом для омовения, старушка семенила за кошару.

***

После обеда Толеутай с женой и сыном отправились к ма-

газину на остановку автобуса. К этому времени Елемес проводил сватов и устало радовался, что все обошлось без ссор и обид. Толеутая с семьей задерживать не стал, хотя до прихода автобуса было еще много времени, сказал на прощание:

– Ну, дорогие, спасибо, что уважили. Приезжайте почаще. Все, что имеет ваш старший брат, вы видели. Дарю Ерлану жеребенка от гнедой кобылы. А вы не забывайте родню. Как выдастся свободное время – милости просим!

Суетилась Катша, его жена, то что-то засовывая в сумки гостей, то прижимая к груди четырехлетнего Ерлана. Нет-нет, да и взглянет тайком на лицо Толеутая с расплывшимся под глазом синяком.

– Спасибо, ага! Конечно, приедем, – говорил он в ответ, пытаясь скрыть то, что творилось в душе. В глазах будто написано: «Вряд ли это будет возможно в ближайшее время, да и вообще...».

Вышли они слишком рано и пришлось долго простоять на пронизывающем ветру. Сагила с сыном забралась в будку сторожа магазина, и поскольку не звала мужа, злорадствуя и хмурясь, то Толеутай, по-прежнему надутый и обиженный, так и остался на ветру с развевающимися полами плаща.

Пасмурное небо, казалось, чуть поднялось над степью. Низко над землей летели рваные клочья белых облаков. На улице не видно ни одного праздно шатающегося, лишь грачи суетились на крышах, черные, как смоль, и трясли хвостами.

Взгляд Толеутая упал на приземистый заброшенный домик в конце аула...

Толеутай легонько вздохнул. Странная, спокойная печаль наполняла его, она не была похожа на прежнюю, ноющую старой раной тоску, ни на сожаленье о несбывшемся. Все прошло, все изменилось... И аул, и этот старый дом – все это мало походило на картины, живущие в душе. Лишь только вдали, там, где серпиком народившегося месяца изгибается обрывистый берег Акиина, – Белой Излучины, лишь там вечность, над которой на властны ни время, ни люди.

Есеке

У подножья кургана, среди бескрайних совхозных полей, сидят двое: юноша с доверчивыми глазами, с простодушным улыбчивым лицом, выпускник пединститута Лукпан Мырзабеков и учитель казахского языка Ешмурат Аманкулов, попросту Есеке, – мужчина преклонного возраста. Когда-то покойный отец, спасая сына от мясорубки Отчетвенной войны, занизил в метрике его возраст, и вот одногодки Есеке уже давно на заслуженном отдыхе, а он до сих пор по милости папаши вынужден возиться с детворой.

– Вы еще молоды, дорогой мой, – говорит старый учитель, нервно дергая головой и с неприязнью посматривая то на незнойное осеннее солнце, словно застывшее в небе, то на учеников, которые вместо того, чтобы аккуратно собирать остатки колосьев, валяются в копне соломы, бегают по рисовым ячейкам. – И все же, раньше жизнь была спокойней, народ благонравней... Пасмотрика, – вдруг вскрикивает он, снова сбиваясь с темы намечавшегося разговора.

Но юноша то ли по натуре слишком сдержан, то ли слов знает, куда гнет старик: не задает вопросов, не проявляет интереса к сказанному, только кивает головой, поигрывая стеблем курая.

– Посмотри-ка! – опять вскрикивает старый учитель, раздраженно тыча пальцем в сторону резвящихся детей. Голос

звучит резче и злей, чем в первый раз. Со стороны непонятно, на что он злится: на играбщих детей или на тупость собеседника, не умеющего ценить сказанного.

– Нет, ты смотри! – говорит он уже спокойней. – Отчего еще такое может быть, если не от сытости и беззаботности? Раньше люди делали глупости по пьянке, а теперь безделья. Разве эти сорванцы не понимают, что помогают собирать урожай, которым страна будет кормиться весь год? Разумеется, понимают! Да что там они... Взять хотя бы нас: зачем мы здесь сидим, как два сыча на кладбище?

На этот раз старый учитель заставил-таки юного коллегу поднять голову, склонившуюся было к самой траве. Честно говоря, юноша даже растерялся, потому что до сих пор слушал из вежливости или делал вид, будто слушает. На самом деле его мысли были о молоденькой жене и грудом ребенке, оставленных в областном центре.

Мечтательная улыбка мгновенно слетела с юного лица, оно приняло глубокомысленный вид, будто в голове шла серьезная аналитическая работа над сказанным. И он вяло произнес:

– Есеке, что в этом страшного, ведь это солома?!

Лицо Есеке еще больше багровеет: «В таком возрасте у них уже ледяное сердце и пустая душа» – думает он зло о современной молодежи.

– Ну и пусть солома, – говорит чуть заикаясь, – это не значит, что ее можно разбрасывать... Попробуй-ка объясни это

бригадиру... Ведь он как-то перед уполномоченным из райкома ругал нас за то, что вернулись с работы на десять минут раньше. Этот недоделанный начальник упрекал учителей в том, что они недисциплинированы... Попробуй определи, к чему он придерется на этот раз. У него хватит наглости отправить нас двоих к уполномоченному.

Дорогой мой, для учителей наступили тяжелые дни, – успокаиваясь, вздыхает Есеке: – На что нам надеяться в жизни, если даже захудалый бригадир распоряжается нами как хочет. А попробуй пожаловаться?! Любой начальник горой будет стоять за своего, потому что всем нужно одно – план!

Будто назло старшему молодой человек никак не реагирует на его слова. Есеке это очень не по душ. «О, боже, – думает он, злясь еще больше, —одарил меня добросовестным слушателем». Злится он и на директора школы, подарившего ему в напарники этого молчаливого юнца и отправившего старика с учениками к черту на кулички. При этом директор сыпал похвалой и лестью: «Тарторгай – самый далекий и ответственный совхоз, – говорил. – Туда надо послать опытного кадрового учителя, такого как Есеке, кто понимает что к чему. Не простое дело уследить за гурьбой детворы, организовать работу...».

Есеке вспомнил слова директора. «Ну и пройдоха!» – подумал, вздохнув. Ни с того ни с сего ему вдруг стало душно, и капли пота выступили на лбу.

– Работа учителя вся на нервах, будь она проклята, – бур-

чит он себе под нос, достает огромный носовой платок, вытирает красный затылок, затем, не спеша, остальные части лица. Но характер и привычки не дают ему сидеть спокойно. Стоит помолчать минуту и страшная скука сжимает сердце. Он поворачивается к спутнику и, убедившись, что рядом какой ни есть, но живой человек, а не огородное пугало, благодарит бога уже за это и снова говорит:

– Вы молоды, дорогой мой, – опять начинает издалека. – Все мы были когда-то молодыми. Но у каждого поколения свое предназначение... Вот вы смотрите на нас, стариков, и вам-всегда кажется, мы всегда были такими. Но представьте себе, что не так: мы многое пережили и многое увидели, прежде чем состариться. Мы помним лучшие времена. – Есеке вздыхает о чем-то. – Когда-то и народ был благонравней, и начальство добрей... – лицо Есеке смягчается, на нем появляются полуулыбка, показывая, что и этот человек способен смеяться и по-настоящему радоваться: – Кстати, о бастыках, с покойным председателем Досакпаям я не раз за одним столом сиживал... Земля ему пухом. То был настоящий старобрядный казах, не терявший ни при каких обстоятельствах ни присутствия духа, ни достоинства, ни вкуса к жизни... Что настоящие бастыки?! Разоряются из-за всякого пустяка. А благословенный Досакпай был щедр, как джайляу, для всех, кого считал за своих близких людей.

Помнится, бегу я в школу с тетрадами под мышкой, а он стоит перед конторой, улыбается, приветствует меня: «Есе-

ке, как ты твои дела? Надеюсь, идешь на выпас целым и здоровым?!».

Как ни лениво осеннее солнце, но к этому времени и оно сползло порядочно к горизонту, уже не слепило как в полдень, а добродушно сияло, как некогда лоснящееся лицо покойного председателя Досакпая. Шумела детвора в поле, которому нет и конца, ни края, и куда ни глянь – везде только оно. Но Есеке уже ничего не отвлекает от воспоминаний, ничто не раздражает, невидящими глазами, или, вернее, глазами, устремленными в себя, старик завелся, и его рассказу не будет конца.

– ...Была первая послевоенная весна. Из конторы в школу прибежал человек и сказал, что Досеке зовет меня. Кто же может медлить, если зовет сам председатель?! Я тут же отпустил детей по домам и пулей помчался в контору.

Досеке сидел за своим огромным столом, и лицо его было задумчивым. Это было удивительное лицо: оно всегда было таким, какого было отношение председателя к собеседнику. Едва завидев меня, Досеке заулыбался. После взаимного приветствия сказал: «Не хочешь ли, юноша, на время стать моим телохранителем и секретарем? Поедем в одно место, до утра, там и у тебя будет возможность поразвлекаться».

Какие были мои годы, чтобы задумываться над подобными предложениями. Я тут же согласился, – голос старого учителя зазвучал громче и торжественней. Кажется, старик распалился воспоминаниями. Видимо, он говорил о самом

важном и значительном в прожитой жизни.

– В сумерках на легкой председательской кошевке, запряженной парой сытых коней, мы выехали за село. Был март, похрустывала корочка подтаявшего было за день снега. К вечеру приморозило. Но Досеке не обращал внимания ни на холод, ни на тьму, поглядывал на звездное небо, что-то тихо напевал. Мне тоже хотелось неть, но это было бы невежливо по отношению к старшему, и я погонял кнутом лошадей, застоявшихся в конюшне, откормленных сухим овсом. Прыдали они ушами, чуть не отрываясь от земли, как пушинку несли легкую кошевку.

Вижу, Досеке не против, что я погоняю коней. Лишь пробурчал тихо, словно по голове погладил: «Поосторожней, юноша!». Вскоре мы были в городе. Правлю я улочками и переулками, куда укажет председатель. Вот он сделал знак, и я остановил упряжку, выскочил из кошевки, постучал в тяжелые ворота. Где-то во дворе залаяла собака, скрипнула дверь, пес затих. Женский голос настороженно спросил, кто стучит. Досеке крикнул на вопрос хозяйки, ворота мигом распахнулись, и мы въехали в просторный двор. Встретившая нас женщина заперла ворота и молча повела нас в дом.

Только-только закончилась война. Кругом разруха, голод, нищета. Но беда будто и не коснулась дома, в который мы вошли: стены увешаны коврами, на полу мягкие паласы, кошмы с орнаментом, посреди комнаты накрыт дастархан, будто нас здесь поджидали или в этом доме стол всегда готов

к приему гостей.

Не успел я осмотреться, как – уже внесли кипящий самовар. В тот же миг, блестя глазами как фурия, из соседней комнаты выскочила молоденькая женщина, она была одета еще красивей, чем встретившая нас, и тут же начала кокетничать, бросать завлекающие взгляды, как кошка напрашиваясь, чтобы ее погладили.

Я сидел, раскрыв рот. Но Досеке ничуть не растерялся: приподнялся с подушек и сказал улыбаясь:

– А, Катшажан, здравствуй!

Катша, непринужденно как артистка, легла рядом с председателем, шаловливо зашептала ему на ухо:

– Досеке, вы заставляете нас ждать, это никак не вяжется с вашими прежними привычками?! – и выговорто у этой бестии был какой-то особый – лопочет, как избалованный ребенок...

В сущности я – простой казах, родившийся и выросший в степи. И хотя меня, конечно же, радовали и убранство комнат и непринужденные манеры женщин, но некоторое время смущало шаловливое нахальство маленькой женщины в присутствии мужчин. Они с председателем, кажется, меня и за мужчину не принимали – жались друг к дружке, обнимались, смеялись, были заняты только собой.

Я выпил водки – полегчало, стал привыкать и к дому и к застолю. Но возня этих двоих раздражала. Я стал поглядывать на ту, что впустила нас в дом. Она же будто и не чув-

ствовала моих взглядов – красиво и спокойно разливала чай по пиалам, подливала водку в рюмки. Это была молодая красивая смуглянка. Наконец наши глаза встретились. Она улыбнулась, и у меня даже дух перехватило: я вдруг понял, что могу без слов сесть ближе и обнять ее...

Да, это была ночь, которую невозможно забыть, пока живешь на белом свете. Мы веселились и развлекались, пока не заалел восток, а потом отправились в свой аул. ...Бастыки тех времен кроме законных жен имели по несколько наложниц, с которыми умели развлечься и отдохнуть от забот...

Вот так-то, мой милый! И у нас была молодость. Мы повидали такое, что и не снилось современным начальникам. Куда им?! Чуть жена прикрикнет, у них уже колени трясутся. Это только с виду они такие важные, смелые. Присмотришься, баба бабой...

Рассерженный мягкотелостью нынешнего начальства Есеке снова раздраженно нахмурился. Некоторое время он сидит молча, задумавшись о былом, пережитом, будто оплакивает улетевшие веселые деньки. Затем опять подает голос.

– И у учителя был другой авторитет. В какой дом не зайдешь, для хозяев – уважение. Сразу тебя на почетное место усадят, а уж ученики... Те, едва завидев учителя, бросались врассыпную наутек, на глаза боялись попасться. И это благонравие, этот порядок – все благодаря дисциплине, только ей одной...

Есеке с неприязнью посматривает на непутевых своих

учеников, шалящих и хохочущих в поле, косится на своего недоразвитого молодого коллегу, представителя нового поколения. Тот сидит понуро, будто уши водой залиты, не переспросит, не поспорит, не удивится.

– Да, пока вы молоды, – снова говорит он, цедя слова сквозь зубы. – Мы тоже были молодыми. Но то были иные времена: спокойные и народ был благоденственней.

День учителя

В учительской всегда сумрачно. Эта комната с окнами на север чем-то похожа на затравленного жизнью старика: всегда хмурого, всегда чем-то недовольного. В школе поработала комиссия из РайОНО и вот теперь ее представители поочередно говорят об итогах проверки. Учителя слушают старших товарищей как провинившиеся первоклашки, кроме того, они вынуждены делать вид, что принимают критику в свой адрес не только покорно, но с восторгом и даже с благодарностью.

Похвалу слушать приятней. Кто ее не любит?! И артисты, и художники, и писатели, и академики чаще всего не прочь послушать, что хорошего думают о них окружающие. Учителя – тоже простые смертные, и каждый в глубине души ждет хороших слов о своем нелегком деле. Одним из таких был Дуримжан Енсепбаев – ветеран школы, учитель языка и литературы. Обычно на его усталом худосочном лице можно прочесть уважение к своей профессии и заметить признаки скрытой болезни. Но сегодня он выглядел слегка растерянным: беспричинно ерзал на месте, хрустел суставами тонких выразительных пальцев – что-то очень беспокоило его.

Пусть читатель не торопится составить мнение об этом человеке по знакомому стереотипу. Дуримжан действительно был очень образованным и опытным учителем. За десятиле-

тия его работы в школе бывали инспектора из области и даже из Министерства просвещения. Таково уж их назначение: кроме хорошего выявлять и недостатки, без которых сельская школа не мыслится даже в масштабах района. И все же проверяющие, как правило, не забывали отметить высокую теоретическую подготовку Енсепбаева при сопутствующих ей небольших методических упущениях.

Замечания такого порядка даже нравились Дуримжану. Про себя он думал, что методические указания – дело несерьезное, придуманное оторванными от жизни чиновниками только того, чтобы создавать видимость работы. А единственная непереходящая ценность в обучении – глубокие знания учителя.

Но вот, случилось так, что последнему проверяющему из РайОНО именно это и не понравилось. Он сразу же с неприязнью заметил, что Дуримжан, увлекаясь теоретизированием, отвлекается от основного материала. Проверяющий был молод, и потому учитель не стал резко возражать, а приготовился было вежливо объяснить свою точку зрения на эту проблему. Но инспектор, надменно оттопырив губу, не соизволил даже выслушать его.

В обычной жизни Дуримжан Енсепбаев был очень тихим и скромным человеком. С таким характером обычно имеют уважение, но не авторитет, предполагающий некоторую напористость. Такое уж мнение и сложилось в глазах руководства школы: он – один из самых-самых... Уважаемых...

Образованных... Добрых... Но... но, не смотри на это, Ду-
римжан был не настолько терпелив к беззаконию и достаточ-
но непокладист, когда дело касалось его убеждений. А по-
тому, уязвленный отношением инспектора, он заупряился,
как говорится, закусил удила и делал все по-своему. Инспек-
тор это, разумеется, заметил и перестал разговаривать со ста-
рым учителем: заходил на уроки, что-то записывал и уходил
с таким видом, будто Дуримжана не было в классе.

И вот, слушая нудные рассуждения проверяющих, Енсепп-
баев внутренне сжался, будто проглотил отраву: чувствовал,
что основной удар нацелен в него. Сидел, волнуясь, ждал.
Дошла очередь и до его проверяющего. «Лишь бы выложил
побыстрее все, что накопал». Но проверяющий и не думал
торопиться, будто смаковал удовольствие расправы: налил
воды из графина, выпил, некоторое время постоял молча,
собираясь с мыслями. Со стороны можно было подумать, что
он вышел на трибуну только для того, чтобы утолить жажду.

«Ну, наконец-то, заговорил». Как назло, он начал с тетра-
дей.

– ...Тетради по казахскому языку систематически не про-
веряются. В восьмом классе в течение трех недель нет ни
одной красной пометки... Очень странно выглядит работа
учителя Енсеппбаева, получающего немалое государственное
жалование... Руководители школы идут на поводке и не кон-
тролируют...

У коллектива школы было другое мнение о своем учителе,

все его знали как человека очень добросовестного, примерного семьянина, члена комиссия по воспитанию подростков при парторганизации совхоза, активиста профсоюза. К тому же все знали о его удивительной скромности. Шутили: он может позволить снять с себя последнюю рубашку, но никогда не попросит что-нибудь взамен. Поэтому, услышав разглашательства проверяющего, все оторопели, не веря ушам. Сам же Дуримжан от стыда готов был сквозь землю провалиться. Прислушиваясь, в глубине души не мог не удивляться словоблудию выступавшего и только шептал сквозь сжатые зубы: «Ну и трепло!».

– Оставим вопрос о тетрадах, перейдем к методике проведения уроков...

– Перейди, дорогой, перейди, если уж так силен! – пробормотал Дуримжан, прислушиваясь, потому что был уверен, уж его-то уроки проходят прекрасно. За диктант, написанный его учениками, больше половины класса получили оценки «хорошо» и «отлично», двоек вообще не было. Контролировал проверку диктанта сам инспектор.

– Да, в основном уроки проходят неплохо, – сказал он с равнодушным видом. – И сам учитель, кажется, имеет некоторую теоретическую базу. Но его увлечение теоретизированием оборачивается против него же своей нелучшей стороной. К примеру, проходят в классе стихотворение нашего классика, где он призывает молодежь к занятиям и науке. Какая чудная тема, товарищи. Может ли быть тема зна-

чимей, чем призыв к учебе, к светлому будущему человечества. Но верно ли понимает эту тему наш уважаемый учитель? Сомневаюсь... Он начал говорить о каких-то видах лирики, о ее социальном характере. Разговор о науке и искусстве необходим, но...

Здесь Енсепабаеву стало совсем невтерпеж. Потеряв контроль над собой, он очутился на ногах и выкрикнул:

– Пример, товарищ проверяющий, пример, – сказал дрожащим голосом. – По-вашему, статьи Белинского о лирике, ставшие классикой, уже ничего не значат? Или его определения задевают вашу честь? – Здесь учитель поперхнулся, совсем перестав владеть собой: – Я знал, что вы так поступите... Чувствовал... Вы... вы...

И без того притихшие учителя застыли с каменными лицами. Инспектор даже рот открыл, будто никогда и не помышлял, что со стороны учителя можно получить отпор. С побагровевшим полным лицом он растерянно обернулся к директору, ведущему собрание, Айткулу Назаровичу. И тот сразу понял состояние инспектора.

– Енсепабаев, сядьте! Коли на то пошло, эти слова говорятся для вашей же пользы... Садитесь! – властно повторил он, бросив испепеляющий взгляд на учителя, посмеявшего нарушить ход заседания.

Последнее «Садитесь!» прозвучало непривычно резко. Такого тона от директора еще не слышали. Учитель посерел и бессильно плюхнулся на свое место. Он съежился и опу-

стил голову, терзаемый разными противоречивыми мыслями. Когда он поднял ее, на трибуну поднимался уже директор школы.

Кто-то, а этот за словом в карман не полезет. И посыпались они из него, как горох из мешка. Хотя Енсепабаеву было не до него, он по выражению лица догадывался о смысле сказанного. Директор как человек образованный и объективный, прекрасно понимал беспочвенность всей критики в адрес школы, но по давней сложившейся традиции подчеркнул, что проверяющие явились сюда очень даже кстати, что он очень рад этому, поскольку ценные и деловые советы товарищей из районного отдела народного образования безусловно окажут свое влияние на работу школы, а это, в свою очередь, даст соответствующие плоды.

Эти словесные конструкции были много раз слышаны всеми присутствующими. Их уши давно не воспринимали шаблонные фразы и мысли. Но не смотря на это, заключительное слово директора показалось присутствующим дельным.

Наконец-то заседание закончилось. И оживленные учителя торопливо направились к выходу. За ними, еле волоча ноги, вышел в коридор поникший Дуримжан. Выходя из учительской, он механически прихватил журнал шестого «б». Учитель и до этого чувствовал себя не вполне здоровым, а тут и озноб, и покалывание в области сердца, и стук в висках, – устал, пожалуй, или простыл.

Едва вышли инспектора, и в учительской не осталось ни

души. На вешалке сиротливо висело демисезонное пальто Енселбаева и старая шапка с истертыми краями. Дуримжан вернулся, положил на место классный журнал и начал одеваться. В это время в опустевшей учительской послышались приближающиеся шаги. По уверенной поступи нетрудно было угадать, кто вернулся.

Дуримжан уже оделся, вышел в коридор, и они встретились.

– А, вы, оказывается, еще здесь? – сказал директор, невольно приостанавливаясь.

Учитель мрачно пробурчал под нос:

– Да, все еще...

Директор все понимал. Что ни говори. Дуримжан вроде бы тоже прав, но... Ведь каждый должен знать свое место.

– Все-таки вы неправильно поступили, – сказал директор, не зная как разрядить неловкое положение.

– О чем вы?

– О том же. Надо было промолчать и оставить этого проверяющего в покое. Кто молчит, тот всегда прав и от беды держится в стороне.

– Как так? Простите, дорогой мой! – учитель вздрогнул, будто его укололи иглой, и выпрямился: – Никак не могу понять вашего отношения ко всему этому.

Будучи умным и предусмотрительным человеком, Айткул Назарович в глубине души искренне удивился этим словам: «взрослый человек, а не понимает элементарных вещей».

– Ну, что ж, тогда попробуйте настаивать на своем, – сказал он усмехнувшись. – Давайте, боритесь за правое дело, спорьте со мной, спорьте со своими тетрадями, в которых за три недели не было сделано ни одной пометки красными чернилами.

Едва директор упомянул о тетрадях, старый учитель покраснел как ребенок:

– Айтеке! Вы прекрасно знаете, они не проверялись, потому что я две недели пролежал в больнице.

Директор чему-то улыбнулся одними глазами:

– Все это так, Диреке, – сказал, смягчив немного голос. – Но факт есть факт. Неужели вы еще не поняли, кто ваш проверяющий? Он председатель районной аттестационной комиссии... Пред-се-да-тель! Теперь поняли? Это не какой-нибудь районный инспекторишка, как вам показалось.

Как ни был недогадлив Енсепбаев, но на этот раз он, кажется, кое-что понял? Голова его пустилась еще ниже, он еще больше сник.

– Я вас знаю, хорошо знаю. Вы справедливый, образованный человек, что вам за дело до всяких чиновничьих передряг?! – сказал директор, принимая сочувственный вид. – После этой аттестации я хотел дать вам единственную ставку учителя—методиста, – которую выделили нашей школе. А теперь видите, что получается?..

Со стороны могло показаться, что директор даже жалеет своего подчиненного. В действительности все было не так.

В душе Айткул Назарович не то чтобы злорадствовал, но был доволен, что все стало на свои места, и теперь есть повод новую ставку дать другому, менее достойному по понятиям коллектива. Директору повезло: он без проблем сбывал с рук этого недотепу. Старый учитель таких сложностей понять, конечно же, не мог, хотя проработал в школе несколько десятков лет. «Наверно, в самом деле я поступил недостойно, – обескураженно подумал он. – Сорвался перед комиссией, подвел директора...».

Возвращался домой по темной улице. Голова его была по-прежнему опущена, настроение подавленное. Под ногами чавкала слякоть. Судя по вечерней прохладе, по пронизывающему ветру, до морозов оставалось несколько дней. Дуримжан то и дело спотыкался, скользил, однажды чуть не упал и испачкал полу пальто в грязи. «Будь вы прокляты!» – выругался огорченно. Не понятно, кому это он: то ли в адрес слякоти и тьмы, то ли в адрес проверяющих, доставивших столько неприятностей. Он старался не думать об этом глупом заседании, но ничего не получалось: самодовольная лоснящаяся физиономия инспектора навязчиво стояла перед глазами.

«Будто я хуже других знаю, что такое лирика и как ее преподают в школе?!» – ворчал учитель. Еще лет пять назад в республиканской газете была напечатана его статья о методике изучения лирических произведений в старших классах. «Наверняка у этого критика ни одной статейки за ду-

шой, один гонор», – думал он, все еще злясь на трудный день, на скользкий путь во тьме.

С другой стороны, действительно, сам виноват: «не оспаривай глупца». Угораздило снизойти до этого... А ведь мог получить ставку методиста, прибавку к жалованию. Как об этом не думать, когда дома целая орава живет на его учительский заработок. Когда-то жена неплохо зарабатывала на стройке, но уже давно ей пришлось оставить работу и стать домохозяйкой. Ее руками и хлопотами держится большая семья. Старшая дочь поступила в техникум. Приходится каждый месяц выкраивать и отправлять ей в город двадцать-тридцать рублей.

Дуримжан наконец-то вошел в дом и заметил, что у семьи странное приподнятое настроение. Сверкает помытый пол, с кухни доносятся праздничные запахи. Весело кричит дочь семиклассница:

– Мама, я уже раскатала тесто. Как его порезать: квадратиками или уголками?

Малыши носились по комнатам с такими лицами, будто получили подарки. «Неужели в доме гости?» – подумал учитель, снимая ботинки. Хотелось побыть одному. Повесив одежду, он прошел в комнату. Кажется, никого нет. Наверно, домочадцы решили сегодня побаловать себя, иногда такое бывает в их семье.

Все еще мучимый навязчивыми мыслями Дуримжан присел на краешек дивана. В висках стучало, в затылке тупая

боль.

– Что случилось? Опять нездоровиться? Вид у тебя неважнецкий, – сказала жена Хадиша, заглянув в гостиную по своим делам.

– Просто... Голова кружится, – вяло улыбнулся он, стараясь не испортить радостного настроения в семье.

– Прими лекарство!

– Пожалуй, приму!

Один из младших сыновей тут же принес его. Через минуту в двери показалась стриженная голова общего любимца, пятилетнего Марата. Он упрямылся и не хотел переступить порог, пока один из старших не подтолкнул его сзади. Мальчик держал в руках что-то завернутое в бумагу, часто оглядывался.

– Иди же! Иди! – подбадривали сзади.

– Эй, что вы секретничаете с моим сыном, сказал Дуримжан улыбаясь: – Марат, Маратжанчик, иди ко мне.

Но ребенок растерянно топтался на месте, будто впервые увидел отца, что-то прятал за спиной и пятился назад.

Тут Хадиша не сдержалась, прыснула от смеха, и, забрав из-за спины сына сверток, протянула его мужу.

– Это от детей к твоему праднику, – сказала улыбаясь. – А мы-то понадеялись на Марата: поручили ему поздравить тебя и вручить подарок.

– Что за праздник? – искренне удивился Дуримжан и развернул сверток с белой сорочкой в целлофановом пакете. Он

даже задумался на миг, вспоминая что-то.

– Оу, Хадиша, ради чего вы потратили деньги, разве у меня не хватает рубах?

Хадиша удивленно посмотрела на мужа.

– Совсем забыл, когда твой прадник? Ведь завтра день учителя!

– Да?! Вот так раз...

И, словно догадавшись о причинах рассеянности мужа, на свой лад понимая его легкое смущение, добавила улыбаясь:

– Носи на здоровье! Ничего, не голодаем. Это слишком маленький подарок для тебя.

Дуримжан вдруг начисто забыл все неурядицы последних дней, почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

– Спасибо... Спасибо... Спасибо! – повторял он, лаская глазами детей и жену, рано начавшую стареть в заботах о доме. «Забавно! – подумал, повеселев, когда остался один в комнате, чтобы отдохнуть перед праздничным ужином: – Завтра у них прадник!» почему-то мысль эта предназначалась проверяющим РайОНО и директору.

Было время, учителей в этот день не оставляли без внимания: профсоюз готовил подарки, директор – поздравительную речь. Сами по себе подарки – пустяк: одекалон, зеркальце, расчески в целлофановых мешочках – ведь денег у школы вечно не хватает, а учителей много. Но все это вручалось

весело и непринужденно. Иногда они сбрасывались по пять, а то и по десять рублей, устраивали вечеринку у кого-нибудь в доме: собирались за дастарханом, угощались куырдаком, самсой, пили индийский чай со сливками, пропускали по рюмочке-другой и так проводили время. Женщины, чаще всего, не дотягивали до второго чая, разбегались по домам: их ждали семьи, вечерняя дойка, грудные дети и престарелые родственники. Мужская же половина засиживалась допоздна, а то и до утра – играли в карты. Дуримжан постоянно проигрывал и поэтому быстро терял интерес к картам, вместе с другими неазартными учителями следил за игрой или садился отдельным кругом за шахматы.

– Тебе телеграмма! – сказала Хадиша, мимоходом заглянув в комнату, протянула бланк. Дуримжан, счастливо улыбаясь, прочитал вслух:

«Ага, поздравляем Вас с праздником. От всего сердца желаем счастья и крепкого здоровья!».

Под текстом стояли имена трех бывших учеников.

Прочитав раза три подряд телеграмму, Дуримжан пробормотал: «Ау, айналайын, добрые мои ребята!» – аккуратно сложил бланк, сунул под подушку и закрыл глаза. Некоторое время в голове еще звучали теплые слова: «крепкого здоровья», «счастья», «от всего сердца»... Прошла минута, и он уже беззаботно дремал на старом мягком диванчике.

Семя

Ох, и крепко же огорчился старый Айдарбай.

Старший сын его Корганбек перед отъездом обещал:

– Вот устрою свою дела, тогда и накошу сена. Подумаешь, одна корова да дюжина коз! Через недельку обернусь обязательно.

А на самом же деле припелся из Алма-Аты ровно через два месяца.

Айдарбай вначале несколько не сомневался, что обещание старшой сдержит, и места себе не находил от радости. Ходил довольный и прикидывал: «Сено ребятки накосят, годы мои подошли, отдохну теперь от забот, хватит уже маяться. Пора старым косточком и на покой».

Но недолго тешился своей надеждой старик. Промчалась-пролетела неделя. Некоторые и сена накосили, и в сараи его выгрузила. А кто пошустрее да половчее, как Альдебай, умудрились понавезти по три-четыре машины сена и накидать в своих дворах огромные скирды.

Славный нынче камыш уродился в Тентексае. Высокий да дремучий. Старик хозяйским взглядом окидывал это добро, пожираемый нетерпением, и, потирая свои заскорузлые, шершавые ладони, успокаивал себя: «Наши ребятки тоже не лыком шиты, не подведут!». Но от горе-косаря ни слуху ни духу. Пробовал старик разузнать о нем от ребят, что

на каникулы с учебы приехали. Но они только плечами пожимали: «Дедусь, Алма-Ата-то большая»...

Теперь ждать старику стало невозможно, он от души и вволю выругался, словно сын его блудный сидел перед ним: «Надо же, тридцать скоро, а тяги к хозяйству никакой. И что в городе этом потерял, будь он неладен? Ну побыл денек-два, уладил дела и возвращайся – так нет же! Камыш проклятый весь уже пожух: глядишь и высохнет». Но что проку разоряться, вот вернулся, наконец сын. Мало того, что оставил старика в дураках, так сидит как ни в чем не бывало и глаза бесстыжие таращит. И дела ему нет до того, что опоздал, так еще недоволен чем-то:

– Отец, поговорил я там с начальником. Согласился в редакцию взять. Глядишь – и сынок твой непутевый в писатели выбьется, – говорит, а ноздри так и раздуваюся. Похоже, решил твердо и окончательно.

– Айдарбай нахмурился. Не думал, не гладал он, что все так обернется. Отец все еще выжидающе, с надеждой поглядывал на сына, еле-еле сдерживая свой гнев: «Что это он мелет?». Но того, видно, совсем не волновало, что родители на это скажут. Похоже, все решил сам и оставалось только согласиться.

Вены на висках старика вздулись синими змейками; так с ним бывало, когда он страшно сердился. Его загнутый орлиный нос еще более заострился, торчавшие ежиком над верхней губой жиденькие усы ошетинились. Но он сдержал-

ся, видимо, понял; чему быть – того не миновать. Поэтому молча проглотил обиду и примирительно сказал:

– Не торопись, сынок, подумай. Дай отдых спине, голове, а там посмотрим. А город твой никуда не денется. Вот по-толкуем с родней и решим.

Но сын упрямо стоял на своем:

– Да что ты, отец! Я у начальника еле как на два-три дня отпросился. Работа же не ждет. А отпустил, потому что отказать неудобно было, но сказал, чтобы я мигом туда и обратно. Нехорошо получается, обещал все-таки.

Зол был на сына Айдарбай, а тут взъярился не на шутку.

– Крылышки, значит, расправил. Вижу, шибко грамотным стал. А кто тебя эти пятнадцать лет кормил, пока ты учился! Мочи моей нету терпеть твои выкрутасы, пес паршивый! Коли так – вон с глаз моих!.. И чтоб ноги твоей здесь больше не было! Уходи! Уходи отсюда!.. – и схватился за тросточку, прислоненную в углу у порога. – Ишь, начальник ему не позволяет! Оказывается, начальник ближе отца родного?!

Совсем взбеленился старик. Забежал в гостиную и стал вышвыривать прямо на пол вещи невестки и сына. Глаза были выпучены. Козлиная борода подрагивала, как в лихорадке, лицо исказила безумная ярость. Сын, видимо, уразумел, что хватил через край, и, пытаясь утихомирить его, растерянно забормотал:

– Отец прости! Ну, прости же!.. – на что старик измерил его лишь презрительным взглядом.

– Ата, ата родненький!.. Не уедем мы никуда! Корганбеку надо, пусть и уезжает, – запищала и невестка, схватив свекра за рукав, но он только глянул, сверкнув раскосыми глазами.

Покончив с «ревизией» имущества сына и невестки, старик поумерил было свой гнев, но как на беду увидел старуху, причитавшую в передней комнате, и снова распалился. Нет чтобы ей пристыдить своего сына-баламута, так нет, она все его слова втоптала в грязь:

– Совсем свихнулся этот выживший из ума! На старости лет перед людьми на посмешище себя выставляет...

Ну и разошелся же вновь буйный старик!..

Обычно стоило ему рассердиться на что-то, так весь свой гнев вымещал на старухе. И на этот раз старик не изменил своей привычке. Готовый лопнуть от обиды и ярости, с бранью набросился он на безвинную старуху.

– Ах, ты, старая карга! Верно, Бога позабыла. Покажу я тебе его сейчас! – крикнул он и что есть силы запустил в нее плоским медным подносом для самовара. Но, к счастью, поднос со свистом пролетел мимо и угодил в стойку сарая и, упав на землю, громыхая, прокатился по кругу. У пугливой старухи душа в пятки ушла, и она со всех ног припустила к соседям. Разъярившийся старик, не найдя ничего подходящего для метания, понурил голову и долго еще растерянно топтался на месте...

И в самый полдень звенящего июльского зноя, невестка и сын Айдарбая, навьючив на себя пару чемоданов и дюжину

узелков, поплелись к шоссе, ведущему в райцентр. Корганбек характером был под стать отцу: такой же упрямый, своевольный и вспыльчивый. Тогда и пополз слушок по аулу, да по всем двороам, что, мол, он, оскорбившись на своего родителя, сказал в сердцах:

– Если и приеду сюда когда-нибудь, так только на его похороны! – и все охотно поверили в это, и, покачивая головами, говорили друг другу:

– Верно, от него можно ожидать...

С тех пор прошло три-четыре года. Но так и не помирились отец и сын. Хотя сын не успокаивался: «Все же я младше, щенок перед ним». И старик мучился: «Пора забыть обиду, все же сын он мне».

Но нашелся посредник-примиритель. Это была невестка. Та самая, чего греха таить, что так не понравилась когда-то Айдарбаю. Тогда еще, поглядывая на ее выщипанные брови и стриженные волосы, он тяжело сокрушался про себя: «Да, не помощница она старухе». И о чем только нынешние дети думают – непонятно: непутевый сынок и тогда застал стариков врасплох...

Случилось это так: откуда ни возмись, неожиданно-негаданно где-то под утро, к дому с шумом и грохотом, будто нечистая следом гналась, подъехала машина. Прямо в ворота уткнулась капотом, как собака носом к косточке. Еще чуть-чуть и всю ограду бы протаранил. С перепугу старики словно ошпаренные выбежали во двор. Из кабины выпрыгнули

трое или четверо парней и девчат, столько же стояло в кузове, вытянув шеи, словно птенчики из гнездышка. Шум-гам стоял невообразимый, светопреставление да и только. Особенно больше всех усердствовал один из них, только и слышен был его голос. Это оказался не кто иной, как их собственный сын-пустобрех. Пока старики в недоумении тарасили глаза, разинув рты, он подбежал к ним и разом выпал.

– Отец, мать! Вот ваша невестка! – и не успели они даже переглянуться между собой, как тот силком подтащил к ним птичьеголовое существо с коротко подстриженными, как у мальчишки, волосами: так только гриву и хвост кобыле корнают. Похоже, стесняется, все отбрыкивается, ровно не объезженный строптивый скакун с норовом.

Сколько живет на свете Айдарбай, но, чтобы собственный сын невестску со свекром знакомил, видит впервые. Мало того, стоит и скалится в довольной ухмылке. Ни стыда, ни совести!..

Невестка, видать, того же поля ягодка:

– Здравствуйте! – говорит и глаз с них не сводит, нет, чтобы взгляд в сторонку отвести.

Айдарбай, не ожидая такого непочтения к себе, повернулся и пошел назад. Кажется, и он непроизвольно шевельнул губами в ответ что-то неразборчивое, да и то не из вежливости, а скорее всего из-за внезапной растерянности. А эта его пустоголовая старуха возьми да и ляпни в ответ:

– Здравствуем, светик, здравствуем... – и так рьяно облобызала голоное создание, что у той сухого места на лице не осталось.

– Душенька, солнышко, светик мой!.. – завелась старуха, задыхаясь от полноты чувств, будто век ее знала.

Рассерженный Айдарбай не заметил, как, сам того не ведая, невольно ухмыльнулся. «Ох, несчастная, а ей-то чего?». Кому какое дело до ее здоровья. Ну и рассмешила же кикимора старая!» – без всякой желчи и злобы усмехнулся он про себя.

Хотя на душе проклятой не было особой радости, ничего не пожалел для свадьбы. Устроил той как подобает по обычаю, удовлетворив самых взыскательных гостей. Все, что он успел скопить за столько лет, собирая по ложечке, выплескивал в тот день ковшами. По-разному восприняли родственники такую чрезмерную щедрость – всяк по-своему толковал ее. Все это было подвергнуто широчайшему обсуждению и вызвало множество очень неожиданных и противоречивых догадок. Так щедро разбрасываться деньгами и разбазаривать имущество мог только богач. Кто-кто, а Айдарбай никогда им не был. Вот это и не понравилось самым завистливым. Такие недовольно трепали языком: ««Ишь, как разошелся! Прославиться захотелось. Напрасно тужится – не за тот гуж взялся. Вот примчатся завтра целой сворой, с приданным да с тряпками сваты, тогда и поглядим, как этот красноглазый выкручиваться будет», – и принялись выискивать грязь

под ногтями. А доброжелатели захлеб расхваливали соседа: «Молодец, старик. Как-никак первая настоящая радость. Правильно, уважил народ. Да воздаст ему Бог за все это...».

Айдарбай еще днем раньше прикнул, кто рот разинет, кто нос поморщит, а кто и брови нахмурит, поэтому ничего близко к сердцу не принимал и махнул рукой на пустые разговоры: «Пусть болтают. Что мне теперь, рты им позатыкать?».

Мало-помалу он привыкал и легче сносил чудные ужимки невестки, воспитанной отнюдь не по-аульски. Говаривали же: «Если время твое лисой плурует, то ты гончей ее нагоняй», может, и они хотят идти в ногу со своим временем, чтобы не отстать от своих, – так утешал он себя. И вправду, если не считать того, что она носила коротковатое платьице, волосы свои завивала, да так, что они походили на мохнатый борик из длинной выющейся козлиной шерсти, и вместо поклоня звонко отчеканивала: – «Здравствуйте!» – Айдарбаю невестка стала понемногу нравиться. Слова лишнего не скажет. Понятливая, смышленная, все вмиг исполнит с неизменным «сейчас ата». И рассердить, и обрадовать ее – раз плюнуть, но отходчива, быстро может разгорячиться и тут же успокоиться. Правда, ей еще сметки и сноровки не хватало в хозяйственных делах, но желанья и старания ей не занимать; куда ни пошлешь, чего ни поручишь – все исполнит.

Пораскинул своим умом Айдарбай и, похоже, понял: незачем ему брюзжать, ведь воспитана она не по старинке.

Со временем привыкая к ней, сходилса на том, что надо благодарить судьбу и за это, и думал про себя: «Нет того тулпара, чтоб без изъяна был – конь о четырех ногах и тот спотыкается. Не подобает мне, седому, придирааться к мелочам и нос во все дыры совать».

А теперь, когда непутевый сын бежал от него, чурась родного своего гнезда, как кулан, которому опротивело пить из своего гнезда, как кулан, которому опротивело пить из своего дождевого озера – гака, в нем оборвалась хрупкая, еле теплившаяся надежда. «Видно, в тягость ему кормить своих родителей». Вот чем объяснял себе Айдарбай поведение сына. Больше всего это и огорчало его.

И вдруг, в один прекрасный день пришло письмо от невестки. Его тайно прочитали старуха и младший сын – Тойбазар и ни слова не сказали о нем старику. В прошлый раз, когда Айдарбаю попало в руки такое письмо, он тотчас разорвал конверт и выбросил в печку. Старик догадывался и о втором, но на этот раз промолчал и прикинулся, что ничего и не подозревает. К таким уловкам он прибегал не раз. Когда к старухе забегала соседка посудачить да посплетничать, то Айдарбай садился, прислонившись к стене дома поближе к двери, ковырялся палкой в земле, как ни в чем не бывало, и спокойно подслушивал – хоть бы глазом моргнул. И частенько слышал про себя самое неожиданное...

...Судя по словам старухи, сын и сноха, по видимому живы-здоровы. Оба устроились на работу. Только, похоже, пока

угла своего не имеют. Сняли у какого-то старикашки одинокого две комнаты, да тот бирюк проклятый оказался не дурак выпить. И теперь Корганбек каждый вечер после работы ходит на пяточок, где сдают квартиры.

Когда сердобольная старуха рассказывала про это, из глаз ее в три ручья лились слезы.

– Касатик, ну чем мне помочь тебе! Сами же пустили тебя по миру, словно сиротинушку. Братик единственный – и тот еще молод, – причитала она и, не в состоянии говорить дальше, хлюпала носом и пальцами смахивала слезы.

Айдарбай, сидевший в тени, все это слышал и снова сам по себе вспылал, пролиная старуху: «Ох, эта выжившая из ума! Ишь ты как завелась-заголосила, и по ком, – по этому бесстыднику поганому. Так ему и надо, этому болвану!». Но это только на словах он разносил ее. Годы ведь не те, да и на что его силы сейчас сгодятся. На старости лет сдержанней стал, с тех пор как борода стала седеть, все реже буйствует, уже неловка по каждому поводу шум поднимать.

Вот поэтому отделялся все больше ворчанием.

Говаривали ведь умные люди когда то о том, что «человек и к своей дряхлости привыкает». Воистину так. Айдарбай мало-помалу смирился и с этим. К счастью, не одинок он. Бог с ним со старшим – ушел так ушел, зато у него младший сын есть – Тойбазар. Вот кто будет хозяином дома. Нынче окончил десятилетку. Слава богу, хоть этот без блажи и прихоти: не стал, как Корганбек, ерепениться «Поеду учиться,

поступать в институт» – и словом не обмолвился. Как говорится – «кто губы хоть раз обжег и тот уже знаток» – так и страик – заранее поговорил по душам с младшим, откровенно и без утайки:

– Ты теперь с этим учением-мучением голову мне не морочь. Неученые тоже без хлеба не сидят, на худой конец трактор водить будешь. Да и проку-то от учебы, вон брат твой старший ученый, а ходит по домам, в первую попавшуюся дверь стучится, как побитая собака... – вот так основательно он взялся просвещать и перевоспитывать свое чадо. И все пошло так, как он хотел. Тойбазар все лето сено косил, а к осени и на трактор сел. С детства он рос капризным и шаловливым малым, особой охоты к учебе не имел, может быть, поэтому, или же слова старика крепко запали ему в душу, словом, в то время, когда все суматошно собирались ехать на учебу, Тойбазар, покоровшись воле отца, остался в ауле.

Теперь с утра пораньше перед домом Айдарбая тархтел синий «Беларусь». Старик со старухой избавились от беготни с поллитровкой к каждому встречному и поперечному трактористу с просьбой то дрова выгрузить, то воды натаскать.

В прошлое воскресенье младший двух-трех дружков с собой прихватил да целую тележку саксаула привез и не какого-нибудь, а самого отборного, крупного, как валуны. А как мать обрадовалась, точно заново его родила. Ведь еще недав-

но сокрушенно вздыхала, сетуя на то, что хвороста ни щепки не осталось. И не одна мать, и старик чуть с ума от радости не сошел. Оба выбежали навстречу сыну – тот остановил трактор возле сарая и только-только слез, а они уже засуетились, и заголосили:

– Бог ты мой! Не проголодались? Еды-то хватило?

Тойбазар с видом смущенного человека, в ответ только посмеиваясь, пробормотал:

– Да не проголодались мы, апа!

Бедная мать места себе от радости не находила, приняв это за Бог весть какое знамение, и растроганная прошептала:

– Курносенький ты мой, глазастенький...

Пуще прежнего смутился Тойбазар, сам вспотел и румянец во всю щеку горит. Видимо, понял, что мать теперь просто так не отстанет от него, и сказал:

– Ту-ух, мама! Ну, хватит тебе... – в голосе его звучала нарочитая обида, и он деловито подошел к прицепу, чтобы отсоединить его от трактора.

Айдарбай своевременно понял, что любоваться уже лишне. Неуклюже взобравшись на борт тележки, великодушно заявил:

– Мать, довольно тебе! Ребят заведи домой. Разожги огонь и приготовь чего-нибудь. Видать, озябли они. А дрова я уж как-нибудь сам выгрузу!

Теперь все разговоры у старухи только о Тойбазаре. Стоит ей только встретиться со старушками подружками, что

на лавочке по вечерам собираются, как затягивает хвалебную песню про ненаглядное свое дитя, про каждый его шаг: «Наш Тойбазар сделал то, наш Тойбазар сделал это». Айдарбай тоже в душе благодарил Бога. Но не одобрял поведение старухи. Опасался, как бы у этого вертопраха голова кругом от легковесных слов не пошла. Вот недавно и бригадир похвалил его чересчур уж громко: «Аксакал, вот увидите, ваш сын скоро передовиком станет. План никогда ниже ста процентов не выполняет».

Айдарбай был на седьмом небе от счастья, но виду не подал, словно не придавая этому особого значения, сказал: «Ну и хорошо. Для себя же работает, да и что еще делать молодому человеку».

Теперь старик решил приготовить своему негоднику крепкие путы. И сразу же приступил к разведке: заходил в каждый дом, якобы по делам, и тайно выведывал, есть ли там девушка, которая бы осчастливила их дом. А вечером, за чаем, он намеками, оброненными как бы невзначай, обрабатывал своего сына, если сумел заметить такую, которая была ему по душе. Да и то не напрямик, а будто рассказывая старухе:

– Доч такого-то до того уважительная, скромная, не то что другие, да и платье на ней длинное.

Однако сын его негодный, то ли сразу почуяв, к чему клонит старик, прикидывался дурачком, то ли действительно ничего такого и близко у него в мыслях не было, в об-

щем, не проявлял к этим разговорам особого интереса, смотрел свой телевизор или же шуршал газетой. Да как назло и болтливая старуха, обычно не дающая и рта раскрыть, в такие подходящие моменты словно дара речи лишилась. Вот и приходится Айдарбаю откладывать в душе на лучшие времена свою сокровенную мечту: «А пропади оно пропадом, жив-здоров был бы мальчик, а это успеется еще». И седлал в грезах голубого коня своей надежды в счет будущих дней.

К старости человек оглядывается назад оттого, что радости прошедших дней близки его сердцу, и несмело всматривается вперед потому, что пока бьет в человеке неутолимая жажда жизни, он не теряет надежды на будущее. Айдарбай в этом уже убедился. Хоть и казалось вначале, что обида на старшего сына не забудется, но стоило ему вспомнить о старости, горизонт которой становился ближе и ближе, как затянувшаяся болячка старой размолвки начинала ныть и часто беспокоить его. Временами он сам того не замечая оказывался в плену невеселых чувств. В последнее время старший стал чаще сниться ему. Что ни говори, жить в размолвке с собственным чадом старому человеку отказывается нелегко.

«Повадки коня известны хозяину». Так и Айдарбаю характер сына знаком. Еще совсем крошкой негодник был страшно упрямым. Отец частенько беззлобно отшлепывал его как следует.

Как-то даже покойный Молыбай, увидев дерзкого шалу-

на, был весьма удивлен. Тогда он, Айдарбай, стеганул по заднице Корганбека восьмиплетной камчой, да так сильно, что мальчишка упал на землю, но даже не пикнул. Нет, чтобы как-то разжалобить родителя, так он, обиженный и злой, взял увесистый камень и что есть силы пульнул в отца. К счастью, только сшиб с головы борик. Случайно оказавшийся невольным свидетелем этой сцены растерянный старичок, сам не ведая того, схватился за ворот:

– Айдарбай-ай! Брось-ка ты камчу! Вот неверный, смотри-ка, сам с кулачок, а ишь какой отчаянный. Боюсь я: или он батыром храбрым станет, или же кровопийцей-разбойником – одно из двух. Тьфа-тьфа!.. – так и не слезая с коня, поспешил удалиться.

Сейчас, когда он вспоминает это, ему кажется, что слова рассеянного и неприметного, но уважаемого старика, похоже, сбываются. Хотя иногда милые капризы, которые вытворял его сын еще крохой, умиляли его, задевая трогательной теплотой отцовские чувства. Но то, что он исчез с глаз долой и ни разу не вспомнил о родителе, больно вынести. «Интересно, может, думает, что этим скосит меня. Так уж и даст будто себя повалить старик. Да я как старый дуб встану перед тобой, гниль трухлявая, – говорил он себе наедине, крепясь. – И с чего это он так, а?!...».

Взять к примеру точило – уж на что прочная штука и то стирается, крошится. Но это ведь камень, не человек...

Айдарбай в последнее время стал все сильнее ощущать,

что начинает терять всякое терпение. Наверное, все же придется смириться. Сын молод, полон сил, а ему уже пора подумывать о смерти. Да еще и эта старуха ревет да ревет, как недоенная верблюдица. Прямо заела, в ушах шумит.

А тем временем от невестки пришла телеграмма: «Получили квартиру, собираемся отпраздновать новоселье». И тут искавшие малейшего повода для поездки к сыну мать и младшей засуетились, заторопились. Шут с ней со старухой, а этому чего? Прямо заладил и не отстаёт:

– Коке, а что, если и я поеду с мамой? Интересно же, столица все-таки. Почему бы и нам по случаю не прогуляться...

Ну и пришлось волей-неволей дать согласие.

Но старуха не угомонлась и на этом: «Наверняка и там братья-родичи отыщутся, станут присматриваться да приглядываться, а мы с пустыми руками, как темные какие-то...» – и прихватила с собой мяса забитой на зиму кобылы, сливочного масла, взбитого из молока буренки; курта и иримшика, которые все лето варила-сушила, одним словом, собрали все имевшиеся в доме яства. Так эти важные особы, вместо того, чтобы вернуться, как обещали, через пять-шесть дней, соизволили еле-еле притащиться через две недели. Явились как ни в чем не бывало, похоже, что им и вовсе нет дела до бедного старика, что остался в ауле дом сторожить. Оба так и светятся от удовольствия. На старухе новенькое и иголки шерстяное пальто, на голове красуется белая шаль. На сыне костюм с модным воротником

и широкие брюки, да к тому же длиннющие – впору пыль дорожную подметать. Точь-в точь, как две капли воды, смахивают на исподние штаны из пестрого сатина, которые покойный Молдабай любил надевать летом. «Ладно, уж Бог с ним с пацаном-то, ветроген еще, падок до всякой чепухи. А вот что этой выжившей из ума на старости лет приспичило? Чего же она красоваться, словно девушка, вздумала?». Айдарбай взглянул на нее косо, но промолчал, однако старуха и внимания на это не обратила. Он и опомниться не успел, как она прямо с порога и застрочила-замолотила языком, рта раскрыть не дала:

– Ойбай, а какую квартиру Корганбекжан получил. Все что пожелаешь: хочешь – холодная, хочешь – горячая вода течет. Невестка и руки свои в саже не пачкает, чтобы печь разжечь. Включит газ – и еда готова. Прямо под домом – магазин. Бери чего хочешь! Даже тесто готовое продают. Старый, а старый, оказывается, ничего-то мы с тобой и не знаем, никуда не выезжали. Если есть деньги, то самое диво это Алма-Ата.

Сама аж помолодела-похорошела, так и захлебывается от удовольствия.

Айдарбай не стал перебивать ее. Выслушал до конца старуху и сказал с обидой и упреком:

– Ну, добились своего. Нравится – так езжай в свой рай. Мне и здесь хорошо.

Старуха искренне удивилась:

– Да что мы тебе плохого сделали, старый? Скоро и рта раскрыть не дашь, наверно.

В это время вмешался и младшой:

– Коке, недавно в издательстве книгу его выпустили. Мне дал одну почитать – интересная.

На слова «книгу выпустил» старик недоверчиво покосился:

– Ну и что он там пишет? Что это за книга?

– «Люди нашего аула»... Так и называется.

– Хмм. «Люди нашего аула»... – недовольно поморщился Айдарбай.

Тойбазар всерьез обиделся, что он, грамотный всетаки человек, не смог убедить темного старика.

– Да нет же! Редактор сам лично похвалил – «правдиво изобразил жизнь аула. Написана хорошим языком, интересная».

Старик не стал выяснять подробности.

– Кто знает, может, и интересная, – и постарался побыстрее замять на этом разговор.

Старуха намекнула, что из этой поездки она привезла искорку еще одной радостной вести. Айдарбай более всего ей и обрадовался. Стоило той сказать, что невестка, кажись, в положении, что к новому году разрешится, – как у него засосало под ложечкой и приятное тепло разлилось по всему телу: «Давно бы и сказала это, чем языком попусту молоть!». Все-таки это была долгожданная, самая заветная мечта Ай-

дарбая...

Последние два года он уже с сомнением поглядывал на невестку. А что ему было делать? Вон, Альдебаева невестка позже ее переступила порог мужниного дома, а уже двух-трех пострелят выкатила своим старикам в утеху. Айдарбай так рассуждал и сяк рассуждал и, наконец, выложил перед своей Богом данной, как на духу, свою догадку, не скрывая сомнений, тревоживших его.

Ну, узнала, что-нибудь? Невестушка-то наша что думает? А то слышал я, мода, говорят, такая ходит,... дите... ну, вытравляют, что ли?

Старуха тут же оскалилась на него:

– Да что ты чушь такую несешь? Даст Бог, будут и у нас внуки. Молодые еще, успеют...

Больше он насчет внука своего будущего вслух не заикался. Надежду свою теперь он тайно лелеял в душе и все чаще наедине с самим собой погружался в сладкие грезы и перед мысленным взором его возникало пухленькое личико младенца и явственно слышал он его запах, похожий на аромат иримшика, какой обычно исходит от ребенка...

И вот теперь это долгожданное «невестка в положении» всколыхнуло в нем стариковские чувства, подхватило и вынесло его радость на гребень волны неизмеримого восторга. На глаза невольно навернулись слезы, и старческое его тело пронизала щемящая сладостная дрожь. Он и не заметил, как вся ядовитая желчь размолвки и отчуждения, долгое время

сковывавшая, знобившая его, незаметно растаяла, как снег в оттепель.

Спустя некоторое время эта весть подтвердилась. Перед самым Новом годом пришло письмо из далекого города в маленький аул, затерянный в просторах степи. В нем и была эта весть-суюнши: «У вас родился внук!».

Теперь перед глазами старика неотвязно стоял смутный образ крохотного и незнакомого, но до боли родного младенца. И ложится, и встает с одной лишь мыслью о нем. Даже снится стал ему малыш. Айдарбай так не радовался даже появлению на свет своих собственных сыновей, как рождению внука. Одна лишь мечта – взять этого человечка, посадить перед собой, вдохнуть его запах прижать к сердцу. Однако все это кажется несбыточной мечтой.

Как попало письмо старухе, так она, бедная, не знала, куда деть себя, и собралась было тут же поехать, да не нашлось попутчика, который бы отвез ее. Тойбазар на работе, даже передохнуть некогда – рано уходит, поздно приходит. Таким образом, проблема эта оставалась нерешенной.

Прошло три месяца. От невестки снова пришло письмо. Вначале интересовалась житьем-бытьем да здоровьем старика-старухи, родных и близких. По всему видно, что знает теперь, что к чему и как, да и слова говорят сами за себя – повзрослела. Не как прежде, и язык понятнее стал, без всяких там чудных словечек. Айдарбай и этому обрадовался в душе. А в конце письма она написала: «Апа, внучок ваш беспокоит-

ный. Ну прямо непоседа какой-то. Думала оставить работу на год, да вот никак не получается. Начальник говорит: «Выходи на работу, а не то другую на твое место возьмем». Тутовато приходится.

Прочитав письмо, они расселись у медного самовара за вечерним чаем и долгое время молчали. Как мокрый кизяк, который трудно разжечь, так же трудно завязалась обычная застольная беседа. Каждый из них погрузился в свои мысли, неторопливо попивая чай. Только тогда, когда начали прибирать дастархан, Айдарбай, не в силах больше молчать, перевернул свою пиалку и дал волю своим чувствам:

– Ишь, грамотей выискался!.. Мальчонка, наверно, надывается, плачет, а он сидит себе да черкает... Щенок проклятый... Совсем уж невестку замучил. Ну, каким же ему еще быть, коль чрево, из которого он вылупился, такое.

Видимо, на этот раз ядовитый язык отчаянного старика задел, да крепко, надо думать, самое щекотливое место байбише, и смиренная, уступчивая старуха, обычно мимо ушей пропускавшая шальные слова своего супруга, на этот раз вдруг взяла да взъелась:

– Опять ты за свое, старый. Хоть бы постыдился об этом при сыне. Завелся: чрево да чрево. А сам-то! Где же ты был, куда смотрел, если такой хороший! Я его, что ли, по миру пустила? Не твоих ли рук это дело? Вспомни, как ты сам когда-то свекра покойного изводил. Вот и наказал тебя Бог! Он ведь сын твой. Кровь-то, поди, у вас одна!..

Сказанное слово резвее выпущенной стрелы. Сорвавшиеся со строптивного языка неосторожные слова задели Айдарбая за живое, и он, не зная, что сказать в ответ, разом осекся, притих и растерялся, как вор, пойманный с поличным. Да что там говорить, на этот раз старуха была права. В роду Айдарбая все такие упрямые. Когда-то и он так же обошелся со своим отцом. И двадцати ему не было беспутному, когда он, не считаясь с волей своих родителей, заранее засватавших ему девушку, взял да и умыкнул в одну ночь смуглянку с лукавыми глазами из соседнего аула. Это по понятием того времени считалось преступлением более тяжким, чем ограбить золотую казну. Как бежал Айдарбай, так нигде не оставливался по пути. И очутился наконец далеко-далеко от родных мест, там, где только-только была организована артель «Новый путь» – «Жана жол». Так он стал хлеборобом, бросив чабанство – исконное занятие своих предков. Только спустя три-четыре года, когда он встал на ноги, вернулись они уже втроем в родной аул, с первенцем – дочерью, которая позже умерла от кори. Тяжко пришлось тогда Айдарбаю – отец его покойный был человеком набожным и упрямым. Но однако, суровый старик, встретивший сначала своего беглого, блудного сына и незнакомую бесстыжую невестку сдержанно и холодно, услышав вдруг крик краснощекого создания в деревянной люльке – бесике, привязанной между верблюжьими горбами, вдруг невольно вздрогнул, и взгляд его потеплел...

Айдарбай в глубоком раздумье. В мыслях его мелькает множество картинок прошлого и настоящего, уносивших его в заоблачную высь...

«...Эх, шайтан!.. Смахивает же на меня нравом, окаянный... Смахивает... Что ни говори, семья, семья ведь мое».

А этот малыш, вот постреленок, еще пупок не затянулся, а уже покоя невестке не дает. Ишь, и он, видимо, не хочет своих предков обижать...

А старуха, черт бы ее побрал, нашла что сказать. Дыня – и та походит на ту, из которого она семенем в землю упала. А что же тут зазорного, если дитя человеческое на предка, деда своего походит...

Ничего, пусть пока поплачет, покапризничает. Вырастет, поумнеет, исправится. Да, конечно, исправится – куда денется! Красноглазый Айдарбай ничем не хуже других не был. Люди уважали, братья почитали. Даст Бог и они в стороне не останутся...».

Старик в эту ночь не спал. Ворочался с боку на бок, угомониться не мог. Так и не сомкнул глаз, словно веки подперли чем-то. В конце концов надоело ему ерзать в постели, и он пересчитал все поперечные балки под крышей. Вспомнил попутно, какую из них откуда привез. Помянул и беднягу Тинали, который помогал ему строить этот дом. Золотые были руки у покойного ровесника Айдарбая. Бывало, сидит Айдарбай чем-то недовольный, а тот ему: «Ох, боже праведный. Хоть стар ты, а все никак не перебесишься», – и как

захохочет! Ох, были ведь времена!

Долго еще он лежал с открытыми глазами и только задремал под утро. Когда проснулся, то солнце успело подняться на длину вытянутого аркана. Открыв глаза, он резво вскочил с постели, натянул второпях с грехом пополам ичиги на босу ногу и выскочил во двор.

Старуха успела, оказывается, подоить корову и собиралась кипятить молоко в казане. Тойбазар лежал под трактором, а отца замечать не хочет. Айдарбай постоял, потоптался немного и, когда иссякло терпение, старым беркутом налетел на него:

– Эй, чего ты там потерял?

Сын его вывернул козырек промасленной насквозь истрепанной кепки и резко приподнял голову.

– Да вот блок вконец замучил – масло протекает. Ну и решил я его это самое, чтоб...

Старик понял, что ничего вразумительного тот ему не ответит, и сразу перешел к делу:

– Эй, когда я тебе сказал, чтобы ты братцу своему непутевому письмо написал? – говорил он, хотя сам точно не помнил, говорил или не говорил ему про это.

Тойбазару не понравилось, что старик ни с того, ни с сего набросился на него. Он сердито усмехнулся про себя, и что это с утра напало на своенравного родителя, обычно разрывавшего в клочья попавший в руки конверт. И чтобы еще пуще досадить тому, как ни в чем не бывало продолжал во-

зиться с железками.

– Эй, кому я говорю?

На этот раз голос Айдарбая вышел намного солиднее. Но разбалованный сын, кажется, решил окончательно вывести его из себя.

– Да напишем же, успеется. Вчера ведь только получили. Сейчас некогда, на ферму надо... – резко отрезал негодный.

– Вот говорил же я, что они скоро друг друга в лицо узнавать перестанут... Да что это такое, лежит себе да железякой никчемной ковыряется.

Строптивый сын только сейчас начал понимать, что вчерашнее письмо основательно встряхнуло отца. И весь этот распетушенный вид его показался ему вдруг близким, милым и понятным.

Сын хитро улыбнулся:

– Отец, ну чего ты от меня хочешь?..

Сердитое лицо Айдарбая невольно потеплело.

– Письмо напиши этому, говорю. Пусть не мучают, не изводят малыша, а привезут сюда. Была бы цела буренка, а там старуха свое дело знает, – и собрался было уходить, как вдруг, словно вспомнив о чем-то важном, резко обернулся назад:

– И еще... напиши этому недоумку, пусть заедет повидаться к родному отцу, мол, болеет он и не сегодня-завтра дух испустит, да поскорее! Так и напиши. Уяснил? – строго заключил он.

– Отец, ты же не болеешь? Что, и так написать?

То ли Айдарбай почувствовал, что хитрющий сын нарочно прикидывается простачком, то ли решил сгладить свою слабость, но вдруг ни с того, ни с сего, набросился на него:

– Вот пакостники! Нужен вам отец, как же! Взрастил-вскормил. Зачем теперь вам жалкий беззубый старик? Хотите, как куропатка, «поживился и с глаз долой?». И дела вам нет до того, что я всю ночь проворочался? Спите себе спокойно и в ус не дуете! – и будто торопясь избавиться от насмешливого взгляда сына, не оглядываясь назад, быстро зашлепал в своих полуразвалившихся галошах к дому.

Спустя некоторое время он вышел с кумганом в руке. Да, с утренней молитвой и омовением на этот раз он опоздал. Но старик и вовсе не думал торопиться, идет себе степенно, важно. Только подол его чекменя едва заметно развевался под порывами утреннего прохладного ветерка. Обычно чуть сторбленная его спина в этот миг распрямилась-расправи-лась как будто...

Отчая земля

Корганбек молча стоял у старой могилы в безлюдной степи. Взгляд его надолго задержался на портрете, установленном на красном граните памятнике, – казалось, покойный отец пристально и задумчиво смотрел на него. «Прости, отец. Разве я знаю, что ты с нетерпением дожидался меня, – прошептал он про себя. – Вот, выдалась возможность – приехал поклониться тебе...».

Просторная степь раскинулась необозримым кругом, безмолвно подставив себя ласковым лучам весеннего солнца. На краю горизонта темнеет обрывистый бугристый берег Акиина – одной из тысяч знаменитых излучин древней Сырдарьи. И река также нема, как безмолвная ширь вокруг нее.

Да, теперь это уже не прежняя великая река, воды которой в дни весенних паводков размывали русло. В ветреные дни ее обширное побережье, прежде укутанное зеленью трав и непроходимых тугаев, неистово гложут бродячие вихри, поднимая пыльные бури. Там, где Сырдарья впадает в море, появились округлые, мертвенно-белесые, мутноватые зеркала солончаков. Надо ли повторять известную всем горькую истину о том, что ослабла, захирела река, утратив былую свою мощь и величие? Может быть, пришла к реке, как ко всякому живому, старость? А может быть одна из двух артерий, питавших сердце древней земли Средней Азии и Сары-

арки – Арал, испокон веку встречавшая и провожавшая караваны поколений, в эти дни подверглась какой-то опасной болезни? Словно человек, давно прикованный к постели, она невесела и измождена, молчаливо взывает к помощи...

– Пойдем, пройдемся по кладбищу, – тронул за рукав его Казантай.

Корганбек молча последовал за другом. Кладбище разрослось, словно город-новостройка. Если прежде могила его отца стояла с краю, то сейчас ее уже потеснили к середине. В детстве к вечеру они побаивались ходить здесь: видно, взрослые добились своего, когда, пугая детей, утверждали, что на кладбище обитают джины и пери, а шайтан разжигает огонь.

Казантаю были знакомы многие захоронения: «Здесь покоится этот, а здесь – тот», – перечислял он полузабытые для Корганбека имена покойных односельчан. Порой он говорил: «Хорошим человеком был покойный», – шептал что-то неслышно и по-мусульмански проводил ладонями по лицу.

– Это могила покойного Култая, – сказал Казантай, подходя к сложенному из кирпичей высокому четырех-главому мазару. Корганбек остановился и вздрогнул от неожиданности – как раз в этот миг в нескольких шагах от них закрутился и взвился вверх вихрь. Внезапно защемило в груди у гостя, до сих пор безучастно слушавшего своего друга.

– Покойный, пусть земля ему будет пухом, был добрым

парнем, – с волнением в голосе сказал Казантай. —В жизни, конечно, немало добрых и честных людей, но Култай был особенным парнем. Как знать, за чьи прегрешения Бог наказал беднягу так рано.

Култай учился с ними до шестого класса, а потом оставил учебу насовсем и ушел помогать отцу-чабану. Потом в двадцать три года утонул.

Оба бросили по горсти песка на могилу Култая.

– Пусть земля будет тебе пухом, – прошептал Корганбек.

Могилы со стороны реки запущены и кое-где обвалились. Здесь преобладали старые захоронения. Прежде, когда Сырдарья была полноводнее и во время весенних паводков выходила из берегов, она доходила до прибрежной части кладбища и разрушала некоторые захоронения.

– Где-то здесь, неподалеку, могила знаменитого батыра Жанболая, – сказал Казантай, идя к машине, – похоже, среди тех старых могил. Ее давно уже сровняло с землей, но надгробный камень все еще стоит, как новый. Рассказывают, что когда-то давно люди, почитавшие память о батыре, специально заказали этот камень в Ташкенте за сотню овец и установили здесь.

– Я слышал, что он был святым, – припомнил Корганбек. – А как ты думаешь?

– Кто его разберет. Может, и так. Но по мне, нет человека более святого, чем батыр, защищавший родину, – сказал Казантай несколько высокопарно. – И на этом кладбище их

захоронено немало – известных и неизвестных.

Корганбек, еще не полностью избавившийся от ощущений, испытанных на кладбище, промолчал, он был согласен со словами друга.

***

Голубые «Жигули» медленно движутся по заброшенной дороге. Некогда накатанная степная дорога с тех пор, как люди стали покадить эти места, была занесена песком и сейчас едва различима. Поскольку ездили по ней редко, середина ее густо поросла травой.

Начала моя – пора, когда степь красива и нарядна, как невеста. Корганбек был доволен, что на этот раз его отпуск выпал на май. Собираясь в путь, он предвкушал, как вдоволь навалется в зелени весенних трав, надышится их ароматом. Но сейчас, глядя по сторонам из машины, никак не мог узреть знакомую с детства картину – степь, покрытую обильным зеленым ковром. То ли мало было нынче дождей, то ли худо в степи с тех пор, как обмелела река, словом выглядела она сиротливой и жалкой, как брошенное всеми дитя. Редкие кусты дузгена и баялыша до сих пор не распустили почек, куткашаш все еще не расцвела, и даже неприхотливая полынь не пошла толком в рост. Красные и желтые тюльпаны попадаются на глаза лишь изредка, словно стыдливые аульные девушки, не подходящие к дому при виде гостей. И лишь синее, как прежде, небо ласково глядит вниз, как бы оправдываясь: во всем этом моей вины нет. Я ровно отношусь ко

всем. Я общее для всех вас. Я вечное...

Отъехав от кладбища километров шесть, машина стала взбираться на крутой склон.

– Э-э, милый, да ты что так помрачнел? – спросил сидевший за рулем Казантай, искоса взглянув на гостя.

Корганбек смутился.

– Ты уж прости, я, видимо, слишком задумался.

– Ладно уж. Мы-то с тобой не из тех, кто церемонится друг с другом. И все же сядь вот так, выпрямившись. В родные края заезжаешь раз в пять лет лет. Вот и надо как-то развешаться, а мы уж тебе поможем, можешь не сомневаться, – улыбнулся Казантай. – Когда у нас в последний раз был?

– Кажется, года четыре назад...

– Ну, молодец! И не стыдно! Алма-Ата – вот она, рядом. Я бы, самое меньшее, раз в год вырывался в родные края.

– На словах-то все легко, Казеке.

– И то может быть...

Машина поднялась на вершину высокого холма. Впереди открылась обширная равнина. С одного ее края, на расстоянии перегона овец, в дрожащем мареве показались крайние домики небольшого аула. У Корганбека екнуло сердце: это был его родной ул – Акиин.

– Ну как, заглянем в Акиин? – спросил Казантай, не отрывая глаз от дороги. – Там живет сейчас прежний егерь Ускенбай: проведем его, выпьем. Не знаю, как ты, а мы ночью пропустили изрядно, во рту пересохло.

Корганбека потянуло в Акиин, а потому он с удовольствием принял это предложение друга.

– В Акиине сейчас никого не осталось, – продолжал Казантай. – Все, кроме Ускенбая, за последние два-три года уехали отсюда. Как обмелела Сырдарья, исчезли все прежние покосы, и теперь в Акиине осталась только кукурузоводческая бригада совхоза. Усеке охраняет посевы. Ну а рабочих сюда возят с центральной усадьбы. Слышал об этом, наверное?

– Слышал... – ответил Корганбек, ощущая нарастающую грусть.

Резвый «жигуленок» в мгновение ока домчал до аула. Около полусотни тесно прижавшихся друг к другу, осевших домиков, расположились вдоль коротких улочек. Между домами сиротливо стояли хлева с обвалившимися крышами и зияющими, словно старые ямы, створками дверей. Чуть поодаль, как бы для того, чтобы еще больше подчеркнуть разруху и запустение, в беспорядке разбросаны груды мусора и хлама. Господи! Неужто это и есть тот самый прежний Акиин? И хотя Корганбек знал, что здесь давно уже не осталось людей, некое затаенное чувство, греющее сердце, в этот миг ожило в нем, словно желая показать, что не способно смириться с такой несправедливостью.

Скрипнув тормозами, машина остановилась у небольшого двухкомнатного домика Ускенбая. Сидевший на деревянном настиле в тени и мявший насвай худющий, зеленогла-

зый, с крохотным детским личиком старик – Ускенбай не заметил, как подъехали гости. И когда с шумом, громко хлопая дверцами машины, перед ним внезапно возникли два рослых парня, он вздрогнул.

– Ассалаумагалеikum... – произнес нараспев Казантай, протягивая обе руки рыжему старику. Не выпуская из рук тостагана с насваем, тот едва шевельнул тонкими, изъеденными насваем, синеватыми губами. Поздоровался со стариком и Корганбек. Затем оба разулись и присели на старой белой кошме, разостланной на настиле.

Ускенбай, прикрыв ладонью глаза от застывшего прямо над головой солнца, словно чабан, высматривающий в степи отару, сначала пристально взгляделся в лицо Казантая. Заметив, что старик их не признал, Казантай, ткнув кулаком в колено своего товарища, озорно заулыбался. Похоже, он молчал нарочно, чтобы посмотреть, как поведет себя дальше старик.

– Казантай, что ли?! – спустя некоторое время воскликнул старик визгливым голосом.

Казантай закивал, затрясся от смеха.

– Что, не узнали?

– Ах, окаянный!.. – Ускенбай, вздрыгнув коленками, глянул на Казантая, словно старый фазайй петух. – Что ж ты молчишь все это время или решил испытать меня, которому до могилы ближе, чем до постели? Ну, как живы-здоровы твои? Мать не хворает?

– Здоровы-здоровы... – ответил Казантай, смеясь. – Сами же говорили когда-то: племянник – не родич, жилы – не пища. Вот и хотел, если не окажется вас в ауле, залезть в ваш сарай да стащить парочку тощих овечек, жаль, не вышло. А вы сидите, как летучая мышь, охраняя старые стены, да все поглядываете вокруг белесыми глазами.

– А куда мне прикажешь деваться, если не сидеть здесь. Все вы разбрелись кто куда. Акиину, наверное, тоже хотя бы один хозяин нужен. Вот и сидим, питаюсь чем Бог наделит. Слава Богу, пока с голоду не помираем – в мире покой, у людей достаток.

– Вот уже верно сказано, дядюшка, — поддержал Казантай, похлопывая старика по спине. – Зачем вам на нас сердиться, сказали ведь, такие же как вы, мудрые старцы в давние времена: если время твое стало лисой, то стань гончей и настигни его. Но куда уж нам, нынешним, превзойти свое время, вот и суедемся ради детишек и домочадцев.

Старик фыркнул, словно норовистая лошадь, и едко рассмеялся.

– Вишь ты, как он, окаянный, заерзал, зная, что от меня так просто не отделаешься! Предки наши еще говаривали, что сын рождается либо на четверть хуже, либо на четверть лучше отца. Может быть, ты, самое большее, родился на четверть лучше Катепы, но все равно далеко от него не уйдешь. Лучше дело говори.

– Ой, да перестаньте вы, дядюшка, придирааться, – стал от-

махиваться Казантай, поняв, что в споре старика ему не одолеть. – Завернули по пути, решили проведать и на тебе, хоть беги!..

– Вот теперь ты дело говоришь. — Ускенбай пододвинул поближе тостаган и небольшой деревянной ступкой стал толочь зеленый горький насвай. – Ладно уж, выкладывай, что за поездка?

– Не узнаете этого джигита? – спросил Казантай, показывая рукой на сидевшего молча Корганбека.

– Вроде, припоминаю... – Ускенбай искоса оглядел Корганбека.

– Если припоминаете, то подскажу – это старший сын Айдарбая Корганбек, который в Алма-Ате теперь живет. Вот, приехал погостить в родные края.

– Молодец, правильно сделал, – проговорил Ускенбай. – Как там у вас? Все живы-здоровы, светик мой?

– Здоровы, ага..

Нить разговора снова перешла к Казантаю.

– Из Конбейта едем. На могиле отца Корганбека были.

– Э, это святое дело – навестить могилу предков своих, – произнес Ускенбай, переходя теперь на присущий старикам неторопливый тон. – С отцом твоим – покойным Айдеке – мы с детства вместе росли, блаженство ему загробное. Хорошо, что поклонились ему, светик мой. Это – единственное, чего ждут мертвые от живых. Наверное, после твоего приезда дух Айдеке почувствовал удовлетворение. Как бы то ни

было, хорошо, когда есть кому тебя помянуть. Моя старуха девятерых родила. Семеро из них – в земле. Две дочери остались. У обеих семьи. Старшая в области большой начальник – главный бухгалтер, и зять на хорошей работе. Нам-то от них проку мало, даже два-три слова жалеют нам написать. Заботится о нас младшая, что здесь, в центральной усадьбе. Чай, сахар хотя бы привозит. Зять на машине работает. Заезжает, когда по пути. И он, единственный сын у своих родителей, неплохой парень. «Отец, что же вам на старости лет оставаться в безлюдном ауле, переезжайте к нам», – зовет. Мы не отказываемся переехать, да куда деть скотину? Разве в центре найдешь для них сено и корм? К тому же у старухи до пенсии пары годочков не хватает, а здесь она сторожем числится. Поэтому, на старости лет одни охраняем отчий аул, сынок. Пока жив, пока при силе, хочу и ее – о старухе говорю – обеспечить от государства, надо, чтоб после смерти моей она на своих хлебах оказалась.

– Кстати, совсем забыл, а где же тетушка-то? – спросил Казантай, глядя на открытую дверь дома.

– Ее я вчера с трактористами, что здесь землю пашут, отправил в центр. – Усеке с присвистом прокашлялся и продолжил разговор. Корганбек заметил в его голосе и другую хворь, ту, что приходит со страстью, и с которой никакими снадобьями уже не сладить. – Завтра ведь девятое мая, праздник. Отправил, чтобы у дочери погостила, развеялась.

– И вправду, завтра же праздник, – произнес Казантай,

удивившись тому, как он мог забыть, что завтра Девятое мая. – А прежде, вспоминается, дядюшка, здесь в Акиине, на каждый праздник устраивались скачки, состязания борцов, все наряжались, поднимались на холм, пели, радовались...

Ускенбай встрепенулся.

– Охо, почему бы и не устраивать скачки и состязания борцов? Тогда же народу было сколько, с одной стороны – Тартубек, с той – Жуантобе, все собирались здесь, в Акиине. Как сейчас помню послевоенное время. В ту пору мужчины были особой чести. Сары Кулмамбетияр-улы, тот вообще взбесился, словно кобель – при живой жене, еще одну молодую взял. Перед одним из праздников собралось нас немало возле магазина. Сейчас уж не упомяну, кто-то в ауле сына женил и мы шли со свадьбы. Тот самый Сары, навеселе, стал задираться к покойному Тинали. А были они, как мы с тобой, племянник да дядюшка. Пристает Сары к Тинали: «Давай бороться, да давай бороться». Покойный Тинали, хоть и крупным и подтянутым был мужчиной, но от природы смиренным. Стал он уклоняться, да отходить от задир. Ну а мы, Айдеке, твой отец, ныне покойный Катеп, сейчас здравствующий, всю жизнь проработавший бригадиром Тлепбай, которого все молодые женщины прозвали «деверь-бригадир», Елемес с кошачьими усами – все мы окружили Тинали, разве в стороне останемся, все поджучиваем да подбадриваем: «Давайте-ка, поборитесь!». Пришлось Ти-

нали поневоле выйти в круг. Поначалу он, робея, все уклонялся от задиры. «Экий рохля!..» – злились мы, – да и что с нас возьмешь – молодые в ту пору были... Ну, так вот, схватились они. Руки у Тинали были сильными – все же известный на всю округу умелец. Не солгу, пожалуй, если скажу, что стены домов нашего аула возведены им. К тому же и парнем он был крупным и ловким необычайно. Не прошло и мгновенья, как швырнул он Сары на голый такыр перед магазином. Ударившись о такыр головой, сын Кулмамбетияра полчаса пролежал без сознания. Из носа потекла кровь. Младшая жена, прижав голову бедняги к груди, вопила в голос. Тут же мы все растерялись. У Тинали душа совсем в пятки ушла – и без того робок, а тут и вовсе глаза из орбит полезли. Но, слава Богу, все обошлось хорошо – спустя полчаса пришедший в себя Сары, резко отбросив от себя рыдавшую жену, вскочил на ноги и ухватил Тинали за ворот. «Никогда тебе не поумнеть, не стать человеком... Да и на свете-то ты еще существуешь, благодаря милости и стараниям моей сестры. А ну-ка, падай немедленно мне в ноги, иначе не только мои, но и руки всех моих потомков от обеих жен будут за твою проделку со мной хватать тебя за ворот. Хотя я и младше тебя по возрасту, зато старше по родству, мог бы сам свалиться, коль мы схватились, дубина ты стое-росовая!» – набросился на покойного Тинали этот негодник. Только что сникшая от испуга толпа теперь загалдела, одобряя Сары. Тинали, бедняжка, совсем рассудок потерял. Сто-

ял, изумленный, то бледнея, то краснея. Одним словом, что вам долго головы морочить, Тинали в это день зарезал овцу, подарил Сары чапан и, получив благословение аксакалов и карасакалов, едва отделался от всего этого. Да, подумать только, тоже ведь времена были славные.

Окончив рассказ, старик вытянул шею и еще раз прокашлялся. Увлеченные рассказом джигиты глядели на него выжидающе, надеясь услышать еще одну историю.

– Кстати, дядюшка, завтра же праздник. У нас в машине поллитровка есть, что если мы ее здесь и распробуем? – предложил Казантай, лукаво подмигнув Корганбеку.

– Ну что же, пробуйте, если есть охота, – ответил старик, поднимаясь и отряхивая полы чекменя. Старик вынес из дома кастрюлю с айраном, хлеб и расстелил дастархан. Казантай принес из машины поллитровку.

– Ох, ох, ох! До чего же хорош айран у нашей тетушки! – с восхищением произнес Казантай, разом опорожнив целую пиалу и сладко причмокивая, словно отродясь не пил айрана. – Ну, прямо, чистый мед, чистый мед!..

Выпил пиалу айрана и Корганбек. И в самом деле айран был необыкновенно вкусен. Гостю показалось, что от айрана пахнет свежим степным ветром и цветущей полынью.

Казантай начал разливать в маленькие чайные пиалы водку. Когда тонкое горлышко прошло над двумя пиалами и двинулось к третьей, старик удержал руку Казантая.

– Мне не наливай!..

– Да вы что, дядюшка! Сколько помню, вы ведь хотя бы на один заряд всегда готовы бывали, – сказал Казантай, недоуменно поглядывая на старика. – Или, кстати сказать...

– Ну чего ты заладил: кстати, кстати!.. – Ускенбай, нарочно прикинувшись рассерженным, грозно взглянул на племянника. – Бросил я пить. Вы уж как-нибудь без меня угощайтесь.

Казантай все же не придал значения словам старика.

– Да ведь когда-то... — начал было ворошить он свою память, выискивая что-то.

Ускенбай оборвал его на полуслове.

– Когда-то, когда-то!.. Чего только не бывало когда-то. Скрывать не буду, в прежние времена крепко дружил с этой гадостью. Не раз, бывало, в любви ей объяснялся. Не валялся, правда, подобно свиньям, на улице, как некоторые нынешние. А потом сообразил, что в этой штуке таится шайтан. Уж не осудите, что перескакиваю с одного на другое, только вот, к слову, вспомнилось. Когда был помоложе – гонял в Каракалпакию лошадей на продажу. По пути аулов не счесть. Так вот, по пути домой, добрался я на утро третьего дня до аула Рыжего Садыка по прозвищу Желтый самовар, который пас скот на противоположном отсюда берегу реки, на Кок-шокалаке. Захожу в дом, а там полным-полно гостей: чабаны – соседи Садыка, братья Ескали и Доскали, Красноглазый Окас, наш заведующий фермой Шардарбек, остальных не упомяну, слишком уж много было народу. Ов-

ца зарезана, разговоры горячие, водка, карты. «Надо же, как славно, на ловца и зверь бежит», — подумал я и присоединился к ним. В кармане — деньги за проданных коней, оттого, видать, и уверенность в себе необычайная, когда сели играть в карты. И не спрашивай, как удача пришла ко мне. Тут уж я ее — родимую, из рук не выпускал. Так, играя и выигрывая, к обеду я и набил деньгами полную пазуху. Поели, водкой запивая нежное мясо мархи. Короче, чтоб не морочить вам головы, после обеда вскочил я на своего Каракаску и отправился домой. Солнце уже к закату катилось, но сумерки еще не сгустились. Подъехал я к переправе, а паромщика нет — паром стоит на другом берегу реки. Кричал я, кричал, никто не отзывается. Было это в конце апреля. Сырдарья разлилась, что твое море — краев не видать. Бес меня попутал, то ли водкой возбужденный, то ли полными карманами денег, принял я безрассудное решение. Полоснул коня пару раз камчой и направил его в воду. Поначалу бедная моя коняга фыркала, боясь вступить в бурлящую реку, но, видимо, камча вынудила, вошла все-таки в воду. Как вспомню тот свой поступок, так до сих пор волосы на макушке дыбом встают.

Каракаска, пофыркивая, плывет вперед. Однако другой берег все никак не приближается. Миновав половину реки, конь стал уставать. Хмель мой, конечно, выветрился тут же, губами только кое-как шевелю, взывая к всевышнему о чуде... Ох, никогда прежде такого страха не испытывал — решил, вот она, смерть за мной пришла. Но Каракаска был конь

сильный и отчаянный – вывез все же он меня на другой берег. Течение, что ни говори, сильное. Для тебя ложь, для меня правда сущая, отнесло нас от переправы аж до самого Тассаута. Посчитай сам, по меньшей мере версты три-четыре будет. Мокрый до ниточки, добрался к полуночи до дома.

Увлеченный рассказом так, что и еда забылась, Казантай спохватился и одним махом опрокинул пиалу водки, прихлебнул айрана и снова обратился к старику.

– Оу, Усеке! А мы-то и не знали, какой вы у нас отчаянный храбрец. Только самый бесстрашный из бесстрашных способен на подобные подвиги. Надо думать, что вы пожертвовали на святые места хоть что-нибудь из тех денег, что оттопыривали ваши карманы.

Рыжий старик тонко рассмеялся.

– У, окаянный! И что тебе за дело до святых мест?

– Особых дел нет, конечно, но все-таки...

– А вот этого я нынче уже и не припомню.

Казантай, изобразив крайне удрученный вид, покачал головой.

– Эх, дяюшка, сдается мне, что вы-таки ничего не пожертвовали.

И старик, и Корганбек невольно рассмеялись.

– Э, да у тебя, гляжу, негодника язык-то с подвохом, – отметил Ускенбай, явно не скрывая, что доволен племянником.

– Эх, голубчики вы мои, разное пришлось пережить, да

всего уж не упомнишь...

– Дядюшка, а что значит прозвище Желтый самовар – Рыжий Садык, – спросил Казантай, вновь разливая водку в две пиалы.

– А то, что народ наш горазд на всяки прозвища. Покойный Садык был отчаянным чаелюбом. В доме его стоял специально купленный на базаре в акмечети большущий самовар. Я такого самоварища больше нигде не видывал. Отсюда и прозвище – Желтый самовар. Да и сам Садык по тем временам был рыжим, что спелая тыква. Нам он приходился жезде. Человеком он слыл радушным, широкой души. Пошучивали мы порой над ним. Спрошу, бывало: «Ау, жезде! Этот желтый самовар у вас постоянно кипит. Прямо жаль беднягу». А он мне: «Эй, недотепа! В словах твоих нет ни капли разума, иначе не стал бы ты мучиться из-за кипящей божьей воды, как не мучился, отдавая мне в жены свою сестру!». А сам хохочет. В шутках он никому спуска не давал. И вообще, скажу я тебе, народная молва – сокровищница слова. И Сары Кулмабетияра позже прозвали Еркесары – Рыжий баловень. Когда угостились мы тем барашком, что бедняга Тинали зарезал в знак прощения своего, и стояли во дворе, кто покуривал, кто поплевыл да поковыривал в зубах, аксакал Молыбай вдруг усмехнулся про себя. «Чему вы смеетесь, Молдеке?» – спросили мы.

«Смеюсь я поступку этого негодника Сары, – отвечает. – В прежние времена народ оказывал почести и дарил чапан

победителю, а у него все наоборот вышло. А потому, скажу я вам, не прост наш Сары. Не зря ведь его дальний предок Жанболай – батыр. Сердце у него храброе – как бы то ни было, хоть и слукавил, но победу-то он празднует, а не Тинали. Раньше я звал его про себя Жамансары, теперь же беру это прозвище обратно. А вы отныне зовите его Еркесары!..».

С той поры народ стал звать сына Кулмамбетияра Еркесары.

– Да, многого мы порой не замечаем вокруг... – покачал головой Казантай. – Признаться, я о старушке впервые слышу.

– Потому и говорят в народе: «Дольше проживешь, больше узнаешь», – ответил старик.

– Усеке. Еще кое-что о Еркесары хочу вас спросить. В нашем ауле много рыжих. В чем тут, по-вашему, причина, – спросил Казантай в надежде на новый рассказ.

Старик неторопливо потянулся к туго набитой табакерке, подхватил щепотку буро-зеленого насвая, заложил за губу и на минуту задумался.

– Тоже найдешь о чем спросить, – ответил он, подетски невинно улыбаясь морщинистым лицом. – Дальние предки наши Есмамбет и Жанболат, говорят, оба были рыжими. Мы же от них свой род ведем, потому, верно, и рыжие.

– И в самом деле. Вот тебе и разгадка, – удивившись своей недогадливости, произнес Казантай. – А ты, Корганбек, как думаешь?

Корганбек лишь улыбнулся на это, не ответив. Старик перевел испытывающий взгляд белесых глаз на гостя.

– Свет мой, ученье ли в городе тебя утомило? Лицо у тебя усталое, молчишь все. Слышал от аулчан наших, что в газеты ты пишешь. Рассказал бы чего.

– Да они, дядюшка, в отличие от нас, много не говорят. Все больше других слушают, а потом быстренько печатают услышанное от своего имени в газетах, – подковырнул Казантай.

Корганбек смущенно заерзал. Но что толкового может он им рассказать – повидавшему многое и умудренному рыжему старику и своему бывшему однокласснику, который, хотя и не пишет в газеты, но живя среди народа, поднаторел и в разговорах, и в рассказах. Да и доверится ему на слово в чем-либо Казантай, поверит ли Усеке?

– Уважаемый, а каковы нынче всходы? – спросил Корганбек, которому молчать дольше было уже неловко.

– О всходах и не спрашивай... – Усеке с досадой сплюнул насвай, сполоснул рот из стоящего рядом тонкошеего кумгана. – С тех пор, как стала мелеть река, ушла отсюда и благодать. Рис стал бедой нашей, выпивая воду, которой и без того мало. Летом вода реки, для вас ложь, для меня – сущая правда, гнивает. Ибо нет течения. Немного ниже, в селения, появилась эпидемия желтухи. Умирают некоторые. И все это из-за гнилой воды – доктора так говорят. С тех пор, как стал мелеть Арал, здесь перестали собираться тучи. Еще

май не завершился, а трава на холмах и на побережье уже пожелтела, высохла. Влага нет. В июне, как ветер поднимается, вся степь покрывается пылью. У этого народа есть дети на руководящих постах. Но, то ли сказать толково не могут – вот загадка. И рис – один из источников благ наших, кто ж этого не знает, перестал быть для нас благом, обернувшись бедой для земли нашей, сынок.

Старик закончил, и все трое погрузились в молчание. Ленивое весеннее солнце склонилось с зенита к западу. Время за полден.

– Ну, теперь, если разрешите, дядюшка, мы тронемся, – произнес Казантай с легким вздохом. – На вечер пригласил к себе друзей и сослуживцев, чтоб они с Корганбеком встретились. Времени уже немало.

Ускенбай, сложив раскрытые ладони, благословил их.

– Разрешение – от Аллаха, дорогие мои. От меня лишь доброе напутствие, – произнес он. – Повидав вас, и я изрядно воспрял духом. Сын Катепя, ты сказал не давно: «Племянник – не родня, жилы – не еда». А я тебе скажу: «Почему бы племяннику не быть родней, если он стоящий человек, почему бы жилам не быть едой, если на них есть мясо». Вон пасутся около трех десятков овец и коз. Это и есть моя скотина. Возьми любую из них, положи к себе в машину. Дома угостишь мать свежим бульоном. И сын Айдеке, гость твоего дома, пусть отведает. Видишь сам, дома старухи нет, иначе попотчевали бы вас, как положено. А вы не забывайте, вспо-

минайте порой, что живет здесь старичок такой вредный, если удастся, то и заглядывайте.

Казантай покраснел от смущения.

– Ойбай! Не нужно овцы, дядюшка, – сказал он суетясь. – Это нам следует привозить вам, а брать у вас стыдно. Спасибо за радушие! Если придется в следующий раз проезжать мимо, то непременно загляну к вам. А этот ваш зять далеко-далеко все-таки живет.

– Ну, будьте здоровы в любых краях. – Старик поднялся с места, отряхивая полы чекменя. – Предложил взять овцу, не взяли, тогда уж довольствуйтесь тем, что было. А мои помыслы чисты, и к пустословию я не привык.

Распрощавшись, джигиты сели в машину. В это время снова раздался голос старика.

– Эй, Казантай, если твои мышеловы поедут в нашу сторону, передай и для нас отравы. Говорят, если кулан свалится в колодец, то лягушка прыгает по его ушам. Так и здесь, в ауле, стало полно мышей, житья от них нет. Не забудь моей просьбы.

– Хорошо, дядюшка, не забуду, – ответил Казантай, высунув голову в дверное оконце. – Ну, будьте здоровы...

Машина легко сорвалась с места. Старик постоял еще, провожая их взглядом и повернулся к дому.

– Молодец, старик! —покачал головой Казантай, отъехав от аула. – Рассказывает – заслушаешься. Да и крепок все еще. Эх, дома два мешка картошки лежат, надо было перед по-

ездкой положить один в машину. Для них картошка – редкая пища.

Корганбек задумался. «Кто знает, может быть, для существования и нужен мешок картошки. Но этого старика одним лишь добром не удовлетворишь. Широкодушен старик и помыслы его, и надежды широки». И тоска по отчей земле и нежелание расставаться с ней, распирают Корганбека как Сырдарью в пору ледохода, и оттого побаливает сердце.

Вокруг царит покой и тишина. Лишь в открытые створки окна машины врывается неугомонный ветер. Бескрайняя степь, прижавшая к своей груди кудрявые барханы и обширные ложбины, лежит с опущенной головой, словно ребенок, обидевшийся на родителей.

На чужом пиру

Култай, опираясь на локти, растянулся на самой макушке ковыльного холма, возвышающемся посреди раздольной равнины. Время от времени, вытянув шею, юноша внимательно оглядывает рассыпавшуюся по степи отару. Часть овец уже ушла далеко до самой возвышенности Коспактюбе, туда, где темнеют ее верблюжьи очертания. Правда, неудержимо стремительные с утра овцы, утолив первый голод сочной, не тронутой копытами травой, теперь уже не двигались, а жадно паслись на одном месте.

«Пусть себе пасутся...» – Култай не спешил заворачивать отару.

У подножья холма пощипывал траву гнедой мерин под седлом. Судя по тому, что хозяин даже не спутал коню ноги, нрав у него должно быть смирный и покорный. С восходом солнца гнедой не успевал отмахиваться от донимавших его серых большеголовых слепней величиной с добрых жуков.

Позднее утро. Рябоватое июльское солнце, поднявшись над землей, повисло над гребнями белесых барханов и наполнило сонным теплом эти безлюдные пески. Вдали у кромки горизонта, как пенка добротного катыка, подрагивало легкое марево. Там и сям торчали редкие кусты саксаула. Среди выжженной суховеем и зноем травы ярко зеленел единственный куст тамариска. На его веточке уже давно си-

дела крохотная синичка, видимо, свившая гнездышко в густой тени. Издалека, со стороны железнодорожного разъезда, донесся лязг вздрогнувшего тяжелого грузового состава.

Култай, с непонятной ему самому грустью, захлопнул толстую книгу с истертой обложкой. Перестук тяжелого состава стал постепенно слабеть и гаснуть. Вскоре за горизонтом исчез и сам поезд, оставив после себя лишь облачко дыма, лохматое, как клочок овечьей шерсти.

Култай ощутил себя совсем одиноким. Он привык провожать взглядом идущие мимо поезда. И этот удаляющийся состав тоже пронзил его сердце щемящей грустью.

В школьные годы Култай всегда с нетерпением ждал того момента, когда надо было возвращаться из надоевшего интерната в далекий чабанский аул. Особенно с приближением летних каникул сон покидал его, он тосковал по простору, усеянному весенними цветами, торопил минуты и худел прямо на глазах. Стоило ему вспомнить темные юрты, дремлющие под лунным небом, кисловатый запах овечьего помета и залежалого навоза, которым надолго наполнялся воздух после самого легкого дуновения со стороны отары, с хрустом и чмоканьем жующей свою жвачку, как мальчишеское сердце начинало бешено колотиться, словно ему становилось тесно в груди. И потом, уже после возвращения в аул, в Култае долго не гас этот огонь ожидания, и он ходил как в полусне, не в силах поверить в наступление этих счастливых и пьянящих дней.

На следующий же день после возвращения Култай нахлобучивал до самых ушей старую измятую киргизскую шапку отца и уходил с отарой. Только за одно это уже мальчик был несказанно благодарен своей судьбе.

Удивительно, но в ту пору Култай совершенно не ведал чувства одиночества или тоски, как это происходит теперь.

Глазастый, смуглый мальчонка всегда умел найти себя в безлюдной степи какую-нибудь забаву. Особенно любил он, завернув немного в сторону отару, ходить вдоль железнодорожного полотна, вытянувшегося по просторной степи, сияя рельсами, как двумя туго натянутыми струнами домбры.

«Наверное, нет в мире людей богаче пассажиров. Небось, и едят самые лучшие блюда, и курят самый лучший табак, – думал мальчик, с любопытством разглядывая щедро рассыпанные по обочине яркие консервные банки, блестящие коробки из-под конфет и сигарет. – Иначе откуда бы взяться у них таким чудесным вещам».

Жалко было выбрасывать эти разноцветные коробки, и Култай подолгу разглядывал их со всех сторон. Тщательно изучал он каждую надпись. Болгария, Венгрия... а на банках даже встречалось название далекой и сказочной страны Индии, где царит вечное лето.

«Удивительно, как они сумели собрать вещи со всего света. Точно, в поездках ездят самые богатые и щедрые люди». Откуда было степному мальчонке знать о всемогуществе экс-

порта и импорта... Чего только он здесь не находил. Даже деньги один раз нашел. Шел он как-то по обочине, и вдруг увидел красневшую под кустиком десятирублевку. Вначале мальчик не поверил своим глазам. Такой необычной находки у него ни разу прежде не случалось. В тот день Култай еле дождался вечера. И пригнав отару в аул, радуясь так, словно обнаружил кусок золота с лошадиную голову, торжественно вручил матери свою необычную находку. Гордость так и распирала его.

– Душа моя, что же это? – ничего не поняла сначала мать. – Где же взял ты ее?

– Нашел! Прямо около железной дороги, – выпалил Култай, не в силах скрыть своей радости.

Матери это не понравилось.

– Ах, негодник! Что ты там потерял на рельсах? А если паровоз тебя задавит? – В это время, согнав овец в кучу, вошел в юрту и отец. Мать тут же обратилась к нему.

– Погляди, отец, на этого негодника. Оказывается, он по железной дороге шляется. А если случится, как в прошлом году с сыном Ермахана...

– Ладно, не причитай... – и без того суровое лицо отца совсем потемнело. – Нет божьего платочка на твой роточек...

Хотя нашелся заступник, буйная радость и возбуждение Култая угасли, как пламя, залитое водой. Как бы там ни было, затих мальчонка затаив в душе еще одну грустинку.

Несмотря на запрет матери, Култай и после этого не пе-

реставал бродить по обочине железной дороги. Провожать проходящие мимо поезда теперь стало для него привычкой. Самыми счастливыми людьми в мире казались ему железнодорожные пассажиры. «Эх, сесть бы на один из них и проехать по всему белому свету», – мечтал мальчишка, глядя вслед зеленым вагонам, растворявшимся за линией горизонта.

Сейчас Култаю двадцать с лишним лет. Но тяга его к поездам не уменьшилась. Правда, с тех пор ему приходилось и на поезде несколько раз ездить. Но не дальше областного центра. И то в пятом классе разболелись уши, местные врачи не смогли установить причины, и отец возил его на лечение. Из-за того, что время лечения просрочили, левое ухо и теперь слышит плохо. По словам врача, оно было простужено еще в младенчестве.

Областная больница лечила Култая долго. В тот год ему пришлось остаться в том же классе. Осенью, когда он пришел в школу, ребята уже досконально знали всю историю болезни его уха.

Не выдержав унижительного прозвища «глухой», Култай в осеннюю стужу за одну ночь сбежал в свой аул, расположенный в сорока километрах от совхозного центра. По дороге он плакал навзрыд.

В тот раз его на машине догнали воспитатели интерната и вернули с полпути. Но, сводя постоянно на нет труды воспитателей, Култай стал все чаще сбегать по ночам. Не слу-

шался ни выговоров, ни уговоров, лишь молчал, насупись. К тому же, если другие дети с каждым годом привыкали к интернату, сроднились с ним, Култай, чем старше он становился, тем сильнее тосковал по степи, по родителям, и тоска эта превратилась во внутреннее бунтарство, неподвластное никакой силе. В конце концов с этим смирились и воспитатели, и родители. В тринадцать лет Култай покинул школу, бросил учебу, оставил шумную поселковую жизнь и ушел с чабанским аулом в степь...

Позже из-за этого уха его не взяли в армию. Мечта о путешествии на поезде вокруг света на этом вроде и кончилась. После пятого класса он ни разу и в областной центр не ездил. Конечно, можно было бы съездить в гости. Там живет старший брат Култая. Давно уже семьей обзавелся. У него жена, трое детей. Сам работает механиком в автопарке. Но и к нему Култаю как-то не удастся съездить.

Да и брат хорош. Мешками увозит мясо, когда забивают на зиму лошадей, которых растит Култай, а ни разу не догадался пригласить его в гости. Вообще, если не считать, что единокровные, оба они разные и по характеру, и по обличью. Один – шустрый, умеющий приспособиться к течению времени, другой – чистый, как вода, сбежавшая из русла весной и отделившаяся от реки в озере. Старший брат щуплый, уши просвечиваются, и рыжий, младший – кряжистый и угловатый, как саксаул в песках, и смуглый. И младший братишка Култая, кончающий нынче десятилетку, тоже ры-

жий, похож на старшего брата. Он такой же шустренький, даже Култая, который старше его нас шесть лет, поучает.

«Он тоже, пожалуй, здесь не задержится, – с огорчением подумал Култай. – Говорит же: „Поступлю учиться, а не смогу, на завод пойду. Что здесь делать, тишь да глушь... и ничего больше. Култай, как ты до сих пор здесь не свихнулся?“. Да, он здесь никогда не останется, – Култай в душе разозлился на обоих братьев. – Ну, не останется, так скатертью дорожка, пусть убираются...».

Из родственников он теплей, чем к другим, относится к сестренке, живет она в совхозе, замужем. Култай часто навещает ее. Что ни говори, а надоедает порой однообразный чабанский быт. Молодое трепетное сердце иногда мечется, тоскуя по друзьям и подругам, с которыми рос когда-то, по веселым и радостным вечерам, уютному и теплому дому, а самое главное, по доброму отношению людей. В таких случаях он отправляется на гнедом из зимовья в центр совхоза. Тридцать-сорок километров дл резвого коня не бог весь какая даль: выедет пораньше и уже до полудня на гнедого лают поселковые собаки.

По приезде немедленно ставится чай и начинается долгая беседа с восклицаниями и расспросами до самого вечера.

Вечером же Култай приводит себя в порядок и переодевается. По настоянию сестры снимаются и валенки, и на неуклюжие ноги Култая натягиваются легкие хромовые ботинки. Из своего остается только пышный лисий малахай на голове.

Против малахая не возражает и сестра.

К восьми часам Култай, нарядный и счастливый, отправляется в клуб. В клубе довольно холодно, поэтому и посетители редки: в основном школьники, взрослых раз, два и обчелся. В заднем ряду, рассыпавшись, как волосы на висках у плешивого, сидят пять-шесть парней и две-три девушки.

Култай сует стоявшей у входа кассирше трехрублевку, не считая сдачу, входит в темный зал, где идет кино, и опускается на стул. Раз идет кино, то как не порваться ленте. Пока механик ее клеит, загорается свет, и темный зал вдруг озаряется как днем. Зрители, щуря глаза, глядят по сторонам.

Порой Култай встречает в клубе и своих одноклассников...

На другой день Култай просыпается поздно. Долго лежит, блаженствуя, не решаясь покинуть чистую белоснежную постель, посланную сестрой на широкой кровати во внутренней комнате. Потом, нехотя поднявшись, с наслаждением умывается теплой водой. К этому времени, пыхтя, появляется и самовар. Оба опять долго пьют чай со сливками. А затем Култай некоторое время смотрит телевизор или возит на себе полуторагодовалого племянника. После обеда идет в баню.

Через два-три дня, проведенных у сестры, юноша начинает скучать. На душе становится беспокойно и он собирается возвращаться.

Перед отъездом заходит в совхозную кассу за зарплатой.

Небрежно сунув в задний карман брюк пачку денег, шагает к магазину. Набивает обе сумы коржуна заказами матери и после обеда седлает гнедого. До сумерек уже добирается до одинокого зимовья в песках. Вечером выходит навстречу ушедшему с отарой отцу и помогает загнать овец. Отец, сначала делая вид, что не заметил его, молча идет с противоположного от Култая края отары. Не спешит поздороваться и Култай.

– Что так быстро вернулся? – говорит наконец невольно приблизившийся отец, очищая усы от намерзшего инея. Сын, не зная что ответить, опускает взгляд. Старик, молча оглядывая сына, некоторое время идет рядом, затем, отвернувшись незаметно для него, тихо вздыхает. «Ну, в следующий раз целых десять дней там проведу», – решает он, жалея, что вернулся быстро.

Отец через некоторое время снова заговаривает с ним. Но голос его звучит мягче, чем до этого.

– Как у Карлыгаш, все здоровы? Малыш как?.. вырос хоть? В тот раз, когда я ездил, был совсем с кулачок.

– Вырос.

Затем оба замолкают...

...Начало отары перевалило за Коспактюбе. Часть овец повернула на восток. Возглавила их всегда свое-нравная серая коза.

«Нет, пора заворачивать... И солнце, гляди, поднялось изрядно».

Култай, потягиваясь, поднялся, стряхнул широкой, как лопата, ладонью приставшие к одежде песчинки. Затем взял чуть не забытую книгу и засунул ее за пазуху.

Гнедой отошел не слишком далеко.

***

На ворота для воды урчал небольшой мотор, укрепленный на четырех лежачих бревнах. Начало измученной жарой отары давно уже дошло до аула. Отец наводил «порядок», отгоняя палкой отчаянно лезших в цементное корыто овец. Култай медленно сполз с гнедого и вынул удила изо рта нетерпеливо рвавшегося к воде коня. Распустил заднюю подпругу и затянул заново.

– О коне я сам позабочусь. Иди домой, попей чаю, – сказал старик, забирая повод гнедого. – Ескали на свадьбу пригласил.

Култай удивленно глянул на отца.

– Сверстник твой Али невесту привез, – сказал тот, поняв, что сын не вник в смысл его сообщения.

– Да-а, когда?

– Ночью. Тр-р! – гнедой, отшвыривая коленями овец, устремился к корыту. – Ах ты, невтерпеж!..

– На рассвете по дороге через Коспак какая-то машина проехала.

– Да, это они и были.

Култай обрадовался.

Али сын чабана Ескали, чья отара расположена отсюда

на расстоянии одного перегона ягнят. Они вместе учились. И ровесники. Только Али был не так равнодушен к учебе как Култай. Окончил школу с похвальной грамотой и поступил в лучшее учебное заведение столицы – университет. Теперь, вот, невесту привез.

Мать ждала уже со вскипевшим самоваром. Встретила сына по привычке, громко разговаривая.

– Сноха наша, что в доме Саржалака (губы Ескали всегда были потресканными) суетится, места себе не находит. Али невесту привез. Уффф! – пухленькая и маленькая старушка со скрежетом поставила на поднос похожий на нее же десятилитровый самовар.

– У других все-то по-людски. Ну, а мы вот все сами хлопочем...

Култай как будто ничего не слышал, повесил на кереге старенький выцветший от солнца пиджак и вышел умываться. Мысли матери ему были известны. В чей бы дом ни привезли невестку, она начинает дуться на Култая.

– Апа, где полотенце? – Култай не нашел чем вытереться.

– А откуда мне знать!.. Лежит, небось, где-нибудь... Как будто в этом доме есть кому полотенце убирать да нам угождать.

– Да ну, хватит же вам...

– Не хватит!.. Хватит, он мне говорит. Лучше бы, даже если все девушки в этом мире стали святыми, привез бы одну, как это другие делают.

Он понял, что мать завелась надолго. Поэтому молча отыскал полотенце, затем принялся за еду. Вскоре пришел и сел за чай и отец.

– Гнедого я покормил. На нем поезжай.

Култай промолчал. Торопливо выпил пару пиал и стал собираться. С одной стороны торопился на свадьбу, а с другой, боялся, что мать опять начнет ворчать при старике.

– Апа, а где мои черные брюки?

– Какие, душа моя? – Мать, словно ничего не поняв, застыла удивленно, едва поднеся пиалу с чаем к губам.

– Что у Мырки в лавке купили.

– Ойбай, их же Нуртай забрал, на выпускной вечер надеет.

Полулежавший на торе старик вздернул голову и глянул на старуху пронизывающими глазами.

– Не знала же... – сказала мать, заметив взгляд старика. –

Негодник Нуртай пристал как репей, я и отдала.

– Ах, окаянная! Эти брюки с Култая спадут, что ли? На днях же только дали Нуртаю девяносто рублей, чтоб костюм сшил.

Култай, нахмутив брови, буркнул под нос.

– Ладно, хватит вам...

Порывшись в черном чемодане, лежавшем под убранными одеялами, отыскал коричневые летние брюки из лавсана, которые купила ему сестра. Выбрал рубашку с короткими рукавами. Нашел и угольный утюг, ржавевший в старом

сундуке.

Брюки оказались чуть коротковаты, штанины доставали лишь до лодыжек, зато рубашка в клетку была в самую пору. Спустя полчаса Култай, сияя, как только что сорванный с грядки огурец, воссел на гнедого.

Он невесело оглянулся вокруг. Белые барханы потемнели, как кисть кукурузы. Под редкими кустами вытягивали свои тонкие шеи ящерицы. На склонах барханов струились извилистые следы.

«Если разобраться, то и мать, конечно, права», – подумал Култай, вспомнив разговоры о женитьбе. Перед глазами его возник облик библиотекарши со станции. Он вспомнил ее блестящие, как смородина, глаза, кудрявую челку, шаловливо ниспадающую на высокий белый лоб.

Култай раза два в месяц заезжал в библиотеку, что находится на небольшой железнодорожной станции. Книга была не только его любимым развлечением, но стех пор, как он повзрослел, книги заменили ему все.

В последний раз на станции он был давненько. Прежней библиотекаршей была жена начальника станции, интеллигентная, вежливая женщина. Учитывая расстояние, она разрешала Култаю брать столько книг, сколько он хотел. И на этот раз прочитанные им книги наполнили обе сумы коржуна. По привычке привязал гнедого к телеграфному столбу, преспокойно вошел в библиотеку и увидел, что на месте библиотекарши сидит хорошенькая девушка с куд-

рванной челкой. Девушка иронично оглядела его обожженное солнцем лицо, набитый книгами коржун и усмехнулась.

Стала принимать книги по одной, тщательно их осматривая. Проверая, поглядывала на него испытующе, словно спрашивая: «Неужто и в самом деле прочитал все это?».

– Что возьмете теперь? – спросила она, убедившись, что все книги в целости и сохранности.

Култай снова смутился. Прежняя библиотекарша так не спрашивала, каждый выбирал с полки, что хотел.

– Хорошо бы третий и четвертый том «Войны и мира», – сказал он, боясь не понравиться девушке.

Сморозинные глаза девушки округлились.

– Толстого?

– Да!.. – ответил Култай, которому стала неприятна догадка девушки. Он даже чуть не сказал: «Нет, не Толстого, а твоего покойного прадеда».

Кроме «Войны и мира» он взял еще несколько книг. Хотел взять еще, но новый библиотекар с иронией попросила его оставить немного и на следующий раз. Девушка протянула ему карточку тонюсенькую авторучку. Култай взял бумагу и, словно не заметив ее авторучки, достал грубоватый карандаш, которым вел учет целой отары овец, и расписался на карточке. Несколько букв его подписи заняли полстраницы.

Девушка улыбнулась.

– Вы, кажется, обиделись на меня...

Култай не ответил, подхватил суму и пошел к выходу. Едва вышел в коридор, ему вслед раздался звонкий голос девушки.

– А прощаться кто будет? Тоже мне джигит... Надулся как мальчишка из-за конфетки.

– До свидания... – пробормотал Култай под нос.

С тех пор он на станцию не ездил. Теперь он жалел об этом. ««И зачем мне дуться? Нет бы познакомиться с хорошенькой девушкой... Эх, не умею я с девушками говорить. Потому и отец вздыхает, когда я быстро возвращаюсь из центра».

Доехав до песчаного бугра, гнедой настороженно напрягся. Внизу показались четыре юрты. Вокруг аула было видимо-невидимо овец. Из очагов клубами валил дым. Вокруг белой юрты Ескали было полно народу. У входа стоял единственный водовоз фермы.

«Апырау, и когда успело собраться столько народу». Пораженный Култай дал гнедому шенкелей.

***

Сначала он поздоровался за руку с несколькими мужчинами, сидевшими в тени небольшой лачуги, игравшей роль сарая, где хранилось зерно для чабанских лошадей, шерсть от собственных овец, шкуры и другие мелкие вещи. Здесь сидели наиболее уважаемые люди из проживающих в этих окрестностях животноводов.

Култай некоторое время стоял озираясь высматривая, ко-

му принести поздравления. И тут же заметил идущую со стороны очага мать Али – Мырзагуль. Следом за Мырзагуль, словно боясь что-то упустить, суетливо семенило несколько молодых с большими чашами в руках.

– С радостью вас, апа!.. – сказала Култай, поднимая руку статной хозяйки, до сих пор не потерявшей своей привлекательности, некогда известной на весь этот край красавицы, которая и в пятьдесят не смогла забыть прежней своей величавости, одевалась нарядно и чисто и поэтому своими сверстницами была прозвана «матьщеголиха».

– Спасибо, сыночек!.. Только приехал? Вот, привез курдас твой невесту, суетимся, бегаем.

– Правильно, – заулыбался во весь рот Култай. Тут же одна из шедших рядом набросилась на Култая.

– Матушка, мы возьмем плату за смотрины невесты.

– Ох вы, проказницы, – воскликнула Мырзагуль, с улыбкой глядя, как молодые схватили Култая со всех сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.